

Международная серия монографий
«ЯЗЫК В КООРДИНАТАХ МАССМЕДИА»
основана Институтом «Высшая школа журналистики
и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета
и Медиалингвистической комиссией
при Международном комитете славистов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЖУРНАЛИСТИКИ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ»

Серия «Язык в координатах массмедиа»

**ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ
В ДИАЛОГЕ МЕДИА:
КОНТЕКСТЫ, ТЕХНОЛОГИИ И ЯЗЫКОВЫЕ ТЕХНИКИ**

Коллективная монография

Санкт-Петербург
Медиапапир
2023

УДК 070

ББК 76.00

П71

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
Томского государственного университета *Н. Г. Нестерова*
доктор филологии, профессор, зав. кафедрой русского языка
Шуменского государственного университета имени Епископа
Константина Преславского, отв. редактор научной серии «Проблемы
когнитивного и функционального описания русского и болгарского
языков» (Болгария) *Е. В. Стоянова*

Авторы:

А. В. Белоедова, Е. В. Выровцева, Т. В. Дубровская, Л. Р. Дускаева,
Т. В. Жаркова, Л. Ю. Иванова, Е. А. Кожемякин, В. И. Коньков,
Ю. М. Коняева, О. С. Кругликова, А. В. Полонский,
Н. А. Прокофьева, А. А. Самсонова, Т. А. Соломкина,
А. Н. Суркова, Я. И. Тяжлов, Н. С. Цветова, Е. А. Щеглова

Научный редактор:

д-р филол. наук, проф. Л. Р. Дускаева

Ответственный редактор:

Е. В. Выровцева

Предъявление научного знания в диалоге медиа: контексты, технологии и языковые техники: Коллективная монография / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой; отв. ред. Е. В. Выровцева. — СПб.: Медиапапир, 2023. — 223 с. — (Серия «Язык в координатах массмедиа».)

Монография продолжает серию «Язык в координатах массмедиа», основанную Институтом «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета. В ней представлены промежуточные результаты исследования, проводимого в рамках проектов РНФ № 22-18-00184 «Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакommunikации» (главы 1, 2, 3) и № 23-28-00109 «Рецепция и интерпретация научного текста в интернете: мультимодальный подход» (глава 4). Монографию составили четыре главы, в которых раскрываются традиции формирования дискуссионных практик в научно-популярных изданиях XVIII–XXI веков; характеризуется полемический медиадискурс в разных траекториях представления научного знания — новостном, обучающем, разъясняющем; описываются речевые приемы и техники организации полемики в медиа. Отдельную главу составляют исследования мультимодальности в предъявлении научного знания в цифровых массмедиа.

Работа выполнена при поддержке РНФ (грант № 22-18-00184 «Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакommunikации»)

© Коллектив авторов, 2023

© Медиапапир, 2023

ISBN 978-5-00110-394-3

Редакционный совет

Главный редактор

А. С. Пую (С.-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

Л. Р. Дускаева (С.-Петербург, Россия)

Члены совета

Гарри Вальтер (Грайфсвальд, Германия)

Йиржи Газда (Брно, Чехия)

Райна Драгичевич (Белград, Сербия)

Петер Женюх (Братислава, Словакия)

Минка Златева (София, Болгария)

Данута Кемпа-Фигура (Люблин, Польша)

Малгожата Кита (Катовица, Польша)

Владимир Коньков (Санкт-Петербург, Россия)

Мария Конюшкевич (Гродно, Белоруссия)

Ивона Лое (Катовица, Польша)

Уго Перси (Бергамо, Италия)

Андрей Полонский (Белгород, Россия)

Чжан Хозьцинъ (Пекин, Китай)

Наталья Цветова (Санкт-Петербург, Россия)

Татьяна Шмелева (Великий Новгород, Россия)

Редакционная коллегия: Е. В. Выровцева, Л. Ю. Иванова, Ю. М. Коняева,
Е. Ю. Лебединская, А. А. Малышев, Н. А. Прокофьева, А. А. Самсонова,
Е. А. Щеглова (Санкт-Петербург, Россия)

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Научные дискуссии в отечественной прессе XVIII–XX веков	
<i>Кругликова О. С.</i> Научная дискуссия как общественный факт – становление полемической традиции в русской академической журналистике середины XVIII века	9
<i>Кругликова О. С.</i> Полемика о путях развития литературного русского языка в первой трети XIX века	16
<i>Кругликова О. С.</i> Полемика об эволюционной теории Ч. Дарвина на страницах русской общественно-политической прессы второй половины XIX века	25
<i>Суркова А. Р.</i> Полемика о медиумизме и перспективах его научного изучения в журналистике XIX – начала XX века	38
<i>Жаркова Т. В., Цветова Н. С.</i> Динамика развертывания возражения в публичной научной полемике (из опыта советской журналистики)	49
Глава 2. Полемический научный медиадискурс в разных речевых стратегиях передачи научного знания	
<i>Дускаева Л. Р.</i> Популяризация научных знаний в медийной среде: речевые стратегии	57
<i>Вырочева Е. В.</i> Возражение в обучающей коммуникации	68
<i>Прокофьева Н. А.</i> Возражение в новостном освещении достижений науки и техники страны	83
<i>Самсонова А. А.</i> Возражение в рассказе об истории науки	91
Глава 3. Речевые приемы организации полемики в медиа	
<i>Щеглова Е. А.</i> Лексические средства полемики изложения	101
<i>Коньков В. И., Соломкина Т. А.</i> Синтаксические приемы в передаче возражения	112
<i>Коняева Ю. М.</i> Экспликация коммуникативных сценариев возражения в онлайн-диалоге	127
<i>Иванова Л. Ю.</i> Речевое действие возражения в научно-популярной коммуникации как репрезентация коммуникативной резистентности	140
Глава 4. Мультиmodalность предъявления научного знания в медиа	
<i>Полонский А. В.</i> Научный текст в условиях сетевой публичности	153
<i>Кожмякин Е. А.</i> Текстовое оформление научного знания в материально-технологической среде медиа	166
<i>Дубровская Т. В.</i> «Заходишь на Киберленинку, скачиваешь в PDF...»: современные технологии и практики взаимодействия читателя с научным текстом в условиях медиа ...	179
<i>Белодова А. В.</i> Оптические свойства научного текста в цифровом пространстве: дифференциация зрительных стратегий	190
<i>Тяжлов Я. И.</i> Иллюстрирование научного текста в интернет-коммуникации	210

Введение

О высокой общественной значимости популяризации науки говорили многие ученые. Вспомним хотя бы статью выдающегося советского физика академика Л. В. Гинзбурга, опубликованную в одном из старейших научно-популярном журнале «Наука и жизнь» в 2007 году. Сетую на то, что в России нового тысячелетия нет необходимого для научно-технического развития уровня информационного потока, ученый сожалел о недостатке изданий просветительской направленности и неумелой подаче информации для профессионалов (и молодых людей, стремящихся таковыми стать). Обратив внимание на то, что журнал Nature посвятил революции в области нанотехнологий около пятнадцати (!) регулярных тематических приложений, подчеркнул: популяризация научных знаний в массмедиа должна стать делом исключительной значимости и в России. Ученый уже в то время высказал предложение: «<...> назрела необходимость в создании координационного совета по вопросам информационного сопровождения приоритетных научно-технических проектов. В состав совета должны войти ученые, журналисты, представители научных редакций ведущих СМИ, пресс-служб научных организаций и соответствующих органов власти. Далее могла бы идти речь об организации эффективно действующего межведомственного информационного центра. Важно, чтобы эти структуры как можно быстрее начали реально работать»¹. В России это предложение было реализовано лишь в 2019 году, когда состоялось первое заседание комиссии РАН, посвященное популяризации науки.

Комиссия была создана в целях координации работы по распространению научных знаний. Среди приоритетных вопросов в работе этой комиссии были поддержка научно-популярных журналов, издательской деятельности, взаимодействие со средствами массовой информации. Сохранение интереса общества к науке всегда считалось триггером научных инноваций, а уровень развития науки, количество занятых в научной сфере, наукоемкость ВВП остаются в числе важнейших критериев престижа и развития государства². Потребность не только в развитии науки, но и в популяризации научного знания, в обществе стала особенно очевидна сегодня, в условиях социальной турбулентности. Популяризация науки рассматривается как условие научно-технологической безопасности. То огромное внимание, которое государство проявило к популяризации науки в последние годы, вполне закономерно.

В апреле 2022 года вышел президентский Указ, в котором 2023–2031 годы утверждаются десятилетием науки и технологий в России. Основной задачей десятилетия объявлено привлечение талантливых молодых людей в

¹ Гинзбург Л. В. Еще раз к вопросу о популяризации науки // Наука и жизнь. 2007. № 8. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/11367/?ysclid=ln06buwviq225174344>

² Горшков М. К. Доверие к знанию в условиях социальной турбулентности: риски, уязвимости, вызовы безопасности // Социологические исследования – 2019. № 1. С. 159–162
URL: <http://ras.jes.su/socis/s013216250003760-9-1>

сферу исследований и разработок, содействие вовлечению ученых в решение важнейших задач развития страны, повышение доступности информации о достижениях и перспективах российской науки³. В последующем Правительством Российской Федерации был разработан План мероприятий, где одной из важнейших задач ставится тиражирование сведений о достижениях российских ученых и популяризация российской науки и современных технологий⁴. Последняя в этом документе рассматривается как условие и способ повышения доступности информации о достижениях и перспективах российской науки.

Какие же цели ставит государство перед популяризацией науки? Обратимся к еще одному документу – к «Программе популяризации научной, научно-технической и инновационной деятельности», которую разработало Министерство экономического развития⁵. Среди ее задач называются развитие всех востребованных **форм и способов информирования** общества о достижениях науки и техники и поддержка **лучших практик популяризации** научной, научно-технической и инновационной деятельности, а также развитие современной системы коммуникаций между научными и образовательными организациями, научно-образовательным сообществом и научными журналистами⁶. Основные цели распространения научных знаний, названные в этом документе, – «вовлечение молодежи в научную, научно-техническую и инновационную деятельность; рост информированности общества о значимых достижениях науки, выдающихся ученых, инженерах, технологических предпринимателях; рост интереса к науке и технике, повышение престижа научной, научно-технической и инновационной деятельности в обществе; повышение уровня восприимчивости общества к научно-техническому прогрессу и инновациям, их проявлениям в производственной деятельности и в повседневной жизни населения»⁷. В связи со сказанным считаем исследование принципов организации эффективной популяризации научных знаний – задачей исключительной общественной важности.

В последнее десятилетие медиакommunikацию сферы популяризации научных знаний затронули глубокие преобразования. Раскрывая суть этих преобразований, в частности, Н. В. Дивеева отмечает, во-первых, взрывной рост объема такой информации, во-вторых, рост числа субъектов, занятых популяризацией, в-третьих, появление новых форм и форматов научной популяризации, расширение возможностей визуальной информации, в-четвертых, виртуализацию традиционных форм, а вместе с тем

³ Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204250022>

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 25 июля 2022 г. № 2036-р «Об утверждении Плана проведения в РФ Десятилетия науки и технологий» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404975641/?ysclid=lnr93g3xfm785492022>

⁵ Программа популяризации научной, научно-технической и инновационной деятельности. Утверждена Минэкономразвития. URL: <https://legalacts.ru/doc/programma-popularizatsii-nauchnoi-nauchno-tehnicheskoi-innovatsionnoi-deyatelnosti-utv-minekonomrazvitiia/?ysclid=lnrbrtojac8192783624>

⁶ Там же.

⁷ Там же.

функциональные изменения, связанные с развлекализацией этого дискурса⁸. Вывод о существенной трансформации этого вида речевой деятельности в массовой коммуникации автор делает вполне закономерно.

Но исследователь обращает внимание и на то, что изменение «авторского» состава популяризаторов привело к понижению качества этой деятельности, к распространению среди них неспециалистов. В результате широко распространяются околonaучные и псевдонаучные речевые практики, в которых искажается роль научного познания в обществе и мифологизируются научные знания⁹. Распространение этих практик стало одной из причин другой проблемы – снижения доверия к науке и научному знанию, эта тенденция стала глобальной. Сегодня глубокое беспокойство в обществе вызывает непредсказуемость результатов научно-технического прогресса, особенно в связи с широким распространением искусственного интеллекта. На этом фоне низкая степень научной открытости будет одним из барьеров для решения целей и задач стратегии научно-технологического развития нашей страны¹⁰ – исключительно важно изучение «форм и способов информирования общества о достижениях науки и техники» и лучших практик популяризации научной, научно-технической и инновационной деятельности в массмедиа. Цель монографии – выявить, каковы же контексты, технологии и языковые техники предъявления научного знания в медиа.

Идея написания коллективной монографии родилась после проведения в рамках традиционной международной научной конференции «Язык в координатах массмедиа» семинара, посвященного проблемам популяризации науки. В ходе дискуссии стало ясно, что достижение поставленной в книге цели требует выхода за пределы традиционных методов исследования. В написании монографии, предложенной вашему вниманию, приняли участие исследователи из разных университетов и разных научных специальностей – историки, лингвисты, журналисты, философы.

ЛИТЕРАТУРА

Программа популяризации научной, научно-технической и инновационной деятельности. Утверждена Минэкономразвития. URL: <https://legalacts.ru/doc/programma-populjarizatsii-nauchnoi-nauchno-tekhnicheskoi-i-innovatsionnoi-dejatel'nosti-utv-minekonomrazvitiija/?ysclid=lnrbtojac8192783624>

Распоряжение Правительства РФ от 25 июля 2022 г. № 2036-р «Об утверждении Плана проведения в РФ Десятилетия науки и технологий» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404975641/?ysclid=lnr93g3xfm785492022>

Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204250022>

⁸ Дивеева Н. В. Популяризация науки как разновидность массовых коммуникаций в условиях новых информационных технологий и рыночных отношений. Ростов-на Дону, 2014.

⁹ Там же.

¹⁰ Яник А. А. Выявление запроса российского общества на приоритеты в развитии науки и технологий: к постановке проблемы // Политика и общество. 2019. № 6. С. 15–25. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31527

- Гинзбург Л. В.* Еще раз к вопросу о популяризации науки // Наука и жизнь. 2007. № 8.
URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/11367/?ysclid=Ino6buwviq225174344>
- Горшков М. К.* Доверие к знанию в условиях социальной турбулентности: риски, уязвимости, вызовы безопасности // Социологические исследования – 2019. № 1. С. 159–162
URL: <http://ras.jes.su/socis/s013216250003760-9-1>
- Дивеева Н. В.* Популяризация науки как разновидность массовых коммуникаций в условиях новых информационных технологий и рыночных отношений. Ростов-на Дону, 2014.
- Яник А. А.* Выявление запроса российского общества на приоритеты в развитии науки и технологий: к постановке проблемы // Политика и общество. 2019. № 6. С. 15–25.
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31527

Глава 1. Научные дискуссии в отечественной прессе XVIII–XX веков

О. С. Кругликова

Научная дискуссия как общественный факт – становление полемической традиции в русской академической журналистике середины XVIII века

Научная полемика, разнообразие и конкуренция в информационном поле различных моделей представления научного знания являются, безусловно, принадлежностью развитой журналистики, имеющей многоплановую систему жанров и технологическую инфраструктуру, апеллирующей к многочисленной и хорошо подготовленной, образованной аудитории. В этом смысле историческая преамбула к разговору о научной полемике, на первый взгляд, не может углубляться в пространство прошлого, ведь на этот уровень журналистика в России вышла на том этапе своего развития, который отстоит от настоящего времени едва ли на полтора века. Так стоит ли заглядывать глубже в историю, для полноценного разговора о представлении научной информации в журналистике? Представляется, что такой углубленный взгляд в прошлое мог бы быть весьма полезен.

Предложенная в последней четверти XX века американским лингвистом Ноамом Хомским лингвистическая теория порождающей модели описывает функционирование языка через призму когнитивных процессов, исследуя язык как совокупность формальных моделей¹¹. Возводя процесс становления языка к биологическим детерминантам, автор теории генеративной грамматики постулирует существование универсалий, регулирующих процессы освоения языка, определяющих логику его применения и сохраняющих свое значение в любых речевых проявлениях, несмотря на неограниченное множество творческих вариаций, создаваемых отдельными акторами¹².

Если, пусть и с некоторой степенью условности, поставить вопрос о существовании порождающих моделей не только в отдельных синтаксических и семантических структурах языка, но в пределах коммуникационного взаимодействия членов социума в целом, то можно предположить существование неких устойчивых паттернов читательского и авторского поведения в процессе коммуникации, включающих типовые ожидания читателя от информационного продукта, особенности восприятия им общественно важной информации, которые детерминированы как культурным менталитетом нации в целом, так и сложившимися исторически в процессе общественно-политической практики типовыми формами коммуникационного взаимодействия.

Важно отметить, что такие паттерны коммуникационного поведения устойчиво реплицируются в каждой новой эпохе, несмотря на технологические

¹¹ Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.

¹² Корниенко М. А. Лингвофилософия Ноама Хомского: от картезианской традиции к генеративной грамматике // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 88-100.

и социальные трансформации коммуникационной сферы. Это происходит не только в рамках общей тенденции устойчивых культурных образцов к воспроизводству, но в том числе и за счет того, что авторы, стремясь к эффективному воздействию на читателя, снова и снова эксплуатируют те приемы воздействия, перед которыми читательская аудитория оказывается наиболее уязвима, культивируя тем самым в каждом новом поколении читателей закрепление этих информационных ожиданий и коммуникационных уязвимостей. Без изучения предшествовавшего исторического опыта невозможно выявить эти устойчивые формы коммуникационных взаимодействий, а без понимания специфики этих устойчивых форм невозможно, в свою очередь, атрибутировать те или иные черты современного дискурса как системные и постоянные, увидеть в меняющемся неизменное, отличить в кажущихся технологических инновациях темпоральные вариации вечных и неотъемлемых свойств отечественной журналистики.

Говоря об исторически сформированных паттернах коммуникационного поведения необходимо обозначить как те из них, которые представляют собой генеральные закономерности национального развития журналистики и медиа, так и те, которые сложились в сфере научной популяризации, были частично обусловлены спецификой научного дискурса и до сих пор оказывают принципиально важное влияние на характер предъявления научного знания в современных медиа.

К числу общих установок функционирования отечественной журналистики можно отнести первичный синкретизм, глубокую сопряженность и взаимообусловленность научного, литературного и общественно-политического дискурсов. Появление в России светской литературы, первичная институционализация науки и рождение журналистики происходили практически одновременно и были органическими частями глобальной культурной трансмиссии эпохи петровских реформ. Принципиально важным аспектом этого процесса являлась доминирующая роль и односторонняя инициатива государственной власти, действия которой были нацелены на формирование новой европейской, имперской гражданской идентичности. В европейском контексте журналистика возникала в значительной степени как инструмент обмена информацией в нуждах развития торговли, и потому изначально имела коммерчески ориентированный характер: на ранних этапах вступала в обсуждение политических вопросов только в той мере, в какой они оказывали влияние на экономику и коммерцию, и в то же время сами издания были нацелены на обслуживание информационных интересов читателя с целью извлечения прибыли.

Ситуация в России была принципиально иной – журналистика, на начальном этапе всецело опиравшаяся на государственное финансирование и не испытывавшая необходимости угождать, увлекать и развлекать читателя с целью самоокупаемости, ориентировалась на просвещение, воспитание читателя, формирование и закрепление в читателях определенного мировоззрения. Причем эта традиция настолько закрепилась на уровне

восприятия, как издателями, так и читателями, миссии и задач журналистики как инструмента формирования картины мира, что даже и в тот период, когда власть утратила одностороннюю инициативу и монополию в информационном поле, частные издатели, вышедшие на информационный рынок, продолжали придерживаться того же принципа, нацеливая свою деятельность прежде всего на интеллектуальное и духовное воспитание читателя, на формирование у него определенных доминант идентичности (в периоды противостояния элиты и власти – идентичности альтернативной той, на установление которой была нацелена информационная деятельность государства).

Уже в начале XIX века Н. А. Полевой, один из ведущих журналистов этой эпохи, чье издание «Московский телеграф» на долгие годы стало эталонным и определило типовую внутреннюю структуру и издательский подход классического русского энциклопедического журнала, сформулировал базовый принцип русской журналистики как осознанную общественную целеориентированность, соответствующую и типовым ожиданиям читателя, который ждет от издания ясной и недвусмысленной общественной позиции и четкого обозначения мировоззренческих ориентиров: «тот не должен и думать об издании литературного журнала в наше время, кто полагает, что его делом будет сбор занимательных статей. Журнал должен составлять нечто целое, полное; он должен иметь в себе душу, которую можно назвать его целью. *Иначе ваше собрание непременно подвергнется равнодушию публики* (курсив мой – О. К.). Не указывайте на людей, живущих в обществе без цели, а иногда и без души. Это рядовые, пользующиеся чужим умом, следующие чужому направлению. Журналист, в своем кругу, должен быть колонновожатым; куда же заведет он свой корпус, не зная дороги, ибо дорогу знают тогда только, когда известна цель пути». Далее Н. А. Полевой еще более резко обозначает указанные черты: «есть еще одно условие, столь необходимое и важное для журнала или газеты, что в нем исчезает их различие: это – определенность мнений, ведущих к известной цели, или, если угодно, это учение, признаваемое издателями ближайшим к истине»¹³.

В дальнейшем в силу специфики политического устройства России XVIII–XIX веках журналистика взяла на себя функции, не являющиеся в классическом понимании для нее имманентными – она стремилась восполнить собой и отсутствие парламента, и недостаток школ и университетов, и несовершенство управленческих механизмов, и ограниченность религиозной проповеди в условиях системного огосударствления церкви. Это обусловило глубокую политизацию всех сторон и тем журналистского творчества.

В русском общественном и культурном контексте отношение как к любому литературному произведению, так и к научной теории, не важно, в гуманитарной или в естественнонаучной сфере, манифестировало соотношенность субъекта с определенной общественно-политической позицией, что в свою очередь влияло на характер представления авторами в журналистике

¹³ Московский телеграф. 1831. Ч. 37. № 1. С. 76–94.

научной информации – публицисты стремились обозначить не только научную сторону того или иного открытия, но прежде всего подчеркнуть и доказать тот факт, что обсуждаемая теория носит «прогрессивный» либо «реакционный» характер. Для читателей, как правило не слишком глубоко вовлеченных в содержательную сторону научного дискурса и обладавших скромными компетенциями научного анализа, именно этот общественно-политический аспект становился зачастую ключевым ориентиром, позволяющим объявить себя «шишковистом» или «карамзинистом» в споре о развитии языка, примкнуть к сторонникам или оппонентам теории Дарвина, опровергать или поддерживать гипотезу медиумистов и пр.

Взгляд на науку всегда через призму мировоззренческих установок, а не прикладных категорий, и стремление придать научной информации общественно-политическое звучание можно считать неотъемлемыми чертами коммуникационной модели популяризации в отечественной журналистике.

Знаменитое произведение М. В. Ломоносова, которое принято считать прообразом будущего этического кодекса журналистики «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии»¹⁴ обозначает в качестве необходимого требования компетентность журналиста в той сфере знания, о которой он пишет. Однако практически в это же время в научном мире разгорается важнейшая дискуссия, в ходе которой М. В. Ломоносов добавит к очевидному и естественному требованию компетентности в научной дискуссии еще одно, не менее важное требование: учитывать при изложении результатов научных изысканий широкой публике общественно-политический контекст и характер возможного влияния научной публикации на изменение общественных настроений и мировоззренческих ориентиров.

Вопрос о норманнском происхождении первых русских князей дебатировался более 25 раз на заседаниях Академии Наук – переоценить важность этого вопроса в научном интеллектуальном поле эпохи невозможно. К решению этого вопроса были привлечены все научные силы, которыми располагала на начальной стадии становления русская наука, – решения по итогам обсуждения принимались коллегиально членами академии независимо от сферы специализации, а самому Ломоносову пришлось даже на время оставить свои занятия физической химией для глубокого погружения в исторические изыскания.

Спор норманистов и антинорманистов, хотя и нельзя считать вполне завершенным, можно смело признать полноценно изученным, поэтому не имеет смысла в данном случае вдаваться в подробности содержания позиций и аргументаций обеих сторон. Обозначим только основной вектор: отправной точкой дискуссии стала диссертация Г. Ф. Миллера «Происхождение народа и имени российского», обнародование которой было запланировано в публичном

¹⁴ Реджепов Н. С., Юсупалиева Л. Н. Рассуждения М. В. Ломоносова об обязанностях журналиста // Ломоносов обнял все стороны просвещения: мат. межвуз. научно-исследовательской конференции с международным участием, посвященной 310-летию со дня рождения М. В. Ломоносова (1711–1765), Астрахань, 21 мая 2021 г. Астрахань, 2021. С. 50–52.

собрании Академии Наук 6 сентября 1749 года в день именин государыни Елизаветы Петровны, но не состоялось как раз по причине того, что на этапе предварительного обсуждения основные выводы автора были подвергнуты критике со стороны некоторых членов Академии, в том числе Ломоносова. В диссертации утверждалось скандинавское происхождение первых русских князей, а также весьма красочно живописалось темное невежество и варварство, в котором пребывали древние русичи до того, как их коснулось цивилизующее влияние иноземных властителей.

Его соратников по Академии смутил как сам характер этих суждений, так (и, возможно, прежде всего) запланированный публичный характер их представления. Сам Г. Ф. Миллер в преамбуле своей диссертации отмечает, что «должность Академии есть двоякая: учить честным наукам и приводить оныя в большее совершенство», при этом первое исполняется именно публичным представлением результатов научных изысканий, когда «напечатав свои сочинения в Комментариях оные всему свету сообщаем»¹⁵.

Как видим, обе стороны диалога понимали важность момента перехода научного знания из относительно замкнутой академической среды, где оно являлось предметом диспута профессионалов, к массовой аудитории, особенно к юношеству, которое на этих материалах приуготовляется «к показанию со временем отечеству полезных услуг»¹⁶.

М. В. Ломоносов вступает в полемику с Г. Ф. Миллером с мотивацией внешнеологического свойства¹⁷, его беспокоит прежде всего тот факт, что «в публичном действии не должно быть ничего такого, что бы российским слушателям было противно»¹⁸. Размышляя над текстом диссертации, М. В. Ломоносов задается вопросом, «нет ли в ней чего предосудительного России и можно ли оную исправив к будущему публичному собранию напечатать», и приходит к выводу, что любому читателю, смыслящему в политике, высказанные Миллером положения относительно русской истории, должны показаться «предосудительными славе российского народа»¹⁹.

Впрочем, это вовсе не означает, что М. В. Ломоносов в этом споре ограничился аргументацией идеологического характера – он был ученым не только по должности, но и по типу мышления, и по складу души: «приступив к историческим исследованиям, М. В. Ломоносов на высшем уровне овладел методологией и методикой данной работы»²⁰, и попытки оппонентов избежать содержательной дискуссии, сведя спор к утверждению о том, что «химик не может написать толковой русской истории» (Шлёцер) следует отнести к сугубо полемическим приемам дурного свойства, поскольку М. В. Ломоносов, оставив

¹⁵ Миллер Г. Ф. Происхождение народа и имени российского. URL: <https://djvu.online/file/MctVL9FFLunEo>

¹⁶ Там же.

¹⁷ Шулепова О. Б. Феномен несогласия в историческом учении М. В. Ломоносова // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 1(28). С. 39–43.

¹⁸ Ломоносов М. В. Возражения на диссертацию Миллера. URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo6/lo6-0252.htm>

¹⁹ Там же.

²⁰ Шулепова О. Б. Феномен несогласия в историческом учении М. В. Ломоносова // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 1(28). С. 41.

на время свои естественно-научные занятия, всецело погрузился в изучение русской истории по всему комплексу доступных на тот момент источников. Его возражения Г. Ф. Миллеру носят, безусловно, содержательный характер – именно поэтому они стали и предметом длительной дискуссии в Академии, и сформировали целое самостоятельное направление будущей исторической науки – известное как антинорманизм, и дальнейшую колоссальную дискуссию по этому вопросу, длящуюся и до сих пор²¹.

Но в контексте нашего рассуждения важны не аргументы сторонников и противников концепции Г. Ф. Миллера, а характер отношения участников дискуссии к проблеме преподнесения научной информации. Исследователь этой научной дискуссии М. А. Алпатов во многом справедливо утверждает, что «варяжский вопрос родился не в сфере самой науки, а в сфере политики. Став затем научным, он не только не утерял прямую связь с политикой, но, напротив, навсегда оказался связанным со жгучими политическими и национальными проблемами современности»²².

Формально этот этап дискуссии завершился тем, что диссертация не была допущена к распространению, подготовленный к публичной академической ассамблее тираж был уничтожен за исключением нескольких экземпляров, которые предписано было академическому начальству хранить в тайне. Однако Г. Ф. Миллер не согласился с доводами своих оппонентов, и несмотря на то, что за свою диссертацию, которую сочли «предосудительной для России», претерпел неприятности по службе (был понижен на год в должности с профессора до адъюнкта с соответствующим понижением жалования), вскоре продолжил попытки сделать свои научные изыскания достойным читающей публики. На страницах академического журнала «Ежемесячные сочинения» в 1761 году увидела свет его работа «Опыт новейшей истории о России», в которой многие рассуждения и выводы, сделанные автором в запрещенной прежде диссертации, были повторены в несколько смягченной форме.

М. В. Ломоносов, пристально следивший после состоявшейся дискуссии за всеми публичными научными высказываниями Г. Ф. Миллера, и до того неоднократно вмешивался в процесс обнародования его работ: например, на стадии подготовки к печати миллеровской «Истории Сибири» решительно воспротивился тому, что завоевателя Сибири Ермака в этом изложении истории автор называл не иначе как разбойником, и указал, что «о сем предмете должно писать осторожно и помянутому Ермаку в рассуждении завоевания Сибири разбойничества не приписывать»²³. Увидев же опубликованным «Опыт новейшей истории о России», М. В. Ломоносов писал, что Г. Ф. Миллер в свои новые сочинения «вмещает свою скардную диссертацию о российском народе

²¹ Соколов С. В. Первая дискуссия по «варяжскому вопросу» в интеллектуальном пространстве эпохи (к спору Г. Ф. Миллера и М. В. Ломоносова) // Люди и тексты. Исторический альманах. Информационное пространство истории. М., 2014. С. 252–272.

²² Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985. С. 9.

²³ Из протоколов Исторического собрания Петербургской Академии наук // Библиографические записки. 1861. Т. III. № 17. С. 515–517.

по частям», и «забыв наказание», намерен эту диссертацию «напечатать золотыми литерами»²⁴.

Таким образом, в представлении научной информации читателю уже на начальном этапе становления русской журналистики можно выявить следующие черты:

1. Нерасчлененность научного и общественно-политического дискурсов и при этом достаточно ясное разделение того, что с точки зрения общественно-политических ориентиров допустимо в строго академической дискуссии, ограниченной пространством профессиональной коммуникации ученых, и что требует корректировки по идеологическим причинам в момент выхода этой дискуссии в пространство общественной коммуникации, к широкому читателю.

2. Представление научной информации широкому читателю с точки зрения обобщенных мировоззренческих установок, наука через призму «учения».

3. Определявшиеся во многом именно мировоззренческим характером дискуссии высокий накал состязательности в научном споре и склонность в полемике к переходу на личности, к уклонению от собственно научной аргументации в сторону либо дискредитации профессиональной компетентности оппонента, либо к постулированию его идеологической неадекватности или вовсе ангажированности.

В дальнейшем все эти черты развились и нашли свои вариативные проявления в процессе закрепления и реплицирования сложившихся паттернов коммуникационного поведения, в следующих разделах это будет показано на примере некоторых наиболее ярких дискуссий в прессе XIX – начала XX века.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов М. А. Русская историческая мысль (Западная Европа XVIII – первая половина XIX века). М., 1985.

Корниенко М. А. Лингвофилософия Ноама Хомского: от картезианской традиции к генеративной грамматике // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 88–100.

Реджепов Н. С., Юсупалиева Л. Н. Рассуждения М. В. Ломоносова об обязанностях журналиста // Ломоносов обнял все стороны просвещения: материалы межвузовской научно-исследовательской конференции с международным участием, посвященной 310- летию со дня рождения М. В. Ломоносова (1711–1765). Астрахань, 21 мая 2021 года. Астрахань, 2021. С. 50–52.

Соколов С. В. Первая дискуссия по «варяжскому вопросу» в интеллектуальном пространстве эпохи (к спору Г. Ф. Миллера и М. В. Ломоносова) // Люди и тексты. Исторический альманах. Информационное пространство истории. М., 2014. С. 252–272.

Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.

Шулепова О. Б. Феномен несогласия в историческом учении М. В. Ломоносова // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 1(28). С. 39–43.

²⁴ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений в 11 т. Т. 10. М., 1957. С. 233.

**Полемика о путях развития литературного русского языка
в первой трети XIX века**

Знаковой научной дискуссией в периодической печати начала XIX века стало обсуждение проблем развития русского литературного языка. Традиционно эта дискуссия, вошедшая в историю под названием спора шишковистов и карамзинистов, трактуется как спор прогрессивных сил, нацеленных на реформирование устаревших и архаичных форм языка, с ретроgrадами и консерваторами, пытавшимися остановить ход прогресса фиксации отмирающих языковых структур.

На самом деле вектор публицистической дискуссии был несколько иным – это была в большей степени полемика о языке как о факторе формирования национально-культурной идентичности и важности феномена национальной идентичности как такового. Важно отметить тот факт, что в начале XIX века этот круг тем находился в маргинальном положении – несмотря на блестящее начало трудов Российской Академии под руководством Е. Р. Дашковой по кодификации и теоретической рефлексии развития языка, собственно научный дискурс в отношении лингвистической проблематики еще не сложился, академическая наука о языке находилась в стадии становления. Однако сегодня вопросы языковой картины мира и языкового менталитета манифестируются в качестве наиболее актуальных и развиваются в том числе в контексте междисциплинарных научных исследований когнитивных процессов, что делает особенно интересным рассмотрение генезиса этой дискуссии, показавшей незаурядную научную интуицию многих ее участников, предвосхитивших позднейшие научные открытия скорее на уровне предчувствий, нежели рациональных предположений.

В содержательном плане дискуссия разворачивалась вокруг допустимого объема и характера иноязычных заимствований. Сам ход спора и научная аргументация сторон довольно подробно изучены, они, как и в случае с осмыслением исторического сюжета призвания варягов, не являются собственно предметом нашего внимания в данном исследовании, нас интересует, как повлияла эта дискуссия на складывание типовых моделей научной коммуникации в печати. Поэтому для нас принципиально важно очертить общественно-политический контекст эпохи.

Влияние образцов иностранной культуры на все сферы русской общественной жизни на рубеже XVIII–XIX веков достигло апогея. Французский язык утвердился в качестве основного языка общения светского образованного общества еще на предыдущем историческом этапе, галломания русской аристократии была одним из главных поводов для едкой сатиры первых русских журналов, например, издания Н. И. Новикова «Трутенъ» (1769–1770). Как отмечает исследователь русской консервативной мысли А. Ю. Минаков, «галломания зародилась в царствование императрицы Елизаветы и особенно усилилась в результате наплыва французских эмигрантов

при Екатерине II и Павле I, которые часто становились воспитателями русских дворянских юношей»²⁵.

К началу XIX века засилье всего французского в России стало тотальным. Великая французская революция спровоцировала волну эмиграции – масштабные социальные катаклизмы с постоянной сменой власти и чередующимися волнами красного и белого террора заставили многих французов покинуть родину и искать пристанища в других странах, в том числе в России. В Россию, страну с некомфортным для уроженцев Средиземноморья климатом и непривычным бытовым укладом, ехали в основном представители низших социальных слоев, те, кто не имели достаточных ресурсов, чтобы комфортно обжиться в одной из стран Западной Европы.

В начале XIX века русские аристократические фамилии почитали за честь заполучить в качестве воспитателя и наставника для своих детей *настоящего француза*, хотя бы тот и был у себя на родине приказчиком в мелочной лавочке, весьма далеким от представления о классических образцах культуры: его непререкаемый авторитет базировался на самом факте его рождения во Франции. Французский язык был пропуском в аристократическое общество, тем социальным маркером, который ясно отделял низшие слои от высших. Историки XIX века отмечали, что в это время «существовали даже градоначальники, затруднявшиеся в объяснениях с подчиненными, которые не говорили по-французски»²⁶. Незадолго до начала войны 1812 года Н. М. Карамзин с горечью констатирует, что «в Москве с величайшим трудом можно найти учителя для языка русского, а в целом государстве едва ли найдем человек сто, которые совершенно знают правописание, и мы не имеем хорошей грамматики, а в именных указах употребляются слова не в их смысле»²⁷.

Важно подчеркнуть, что идеологизированность проявилась отчетливо как в ходе самого диалога в начале XIX века, так и в его последующем научном осмыслении. Причем столкновение различных пластов общественной дискуссии в режиме стремительных политических трансформаций приводило порой к парадоксальным трактовкам коллизий, связанных с развитием языка. С точки зрения общественно-политического контекста можно проследить две основные линии противостояния в дискуссии о языке: во-первых, это размышление о преодолении языкового разрыва между высшими и низшими слоями русского общества, о проблеме демократизации литературного процесса, во-вторых, это вопрос о противостоянии с помощью развития национального языка культурной экспансии внешнеполитического противника.

В аспекте проблемы демократизации литературного процесса важным фактором является то, что увлечение французским языком ассоциировалось с просвещенческой социально-философской парадигмой и потому

²⁵ Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века: монография. Воронеж, 2011. С. 65.

²⁶ Галахов А. Д. Русская патриотическая литература 1805–1812 // Филологические записки. 1867. Вып. 1. С. 6.

²⁷ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России // Карамзин Н. М. О любви к отечеству и народной гордости / предисл. А. Ю. Минакова, примеч., именной указ. С. В. Хатунцева и Н. Н. Лупаревой / Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2013. С. 285.

рассматривалось в очевидной связи с идеями революции, требованиями антимоноархических социальных преобразований. В этом отношении Н. М. Кармазин, получивший образование в частном пансионе на французском языке, бывший свидетелем начала революционных событий во Франции и слушавший выступления Робеспьера в Национальном собрании во время заграничного путешествия, в раннем периоде своего творчества представлял вполне гармонично как один из сторонников активизации культурной трансмиссии идей европейского просвещения в русское культурное пространство. В «Письмах русского путешественника» (1791–1792) нашли отражение его тогдашние взгляды, проникнутые оптимистической просвещенческой верой в разумность человека и в благотельность просвещения, сформулированные в духе космополитического гуманизма. «Путь образования или просвещения *один* для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее русских: и так надлежало от них заимствовать учиться, пользоваться их опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано?»²⁸ – спрашивал Н. М. Кармазин и подчеркивал, что «все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами»²⁹.

Развивая на страницах журнала «Московский Меркурий» идею нового слога как инструмента демократизации литературного процесса один из видных сторонников карамзинского направления П. Макаров полагал, что именно старый книжный язык, сделавшись «некоторым родом священного таинства» стал символом того, что «везде там, где он был, словесность досталась в руки малого числа людей, в то время как «Фокс и Мирабо говорили от лица и перед лицом народа, или перед его поверенными, таким языком, которым всякий, если умеет, может говорить в обществе; а языком Ломоносова мы не можем и не *должны* говорить, хотя бы умели...»³⁰.

Это утверждение выглядит отчасти парадоксальным, поскольку, как отмечалось выше, языковым маркером социального неравенства было скорее владение французским, а не элементы старорусского, и политическая практика показала в дальнейшем, что знаменитые манифесты А. С. Шишкова³¹ периода войны 1812 года, обращенные к народу и написанные «старым» слогом, имели большой успех и были куда эффективнее для мобилизации народных сил, нежели любые салонные рассуждения сторонников стремительного языкового обновления. Здесь имеет место, если можно так выразиться, абберация культурной корпоративности: П. Макаров пытается экстраполировать на сознание всех участников общественного процесса понимание и восприятие, свойственное культурной корпорации, к которой он сам принадлежал. В естественном для него кругу общения французский язык был повседневным языком разговорной речи, а элементы церковнославянского, вплетенные в

²⁸ Кармазин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 253–254.

²⁹ Там же. С. 254.

³⁰ Макаров П. Критика на книгу под названием «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка» // Московский Меркурий. 1803. Декабрь. С. 180–181.

³¹ Панченко А. Б. Концепт «народ» в манифестах А. С. Шишкова в контексте дискурса об Отечественной войне 1812 года // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, № 3. С. 25–41.

русский текст, – языковой экзотикой. Поэтому для этого слоя общества именно «офранцузивание» русского языка ассоциировалось с упрощением, обращением к текущей общественно-политической практике, в то время как на самом деле с народом, зачастую не владевшим письменной грамотностью, но привыкшим как раз к языку церковной проповеди, говорить следовало именно на бытовом русском с вкраплением возвышающих и поэтизирующих его элементов церковнославянского.

Своеобразие взгляда П. Макарова на демократизацию литературного процесса выразилось также и в некоторых второстепенных выражениях и сравнениях, которые проскальзывали в его критическом разборе «Рассуждения о старом и новом слоге Российского языка». Казалось бы, требование говорить «от лица и перед лицом народа» должно было означать интерес к народной культуре и самобытности, но у автора, напротив, отчетливо противопоставляются, например, «театр народа умного» и «сельские игрища»³².

П. Макаров пытается уличить А. С. Шишкова в том, что тот умышленно избирает объектами своей критики наиболее слабые образцы творчества сторонников нового слога: «несколько сотен дурных фраз, которые сочинитель Рассуждения о слоге выбрал из новых книг и рассмотрел с удивительным терпением, доказывают только, что у нас много дурных писателей, в чем никто еще не сомневался. Но судить по таким писателям или по некоторым фразам о словесности нынешней вообще будет <...> несправедливо»³³. Однако П. А. Семенов справедливо, на наш взгляд, полагает, что такой подход А. С. Шишкова был вызван стремлением на этом языковом материале показать потенциально опасную перспективу развития карамзинского нового стиля, не прибегая к прямой критике самого Н. М. Карамзина³⁴, поскольку последний к этому моменту уже рассматривается А. С. Шишковым не как ключевой оппонент, но как возможный соратник.

По мере развития событий французской революции, Н. М. Карамзин, положивший начало в раннем творчестве активному заимствованию не только отдельных элементов, но и структур французского языка, оценивает социальные последствия революционных событий все более критически; возрастает интерес писателя к традиции как явлению культуры, он постепенно укрепляется в убеждении, что «даже в самой несовершенной из традиций присутствует удивительная внутренняя гармония и стройность, утверждение порядка». Он, как и А. С. Шишков, приближается к констатации важности связи языка с формируемой им картиной мира, предполагает, что неограниченная экспансия элементов французского языка закономерно приведет к экспансии понятий и вслед за ней общественно-политической практики, которая может быть пагубна. Как отмечает А. Ю. Минаков,

³² Макаров П. Критика на книгу под названием «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка» // Московский Меркурий. 1803. Декабрь. С. 182.

³³ Там же.

³⁴ Семенов П. А. Я. К. Грот против А. С. Шишкова // От буквы к словарю: Сборник научных статей к 200-летию со дня рождения академика Я. К. Грота / Институт лингвистических исследований РАН. СПб, 2013. С. 46–53.

Н.М. Карамзин в это время «во всё большей степени обращает внимание на феномен традиции, которая безоговорочно отрицалась Просвещением. Для просветительства одной из основополагающих установок было противопоставление новаторства, олицетворенного Просвещением, и косности, воплощенной в традиции»³⁵.

Уже и в «Письмах русского путешественника» высказывалось Н.М. Карамзиным недовольство подражательным характером национальной культуры: «В нашем так называемом *хорошем обществе* без французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? Зачем быть попугаями и обезьянами вместе? Наш язык и для разговоров, право, не хуже других...»³⁶, в дальнейшем же скепсис относительно перспективы широких заимствований только усиливался.

В «Записке о древней и новой России» Н.М. Карамзин призвал прекратить безоглядное заимствование иностранного культурного опыта: «патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках <...> Хорошо и должно учиться: но горе <...> народу, который будет всегдашним учеником»³⁷. Сознавая необходимость национальной самодостаточности и самостоятельности в жизни и культуре, писатель отмечал: «Как человек, так и народ начинает всегда подражанием, но должен со временем быть самим собою»³⁸.

Как видим, А. С. Шишков и Н.М. Карамзин были едины в главном – в убеждении, что слепое подражание иностранному языку для отечественной словесности пагубно и бесперспективно, да и в политическом плане были скорее единомышленниками, чем оппонентами, так что необходимо подчеркнуть: «салонно-литературный язык» и «новый слог» были лишь «символически связаны с именем Карамзина»³⁹. Н.М. Карамзин, давший образцы сентименталистской прозы, которые легли в основу нового слога, на следующем этапе своей творческой биографии стремительно двигался по наиболее характерному для русских политических мыслителей пути слева направо, в конце концов перейдя на выразительно консервативные позиции и оставив своих незадачливых последователей в положении «более роялистов, чем сам король», поскольку они, будучи уверены, что продолжают и развивают линию Н.М. Карамзина, и сохранив символическую связь с его именем, фактически трансформировались из его адептов в его оппонентов.

Позиции А. С. Шишкова и его сторонников были отражены на страницах журнала созданного им общества «Беседа любителей русского слова» («Чтение в Беседе любителей русского слова», 1808–1816) и в журнале С. Н. Глинки «Русский вестник», который увидел свет в 1808 году и стал

³⁵ Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века: монография Воронеж, 2011. С. 65,86.

³⁶ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 338.

³⁷ Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости // Карамзин Н. М. О любви к отечеству и народной гордости / предисл. А. Ю. Минакова, примеч., именной указ. С. В. Хатунцева и Н. Н. Лупаревой / Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2013. С. 285.

³⁸ Там же. С. 257.

³⁹ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: Учебник. 3-е изд. М., 1982. С. 207.

частью идеологической подготовки русского образованного общества к грядущей войне с Наполеоном. Военные неудачи России в составе антинаполеоновских коалиций на предыдущем этапе создали волну внутреннего недовольства. За время правления Екатерины Великой русское общественное сознание привыкло к блестящим победам русского оружия и травматически переживало череду поражений. Необходимость для совершенно «офрануженного» общества противостоять в военном плане именно родине всех своих культурных образцов стало катализатором размышлений о национальной идентичности, оскорбленная национальная гордость русских требовала прояснения вопроса о своей культурной соотнесенности с доминирующим противником. Период Тильзитского мира и относительной внешнеполитической стабилизации после Эрфуртского конгресса Россия использовала в военно-экономическом отношении для накопления сил перед решающей схваткой, а в идеологическом – для формирования и поддержания национального самосознания. Журнал С. Н. Глинки, сконцентрировавшийся на патриотических идеях, прививавший уважение к национальной традиции, к мудрости предков, к самобытности культурных и нравственных установлений традиционного уклада русской жизни, являлся в этом отношении важным подспорьем.

В этом аспекте полемики о языке как о принципиально важном факторе формирования личной и национальной идентичности, и следовательно, значимости его осмысления в контексте культурной экспансии враждебного в данный момент государства, ключевое разногласие между сторонниками старого и нового слова проявлялось в различном понимании влияния языка на формирование сознания. Если П. Макаров без всякого сомнения утверждал, что «знание чужестранной словесности всегда будет полезно, по крайней мере не сделает вреда: кто пишет хорошо на одном языке, тот скоро выучится писать на всяком другом»⁴⁰, то А. С. Шишков видел четкую связь между языком и картиной мира, с его точки зрения именно языком, которым человек овладевает первично, как родным и главным, детерминирован набор усваиваемых им понятий и смыслов, которые в свою очередь определяют нравственность и манеру поведения человека. В этом отношении А. С. Шишков оказался научно прозорливее своих оппонентов, приблизившись к обозначению понятия языкового менталитета и к формированию своеобразной философии языка, которая демонстрировала глубокую лингвистическую интуицию создателя «Беседы любителей русского слова»⁴¹.

Важно отметить, что, некоторые оппоненты А. С. Шишкова из числа его современников (например, П. Макаров) не отклоняли в принципе содержательной стороны его воззрения на взаимное влияние языка и сознания.

А. С. Шишков опасается искажения старинных понятий по образцам иных народов, в ответ П. Макаров прямо декларирует ценность нового слога

⁴⁰ Макаров П. Критика на книгу под названием «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка» // Московский Меркурий. 1803. Декабрь. С. 185.

⁴¹ Камчатнов А. М. Шишков как предтеча русской философии языка // Бюллетень библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». Вып. 9. М., 2009. С. 73–89.

именно в том, что он порывает с прежними понятиями, дистанцирует современный писателю русский народ от его далеких предков, породивших народный язык: «Сочинитель Рассуждения о слоге, утверждая, что каждый народ в составлении языка своего умствовал по собственным понятиям, весьма различным от другого народа, подает оружие на себя; ибо, в отношении к обычаям и понятиям, мы теперь совсем не тот народ, который составляли наши предки; следственно, хотим сочинять фразы и производить слова по своим понятиям, нынешним, умствуя, как французы, как немцы, как все нынешние просвещенные народы»⁴².

Другие же участники этой дискуссии (например, Д. В. Дашков) и оппоненты А. С. Шишкова из числа позднейших исследователей хода полемики, принципиально игнорировали эту сторону его аргументации, считая ее манипулятивной. Так, исследователь этой дискуссии К. Я. Грот (сторонник западных взглядов) подчеркивает, что А. С. Шишков делает свои выводы о влиянии языка на формирование национального сознания и общественно-политических взглядов только потому, что испытывает недостаток в аргументации теоретического плана: «говорят, что Шишков в сущности ратовал не за язык, а за чистоту веры и нравственности. С этим нельзя согласиться: сначала не было и речи о чем-либо ином, кроме слога, которого порча приписывалась только пристрастному предпочтению французского языка и французскому воспитанию; потом, уже в конце своего Рассуждения, Шишков, чувствуя недостаток прямых доводов, прибегнул к другим и задел своих противников опасением за их религиозные и патриотические чувства»⁴³.

Между тем для А. С. Шишкова апелляция к общественному значению языка как базиса личной нравственности и ценностной соотнесенности с традицией предков имела не манипулятивное, а принципиальное значение: «по мнению А. С. Шишкова, использование слова в непривычных семантических связях (“сцеплениях понятий”), “навязанных” иностранным словоупотреблением, “перекраивает” сознание говорящего, выражаясь современным научным языком, изменяет в сознании говорящего языковую картину мира, лишая его языкового чутья»⁴⁴.

Продолжал подобные рассуждения А. С. Шишкова издатель «Русского Вестника» С. Н. Глинка, отмечавший, что «с изменением значения слов изменяются и понятия; слова тесно соединены с мыслями, а мысли с делами. Что же впоследствии, если каждое столетие и полустолетие, слова, понятия и деяния наши будут изменяться; наконец, если каждый год и каждый месяц, будем образовываться по прихотям вкуса и мод заграничных?»⁴⁵.

На страницах этого журнала также рассматривался и еще один важный аспект сложившегося в России двуязычия – французский язык как язык

⁴² Макаров П. Критика на книгу под названием «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка» // Московский Меркурий. 1803. Декабрь. С. 186.

⁴³ Грот Я. К. Карамзин в истории русского литературного языка. Санкт-Петербург, 1867. С. 23–24.

⁴⁴ Седова Д. Д. «Архаисты» и «Новаторы»: обобщение полемики // Rhema. Рема. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhaisty-i-novatory-obobshchenie-polemiki>

⁴⁵ Русский вестник. 1811. № 7.

светского общества тяготел к тому, что отливаться в устоявшиеся выражения, характерные для пустословия светской беседы, и рассматривался таким образом не как язык живой мысли, а как язык готовых фраз, и следовательно, готовых, поверхностных взглядов и мнений, которые являются не столько искренними, сколько приличными и общепотребительными. Авторы журнала акцентируют внимание на том, что выражение мысли на родном языке требует напряжения ума, формулирования своего мнения, являющегося плодом личных размышлений, в то время как обмен светскими общепринятыми образцами остроумия на французском является разговором лишь по форме, но не по смыслу⁴⁶. Отмечая, что некоторые светские люди умны только по-французски, т. е. только тогда, когда транслируют готовые образцы светского остроумия, «Русский вестник» подчеркивает, что для выражения настоящей мысли необходим «не заемный ум», что придает русскому языку не только значение ценностно формирующего и консолидирующего общества фактора, но и инструмента формирования самобытной научной и общественной мысли⁴⁷.

Вопреки сложившемуся (во многом по идеологическим причинам) в классических трудах советского языкознания⁴⁸ представлению о безоговорочной победе сторонников нового слога, дальнейшее развитие русской литературы пошло не столько по пути, намеченному Н. М. Карамзиным, сколько в направлении, обозначенном А. С. Шишковым⁴⁹. Среди последователей его идей числили себя С. Т. Аксаков, А. С. Грибоедов, на стороне «архаистов» в этой полемике последовательно выступал И. А. Крылов, уважительно отзывался об идеях А. С. Шишкова и А. С. Пушкин, и нельзя не согласиться с П. А. Семеновым, что «бесподобную гоголевскую прозу, с ее безразмерными и широкими, как русская душа, периодами, вообще затруднительно вывести из карамзинской»⁵⁰.

В заключение важно также отметить, что именно спор о языке стал одним из уникальных примеров плодотворной и конструктивной научной дискуссии в прессе. К числу характерных элементов сложившейся схемы представления научной информации в отечественной прессе можно отнести высокий полемический накал, обусловленную влиянием на научную дискуссию социально-политической проблематики напряженную состязательность академического диалога, который из-за этого зачастую утрачивает нацеленность на диалектический синтез, на решение научной проблемы. В данном же случае обе стороны диалога при всех формальных разногласиях были одинаково нацелены на преодоление двуязычия русского литературного

⁴⁶ Лупарева Н. Н. «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж, 2012; Седова Д. Д. «Архаисты» и «Новаторы»: обобщение полемики // Rhema. Рема. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhaisty-i-novatory-obobshchenie-polemiki>

⁴⁷ Седова Д. Д. «Архаисты» и «Новаторы»: обобщение полемики // Rhema. Рема. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhaisty-i-novatory-obobshchenie-polemiki>

⁴⁸ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. 3-е изд. М, 1982.

⁴⁹ Семенов П. А. Я. К. Грот против А. С. Шишкова // От буквы к словарю: Сборник научных статей к 200-летию со дня рождения академика Я. К. Грота / Институт лингвистических исследований РАН. СПб, 2013. С. 46–53.

⁵⁰ Там же. С. 49.

процесса начала XIX века. Дальнейшее развитие русской литературы, появление произведений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя диалектически разрешало возникшие противоречия.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: Учебник. 3-е изд. М., 1982.

Грот Я. К. Карамзин в истории русского литературного языка. Петербург, 1867. С. 23–24.

Камчатнов А. М. Шишков как предтеча русской философии языка // Бюллетень библиотеки «Дом А. Ф. Лосева». Вып. 9. М., 2009. С. 73–89.

Карамзин Н. М. О любви к отечеству и народной гордости / предисл. А. Ю. Минакова, примеч., именной указ. С. В. Хагунцева и Н. Н. Лупаревой / Отв. ред. О. А. Платонов. М., 2013.

Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века: монография. Воронеж, 2011.

Панченко А. Б. Концепт «народ» в манифестах А. С. Шишкова в контексте дискурса об Отечественной войне 1812 года // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, № 3. С. 25–41.

Седова Д. Д. «Архаисты» и «Новаторы»: обобщение полемики // Rhema. Рема. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhaisty-i-novatory-obobschenie-polemiki>

Семенов П. А. Я. К. Грот против А. С. Шишкова // От буквы к словарю: Сборник научных статей к 200-летию со дня рождения академика Я. К. Грота / Институт лингвистических исследований РАН. СПб., 2013. С. 46–53.

Полемика об эволюционной теории Ч. Дарвина на страницах русской общественно-политической прессы второй половины XIX века

Публикация книги Ч. Дарвина «О происхождении видов путем естественного отбора» стала одним из наиболее резонансных естественнонаучных открытий второй половины XIX века. Дискуссия, развернувшаяся вокруг этой научной работы, вскоре вышла далеко за пределы научного диспута специалистов – узкоспециальный труд оказался настоящим бестселлером, выдержавшим несколько переизданий и широко востребованным даже в библиотеках русской глубинки. По выражению знаменитого публициста почвеннического направления Н. Н. Страхова, книгу Ч. Дарвина «читали не одни ученые, а все жаждущие просвещения и боящиеся не отстать от века»⁵¹. Теория Ч. Дарвина в это время имела не только научное значение, поскольку затронутый им вопрос о происхождении человека как биологического вида воспринимался как вопрос мировоззренческий, а «отдельные философы пытались приспособить дарвинизм под свои учения»⁵², что способствовало появлению попыток вульгарной экстраполяции законов, открытых Ч. Дарвином в живой природе, на процессы, протекающие в социуме (например, в работах Г. Спенсера и Э. Геккеля).

Популяризация достижений естествознания была сопряжена для революционно настроенных общественно-политических деятелей с дискредитацией религии и церкви как с частью их борьбы против ассоциируемого с ней общественного строя. Штудии естествоиспытателей становились аргументационным базисом не только для научных, но и для политических выводов. По воспоминаниям революционера С. Лазо, целое поколение революционеров нашло в книге К. А. Тимирязева «Жизнь растений» самый короткий путь к пониманию марксизма⁵³. Не удивительно, что восторженно преподносилась и оценивалась теория Ч. Дарвина в наиболее леворадикальном издании 1860-х годов журнале «Русское слово», на страницах которого знаменитый публицист Д. И. Писарев поместил статью «Прогресс в мире животных и растений»⁵⁴.

Русские мыслители консервативного толка опасались выхода естественнонаучных концепций к широкому массовому читателю, настаивали на том, чтобы новые теории не покидали пределов научного дискурса, обоснованно полагая, что произвольное распространение выводов естественных наук на сферу социальных процессов может повлечь молодое поколение русской интеллигенции на путь революционных выступлений. Опасения консерваторов были небеспочвенны: развитие интереса «к вопросам

⁵¹ Страхов Н. Н. Рецензия на книгу Н. Я. Данилевского «Дарвинизм. Критический разбор» // Гражданин. 1886. № 25.

⁵² Трапезов О. В. Дарвинизм и уроки российской практической селекции // Вестник ВОГиС. 2009. Т. 13. № 2. С. 250.

⁵³ Липшевский В. П. Ученые-популяризаторы науки. М., 1987. URL: <http://n-t.ru/ri/ls/up04.htm>

⁵⁴ Писарев Д. И. Прогресс в мире животных и растений // Русское слово. 1864. № 4. URL: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_1864_progress.shtml (дата обращения: 15.04.2018)

естествознания и особенно физиологии <...> было тесно связано с укреплением материалистических взглядов на природу и человека», а также и с «особенностями общественно-политической программы»⁵⁵ леворадикального, нигилистического крыла русской общественной мысли. Одна из наиболее значимых работ знаменитого русского медика И. М. Сеченова, написанная для научного отдела некрасовского «Современника» в 1863 году, была запрещена цензурной к появлению в массовой общественно-политической печати, с оговоркой, что после ряда цензурных изъятий статья может быть напечатана в специализированном медицинском издании. Работа, в которой на основании материалистических взглядов на природу человека И. М. Сеченов развивал мысль о рефлекторном характере деятельности головного мозга, была опубликована в специализированном еженедельнике «Медицинский вестник».

Негативной стороной позиции консерваторов было то, что, предвидя политические последствия ложно понятого просвещения, они зачастую выдвигали предложения о применении мер откровенно обскурантистского свойства, вроде ограничения преподавания естественных наук в школах. Но среди консервативно мыслящей русской интеллигенции были и те, кто были стремилась к открытой содержательной полемике о животрепещущих вопросах современного им естествознания.

Публикация в 1885 году первого тома книги Н. Я. Данилевского «Дарвинизм. Критический разбор» дала толчок глубокой разносторонней дискуссии в печати по поводу исследований Ч. Дарвина. Работа была опубликована посмертно, из нескольких запланированных автором томов был подготовлен к печати только первый, однако сам Н. Я. Данилевский полагал, что именно в первом томе содержится основной смысл его труда, а следующие два планировались только в качестве дополнений. В марте 1886 года появление книги, о которой «нужно кричать на площадях и проповедовать с крыш»⁵⁶, восторженно приветствовал на страницах журнала-газеты «Гражданин» Н. Н. Страхов, полагавший, что книга являет «огромное обилие фактов, превосходно сгруппированных, неотразимую логику, необычайное остроумие, совершенную точность и полноту в постановке вопросов»⁵⁷.

Необходимо отметить тот факт, что при всей разносторонности развернувшейся полемики ни один из полемистов не был прямым противником теории эволюции (или трансформизма, как чаще всего говорили в XIX веке), т. е. сам процесс постоянного изменения не статичного, а находящегося в непрерывном развитии мира живой природы, никем из них не ставился под сомнение. Они расходились во мнениях относительно смысла, цели этого развития и факторов, на него влияющих. Признавая труд Ч. Дарвина «великим произведением человеческого ума» и вполне отдавая должное «его глубокой

⁵⁵ Сорокин Ю. Д. И. Писарев // Сочинения в 4-х т. Т. 1. Статьи и рецензии 1859–1862. М., 1955. URL: <http://www.classic-book.ru/lib/sb/book/100>

⁵⁶ Страхов Н. Н. Рецензия на книгу Н. Я. Данилевского «Дарвинизм. Критический разбор» // Гражданин. 1886. № 25.

⁵⁷ Там же.

искренности»⁵⁸, Н. Я. Данилевский видел в этом учении и слабые стороны. Обширные и многочисленные возражения Н. Я. Данилевского в самых общих и упрощенных чертах сводились к нескольким ключевым направлениям: недопустимость сделанного Ч. Дарвином распространения на виды дикой природы тех законов, которые выявлены для одомашненных животных и культурных растений; противоречие между выдвинутой Ч. Дарвином идеей мозаичного характера изменчивости и признаваемой им же корреляцией изменений частей организма, иначе говоря, признание им одновременно существующими двух взаимоисключающих вещей – естественного отбора и соответственной изменчивости; пренебрежение нивелирующей ролью свободного скрещивания, препятствующего закреплению новых признаков; невозможность образования существующего разнообразия видов и форм живой природы тем путем, который указал Ч. Дарвин, в столь короткий срок – дифференциация под действием естественного отбора заняла бы отрезок времени, существенно превышающий геологический возраст Земли⁵⁹.

В ходе дальнейшего развития науки многие возражения антидарвинистов, как и многие выводы самого Ч. Дарвина были устранены, уточнены и дополнены открытиями ученых-генетиков, благодаря которым сложилось полноценное представление о механизмах наследственности и изменчивости. В центре нашего внимания в рамках рассмотрения складывающихся форм научной коммуникации, безусловно, находится не содержание возражений узкоспециального научного характера, которые, отметим, и широкой публике так же были не столь важны и интересны, а высказывания мировоззренческого плана. С точки зрения Н. Я. Данилевского важно было то, что дарвинизм «содержит в себе особое мирозерцание, высший объяснительный принцип <...> для целого миростроения, объясняющий собой все области бытия»⁶⁰. Русский биолог и философ не разделял взглядов Ч. Дарвина на самопроизвольность и случайность тех изменений, которые приводили к образованию новых видов: «В странной гипотезе Дарвина как нельзя яснее выражается то общее дарвинское мирозерцание, по которому целесообразность мирового устройства представляется лишь чем-то кажущимся, миражем, обманом чувств или скорее мысли, под которой кроется отсутствие всякой цели, всякого преднамеренного прилажения и приспособления»⁶¹. Эволюция как результат разнонаправленных, случайных, независимых друг от друга изменений отдельных признаков, виделась Н. Я. Данилевскому абсурдной идеей, он полагал, что «эволюция осуществляется путем крупных резких изменений, что вполне согласуется с его представлением о разумности мира»⁶². Базируясь на идее целесообразности

⁵⁸ Данилевский Н. Я. Дарвинизм. Критическое исследование. Петербург, 1885. С. 11.

⁵⁹ См. об этом: Назаров В. И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. М., 2005; Поздняков А. А. Теоретико-биологические представления Н. Я. Данилевского // *Lethaea rossica*. 2016. Т. 12. С. 33–46.

⁶⁰ Данилевский Н. Я. Дарвинизм. Критическое исследование. Петербург, 1885. С. 4.

⁶¹ Там же. С. 365.

⁶² Поздняков А. А. Теоретико-биологические представления Н. Я. Данилевского // *Lethaea rossica*. 2016. Т. 12. С. 35.

происходящих в природе изменений, он отталкивался от мысли, что целесообразность движения всех явлений природы в определенном направлении подразумевает наличие главного – Творца: «каждое из таких крупных, внезапных, самопроизвольных изменений должно бы уже прямо занять свое место. В таком случае нечему бы было и погибать в борьбе за существование (разумая, конечно, не индивидуумы, а целые формы, группы), – не было бы и подбора; а целесообразность в приращении органических существ не могла бы быть объяснена иначе, как разумным предуготовлением, то есть тем именно, для устранения чего и придумана вся теория Дарвина»⁶³. Н. Я. Данилевский был далек от того, чтобы полагать самого Ч. Дарвина материалистом или атеистом, но он подчеркивал, что научные выводы Ч. Дарвина в сознании широкого читателя могут устранить последнее научное основание философского деизма, сознавая, что деизм религиозный «ни в каком подобном основании не нуждается»⁶⁴. С точки зрения анализа системы взаимодействия читателя и автора в контексте подачи и интерпретации научной информации, для нас именно это опасение является весьма важным, поскольку в данном случае мы видим повторение и закрепление одного из базовых принципов – научная дискуссия, если она покидает академические аудитории и страницы специализированных научных журналов, должна учитывать возможность поверхностной интерпретации ее достижений неподготовленным читателем и проистекающие из этого мировоззренческие и ценностные сдвиги в обществе, которые могут иметь выраженные политические последствия.

В «Русском вестнике» в 1887 г. Н. Н. Страхов опубликовал подробный и хвалебный разбор труда Н. Я. Данилевского, назвав статью «Полное опровержение дарвинизма». В качестве отклика на этот разбор в журнале «Русская мысль» видный русский ученый и популяризатор науки К. А. Тимирязев выступил со статьей «Опровергнут ли дарвинизм?». За некоторое время до того К. А. Тимирязев выступил с лекцией на эту тему в Политехническом музее – собственно, статья и представляла собой переработку текста лекции для печати.

Во время господства научного материализма было принято считать, что К. А. Тимирязев вышел бесспорным победителем из полемики с критиками Ч. Дарвина, своими выступлениями поставив непреодолимую плотину науки на пути ретроградства и мракобесия: «Это был триумф Тимирязева-лектора и победа защищаемого им дарвинизма <...> Тимирязев убедительно доказывает правильность, верность, справедливость теории Дарвина»⁶⁵, – считал советский историк науки В. Лишевский. Хотя изредка звучали и другие мнения. Например, крупный советский ученый-биолог генетик А. Ю. Филипченко отмечал, что в своих возражениях К. А. Тимирязев выбирал самые слабые и

⁶³ Данилевский Н. Я. Дарвинизм. Критическое исследование. Петербург, 1885. С. 151.

⁶⁴ Там же. С. 10.

⁶⁵ Лишевский В. П. Ученые-популяризаторы науки. М., 1987. URL: <http://n-t.ru/ri/ls/up04.htm>

незначительные стороны концепции Н. Я. Данилевского, оставляя без внимания действительно научные существенные возражения⁶⁶.

Анализируя эту полемику, нельзя упускать из виду тот факт, что Н. Я. Данилевский для современников был человеком с достаточно явно обозначенной общественно-политической позицией. Близкий к славянофильству и почвенничеству, он неоднократно призывал Россию «отрешиться от мысли о какой бы то ни было солидарности с европейскими интересами»⁶⁷ и перестать смотреть «на явления внутренней и внешней жизни России с европейской точки зрения и сквозь европейские очки»⁶⁸. Сторонники либеральных и социалистических взглядов, космополитическому мировоззрению которых претила идея национальной самобытности и отрицание всемирной цивилизации, считали Н. Я. Данилевского одним из идеологов враждебного лагеря, так что важной задачей в данном случае была не только защита концепции Ч. Дарвина, но и посрамление научных взглядов политического оппонента. «Палец перед глазом заслоняет далёкое солнце. Свой, “наш талантливый писатель” всегда имеет шансы заслонить далекого, хотя бы и гениального, мыслителя»⁶⁹ – пишет К. А. Тимирязев, подчеркивая, что видит побудительные мотивы русских критиков дарвинизма в ревнивном отношении к успехам западной науки.

К. А. Тимирязев бросил весь свой полемический пыл на то, чтобы дискредитировать сами мотивы выступления русских критиков дарвинизма, далее подчеркнуть их некомпетентность, которая автоматически освобождала бы защитника дарвинизма от полемики по существу вопроса. Обвинив оппонентов в том, что они рассуждают о непосильных им предметах, а все их выпады – это всего лишь славянофильское шарлатанство, К. А. Тимирязев пытается показать в работе Н. Я. Данилевского схоластическая реакция на успехи естественных наук. «Стоит ли отвлекаться от исследования новых фактов, от изучения старых мыслей, которых на свете так много и таких хороших, для того чтобы изобличить мелкую, изворотливую софистику дилетанта, ослепленного предвзятой идеей и задавшегося, очевидно, непосильной целью – остановить одно из могучих течений современной научной мысли?»⁷⁰ – риторически восклицает К. А. Тимирязев в начале своего выступления об антидарвинистских построениях Н. Я. Данилевского. К. А. Тимирязев утверждает, что критик Ч. Дарвина спорит с теми утверждениями, которых вовсе и не делал английский ученый, а «все свое опровержение он основывает только на своем непонимании этой теории»⁷¹.

⁶⁶ «Дарвинизм» Н. Я. Данилевского в оценке русских философов, историков и теоретиков биологии // *Lethaea rossica*. 2016. Т. 12.

⁶⁷ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. М., 2008. С. 537.

⁶⁸ Там же. С. 321.

⁶⁹ Тимирязев К. А. Опровергнут ли Дарвинизм? // Тимирязев К. А. Избранные сочинения в 4-х т. М., 1948. URL: http://az.lib.ru/t/timirjazew_k_a/text_1887_oprovergnut_li_darvinist.shtml

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Тимирязев К. А. Опровергнут ли Дарвинизм? // Тимирязев К. А. Избранные сочинения в 4-х т. М., 1948. URL: http://az.lib.ru/t/timirjazew_k_a/text_1887_oprovergnut_li_darvinist.shtml

Н. Я. Данилевский и Н. Н. Страхов закрепились в истории отечественной культуры в большей степени своими литературными и философскими трудами, нежели какими-либо ассоциациями с проблемами естествознания, поэтому нынешнему читателю может показаться справедливым обвинение со стороны К. А. Тимирязева, в том, что они некомпетентны в отношении выводов наук о природе. Но их современник К. А. Тимирязев, учитывая, сколь узким был русский научный мир и незначительной прослойка образованных людей, вряд ли мог не знать, что и Н. Я. Данилевский, и Н. Н. Страхов имели естественнонаучное образование: Н. Н. Страхов защитил диссертацию на степень магистра зоологии и был автором переводов значительных научных сочинений (Брема, Ланге и др.), Н. Я. Данилевский окончил естественнонаучный факультет университета кандидатом, выдержал магистерский экзамен, но не защитил диссертации, т. к. был выслан из Петербурга по политическим обвинениям, но, несмотря на отсутствие формальной степени, стал крупным естествоиспытателем, членом нескольких научных обществ.

Уходя от разговора о научных теориях, К. А. Тимирязев начинает с личного противопоставления Ч. Дарвина и Н. Я. Данилевского: «Дарвин своим трудом опроверг то, во что сам прежде верил, – он постоянно, в течение четверти века, сдавался перед очевидностью фактов, переходил от одного склада мыслей к другому. Дарвинизм озадачил Н. Я. Данилевского, как он сам о том повествует, возмутил весь его душевный склад. Данилевский встретил дарвинизм так же враждебно, как и проводил. Один сжёг то, чему поклонялся, другой только ниже и ниже склонялся перед тем, перед чем и ранее уже клонил голову»⁷². Впрочем, К. А. Тимирязев далее никак не поясняет, почему с его точки зрения готовность отказаться от своих убеждений характеризует исследователя как серьезного ученого, в то время как упорство в отстаивании своих научных идей заставляет подозревать ученого в несостоятельности.

Шутливый и ядовитый тон публикации К. А. Тимирязева, вероятно, маскировал нежелание ученого полемизировать с фундаментальными возражениями оппонента. Попытка К. А. Тимирязева свести полемику к состязанию в остроловии поставила в тупик Н. Н. Страхова, решившегося отвечать ему на страницах «Русского вестника» в конце 1887 года статьей «Всегдашняя ошибка дарвинистов»: «Отвечать по *существу* дела – вот что было бы всего лучше; но, к величайшему моему удивлению, оказалось, что это невозможно, потому что у г. Тимирязева, можно сказать, вовсе нет этого самого существа. Во всей его статье мне не удалось найти ни одного возражения, которое не было бы предусмотрено Н. Я. Данилевским и не было бы им основательно опровергнуто»⁷³.

Важно отметить, что для достижения цели подход К. А. Тимирязева оказался весьма эффективным. Читатели из числа приверженцев

⁷² Тимирязев К. А. Опровергнут ли Дарвинизм? // Тимирязев К. А. Избранные сочинения в 4-х т. М., 1948. URL: http://az.lib.ru/t/timirjazew_k_a/text_1887_oprovergnut_li_darvinist.shtml

⁷³ Страхов Н. Н. Всегдашняя ошибка дарвинистов // Русский вестник. 1887. № 11. URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1887_oshibka.shtml

революционных идей восторгались тем энергичным отпором, который он дал оппонентам, совершенно не вдаваясь в подробности собственно научной стороны спора. В. Г. Короленко восторженно отзываясь о полемическом таланте К. А. Тимирязева в одном из писем жене: «какая прелестная статья в “Русской мысли” Тимирязева “Опровергнут ли дарвинизм?” <...> Дело в том, что среди теперешней умственной реакции и мракобесия не так давно появилась книга Данилевского “Полное опровержение дарвинизма”. Не правда ли, уже по заглавию видно, что тут имеется значительная доля шарлатанства. Тут и вспоминается “Полный сонник с открытием тайн белой и черной магии” или “Полное разъяснение адских тайн” – Леухинского издания. Полное опровержение дарвинизма было подхвачено в литературе черно-белым магом Страховым, который протрубил о нем как о славной победе. Даже либеральные органы глубокомысленно хмурили брови. “Заслуживает большого внимания и серьезный труд <...> Всекие возражения” (Такой отзыв был – увы! – и в “Русской мысли”). И вот выходит Тимирязев, начинает с шуточки и самым неопровержимым образом доказывает, что это дичь и ерунда самого легкого свойства, который только самое обычное славянофильское шарлатанство постарались придать внешний вид солидности <...> Его критика при всей своей иногда даже игривости – положительно беспощадна <...> Как не залюбоваться на этого милого Тимирязева»⁷⁴.

Такая реакция В. Г. Короленко указывает нам на еще одну важную особенность научной полемики, так тесно сопряженной с мировоззренческими вопросами – корпоративная солидарность идейных единомышленников в оценке тех или иных научных открытий с политически-ориентированных позиций. Из цитаты, в которой В. Г. Короленко работе Н. Я. Данилевского присваивает название статьи Н. Н. Страхова и на основании этого названия высказывает резко негативное отношение к труду Н. Я. Данилевского, настоящего названия которого он даже не знает, очевидно следует то, что ни с одной из работ он не знаком и не догадывается о том, что в них высказано. Поэтому не может оценить и содержательную сторону возражений К. А. Тимирязева. Для него важно только то, что «этот милый Тимирязев», т. е. человек нашего лагеря, разделяющий демократические убеждения, победоносно высмеял (не опроверг, а именно высмеял) представителе чуждого политического направления.

Н. Н. Страхов на предыдущем этапе вовлекал К. А. Тимирязева в полемику умышленно: желая привлечь внимание русского научного сообщества к книге Н. Я. Данилевского, выход которой не был замечен публикой, он в статье «Полное опровержение дарвинизма» неоднократно упоминал К. А. Тимирязева как ведущего популяризатора идей Ч. Дарвина, надеясь вызвать его на полемику о труде Н. Я. Данилевского. И хотя формально эта хитрость удалась, он, безусловно, не ожидал, что К. А. Тимирязев вместо серьезного разбора существа книги подвергнет её автора едкому глумлению, к тому же сделает это в формате публичной лекции. «Никак не рассчитывал я на

⁷⁴ Короленко В. Г. Собр. соч. в 10 т. М., 1956. Т. 10. С. 67.

этот способ возражения, – пишет Н. Н. Страхов, – <...> А что, думал я, если профессор потом вовсе не станет печатать своей лекции? Не имею же я права требовать этого напечатания; следовательно, мне невозможно будет ничем противодействовать впечатлению лекции. Наконец, пусть он ее и напечатает, – разве не исчезнет в печати самый тон речи и язвительное упирание на то или другое слово?»⁷⁵ К радости Н. Н. Страхова, у него все-таки появилась «возможность возражать на нее и привлечь к ответственности каждое ее слово»⁷⁶, поскольку статья по итогам лекции К. А. Тимирязева все-таки была напечатана. Принципиально не поддерживая шуточно-глумливый тон выступления К. А. Тимирязева и настойчиво возвращая полемику в русло «возражений по существу», Н. Н. Страхов повторяет в новой статье основные положения критики дарвинизма Н. Я. Данилевским, не стремясь привести в полемику ничего содержательно нового.

Скорее в полемику о дарвинизме оказались вовлечены не только исследователи-естественники, но и представители собственно журналистского сообщества. В 1888 году на страницах «Русской мысли» Н. Г. Чернышевский под псевдонимом «Старый трансформист» выступил со статьей «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь».

Редактор «Русской мысли» В. А. Гольцев поддерживал политику плюрализма мнений на страницах журнала, поскольку в условиях усиливавшегося цензурного давления второй половины 1880-х годов «Русская мысль» обоснованно считала себя практически единственным изданием, которое пыталось сохранить приверженность либеральному направлению и видело свою миссию в том, чтобы дать право голоса всем представителям этого довольно разнообразного и далеко не всегда единодушного в своих взглядах общественного направления. Это позволило журналу поместить на своих страницах очевидно противоположные по интенции статьи К. А. Тимирязева и Н. Г. Чернышевского.

Для Н. Г. Чернышевского, так же как и для Н. Я. Данилевского главным побудительным мотивом критического осмысления дарвинизма было понимание того, что учение это «есть не только и не столько учение зоологическое и биологическое, сколько вместе с тем и еще в гораздо большей степени, учение философское»⁷⁷, а «спор о правоте Ч. Дарвина, есть спор о важнейших основах бытия»⁷⁸, но Н. Я. Данилевский все-таки стремился опровергнуть его именно как естествоиспытатель и натуралист, т. е. направлял свою критику прежде на научные основания теории, а уже после на вытекающие из них мировоззренческие выводы, а Н. Г. Чернышевский сразу концентрируется на философских аспектах. Начиная с того, что учение Ч. Дарвина «имеет

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Короленко В. Г. Собр. соч. в 10 т. М., 1956. Т. 10. С. 67.

⁷⁷ Данилевский Н. Я. Дарвинизм. Критическое исследование. Петербург, 1885. С. 7.

⁷⁸ Ефремов А. В. Климент Тимирязев как критик Данилевского // Творческое наследие Николая Яковлевича Данилевского и его значение для научной мысли России и Крыма: мат. Международной научно-практической конференции (г. Симферополь, 21–23 мая 2015 г.) / редкол: Буренков А. В., Семькин В. А. (сопредседатели) и др. Курск, 2016. С. 202.

публицистический характер», а для правильной трактовки произведений публицистики «надобно знать исторические обстоятельства, при которых возникли они, и политические мотивы, которыми они порождены»⁷⁹, Н. Г. Чернышевский объявляет дарвинизм вариацией мальтузианства, изложенной в терминологии естествознания: «вышло то же самое, как если бы Адам Смит принялся писать курс зоологии»⁸⁰ (письмо 1873 года). Н. Я. Данилевский также отметил публицистический характер книги Ч. Дарвина, объясняя ее широкую популярность тем, что для успеха необходимо появиться своевременно⁸¹.

Опасность мировоззренческого влияния книги Ч. Дарвина, по мнению религиозных мыслителей, заключалась в том, что из памяти неискушенной аудитории осторожность академических формулировок и научная аргументация ученого быстро исчезали, оставались только самые общие конечные выводы, которые постепенно начинали восприниматься уже в отрыве от естественно-научной базы, осторожные предположения ученого приобретали для неподготовленных читателей характер безапелляционных высказываний и начинали произвольно трактоваться и применяться к самым разным сферам общественной жизни. По выражению Н. Н. Страхова, «Ото всех книг, статей и толков о Дарвине, в умах читателей, без всякого сомнения, осталось только то, что по Дарвину человек происходит от обезьяны»⁸². Н. Г. Чернышевский же обратил внимание в большей степени на другой не менее опасный с его точки зрения вывод, который читатель мог сделать из научных изысканий Ч. Дарвина – борьба за существование, основанная на всеобщей конкуренции необходима и единственно благотворна для совершенствования биологических видов, какие бы жестокие формы она ни принимала.

Ч. Дарвином были описаны два направления борьбы за существование: 1) борьба с внешними неорганическими условиями обитания и другими видами (хищниками и паразитами); 2) борьба особей одного вида друг с другом, то есть внутривидовая конкуренция. «Согласно представлениям Ч. Дарвина, именно внутривидовая конкуренция должна приводить к дивергенции и к замещению менее адаптированных форм более адаптированными»⁸³, т. е. представляет собой наиболее благотворный фактор для совершенствования живых существ. Именно этот тезис вызывал возмущение Н. Г. Чернышевского, поскольку для социалистов, базировавших свои представления о человеке и обществе на идее всеобщей разумной кооперации, модель мира, в которой неослабевающая конкуренция лежит в основе развития, была неприемлема.

⁷⁹ Чернышевский Н. Г. Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь. // Русская мысль. 1888. № 9. С. 79–114. URL: http://az.lib.ru/c/chernyshevskij_n_g/text_0450.shtml

⁸⁰ Чернышевский Н. Г. Чернышевский в Сибири: Переписка с родными. СПб., 1913. Т. 1. С. 69–71.

⁸¹ Данилевский Н. Я. Дарвинизм. Критическое исследование. Петербург, 1885. С. 510.

⁸² Страхов Н. Н. Рецензия на книгу Н. Я. Данилевского «Дарвинизм. Критический разбор» // Гражданин. СПб., 1886. № 25.

⁸³ Поздняков А. А. Теоретико-биологические представления Н. Я. Данилевского // *Lethaea rossica*. 2016. Т. 12. С. 37.

Н. Г. Чернышевский предполагал, что ошибочность выводов Ч. Дарвина вытекала из самого процесса его работы над своими исследованиями, в ходе которого нарушалась требования научной методологии. Ч. Дарвин издавал свои труды фрагментами, по мере того как прорабатывал ту или иную часть собранного материала. Зная о слабости своего здоровья, Ч. Дарвин опасался, что его важнейшие идеи и аргументы могут просто остаться неопубликованными, поэтому обнародовал свои мысли по частям, не сосредоточиваясь на создании комплексного обобщающего труда. Ввиду этих обстоятельств, говорит Н. Г. Чернышевский, Ч. Дарвин «обработал первую главу трактата, служащую предисловием к изложению его теории <...> После того, т. е. с 1868 г. до конца жизни, он уже только блуждал по лабиринту черновых бумаг, масса которых все разрасталась и становилась все хаотичнее»⁸⁴. В рецензии на «Дарвинизм» Н. Я. Данилевского на эту же особенность работ Ч. Дарвина иронично намекает и Н. Н. Страхов: Н. Я. Данилевскому для четкого объяснения читателю самого предмета будущего разговора в начале своего труда пришлось «изложить Дарвиновы мысли во всей точности, почти везде его собственными словами, только в лучшем порядке»⁸⁵.

По мнению Н. Г. Чернышевского, Ч. Дарвин претендовал на глобальный обобщающий характер своей теории, а между тем оставил недоработанными ее ключевые постулаты: «тратил годы за годами в исследованиях, бесполезных для разъяснения коренной задачи, и, подавляемый массой этой ненужной работы, не имел досуга вникнуть с должным вниманием в существенные вопросы своего труда»⁸⁶.

Именно то, за что Н. Г. Чернышевский критиковал Ч. Дарвина, когда-то заставило Д. И. Писарева восторгаться его научной основательностью: «Кажется, он шутить не любит, когда принимается за какое-нибудь изучение; придется потратить на голубей пять лет жизни – он так и сделает; понадобится десять – он и десять положит; а ведь не только голуби, но даже все домашние животные составляют только крошечный уголок того громадного мира явлений, который охвачен и в значительной степени разъяснен светлыми идеями Дарвина»⁸⁷. Если Н. Г. Чернышевский упрекает автора «Происхождения видов» за отсутствие концептуальных обобщений, то Д. И. Писарев, напротив, с одобрением замечает, что «Широких-то теоретиков много найдется, но зато теории их подбиты ветром и лопаются, как мыльные

⁸⁴ Чернышевский Н. Г. Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь. // Русская мысль. Москва, 1888. № 9. С. 79–114. URL: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0450.shtml

⁸⁵ Страхов Н. Н. Рецензия на книгу Н. Я. Данилевского «Дарвинизм. Критический разбор» // Гражданин. Санкт-Петербург. 1886. № 25.

⁸⁶ Чернышевский Н. Г. Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь. // Русская мысль. Москва, 1888. № 9. С. 79–114. URL: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0450.shtml

⁸⁷ Писарев Д. И. Прогресс в мире животных и растений // Русское слово. 1864. № 4. URL: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_1864_progress.shtml

пузыри. А кто таким образом изучает голубей, тот уж ни одного слова не говорит на ветер»⁸⁸.

Даже самых яростные антидарвинисты неизменно отдавали должное личным качествам английского ученого, и Н. Г. Чернышевский также отмечает, что Ч. Дарвина свойственны «неутомимое трудолюбие, безусловная добросовестность, искреннейшая скромность, доброжелательнейшая готовность признать чужие заслуги, отдавать полную справедливость трудам соперников, кротость незлобивой души, непоколебимая никакими нападениями врагов», и подчеркивает, что эти прекрасные качества «возбуждают во всяком честном человеке уважение к его труду»⁸⁹. Однако эти качества не компенсировали того, что стили мышления Ч. Дарвина, по мнению Н. Г. Чернышевского, была свойственна «ребяческая наивность», что методология представляла собой «кочки оптимистической философии в популярной переделке»⁹⁰, что наивный оптимизм его проявляется в стремлении ученого объяснить полезность на самом деле вредного. Ч. Дарвин утверждает, что под давлением нестихающей конкурентной борьбы виды могут совершенствоваться и приобретать более высокую организацию. Между тем, по мнению Н. Г. Чернышевского, такое постоянное давление приводило бы к истощению сил, не к совершенствованию, а к стремительной деградации, следовательно «история тех кусочков протоплазмы или одноклеточных организмов, которые были первыми предками высокоорганизованных существ, и история следующего ряда предков этих существ шла в направлении противоположном действию естественного отбора, под влиянием какой-то силы или комбинации сил, противоположной ему и перевеивавшей его»⁹¹.

Не называя конкретно те силы, которые он в данном случае имеет в виду, автор теории разумного эгоизма завершает статью пассажем, который свидетельствует о том, что наивно-оптимистический склад ума не был чужд и ему самому, а не только его оппоненту: «все силы, повышающие организацию, – те силы, которые имеют благоприятное влияние на жизнь индивидуального органического существа, – содействуют хорошему ходу функций его организма и, если это существо имеет способность ощущения, возбуждают в нем своим действием ощущения физического и нравственного благосостояния, довольства жизнью и радости». В этом утверждении еще ярче проявляется разница в картине мира, представившейся перед мысленным взором Н. Г. Чернышевского и его более радикальных последователей. Мир, в котором все против всех, и единственная движущая сила развития – всеобщая агрессия, Н. Г. Чернышевского, человека, по выражению Н. Бердяева, «очень кроткого», человека, в характере которого «были черты святости»⁹², просто ужасала.

⁸⁸ Писарев Д. И. Прогресс в мире животных и растений // Русское слово. 1864. № 4. URL: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_1864_progress.shtml.

⁸⁹ Чернышевский Н. Г. Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь. // Русская мысль. Москва, 1888. № 9. С. 79–114. URL: http://az.lib.ru/c/chernyshevskij_n_g/text_0450.shtml

⁹⁰ Чернышевский Н. Г. Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь.

⁹¹ Там же.

⁹² Кантор В. К. Христианский пафос Николая Чернышевского: срубленное «древо жизни» российской судьбы // Очерки русской культуры XIX в. Т. 5. Художественная литература. Русский язык. М., 2005. С. 225.

Д. И. Писарев же, напротив, с нескрываемым упоением рисует как «огромное большинство органических существ вступает в мир, как в громадную кухню, где повара ежеминутно рубят, потрошат, варят и поджаривают друг друга; попавши в такое странное общество, юное существо прямо из утробы матери переходит в какой-нибудь котел и поглощается одним из поваров; но не успел еще повар проглотить свой обед, как он уже сам, с недожеванным куском во рту, сидит в котле и обнаруживает уже чисто пассивные достоинства, свойственные хорошей котлете»⁹³.

В мировоззрении Д. И. Писарева идея естественного отбора, в котором выживает сильнейший и сохраняется только лучшее, очевидно, служила неким псевдонаучным базисом для его социальных взглядов, выраженных в статье «Схоластика XIX века»: «что выдержит удар, то годится; что разлетится вдребезги, то хлам: во всяком случае – бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть»⁹⁴.

Важно отметить, что в последствии ученые-естественники не игнорировали идеи критиков Ч. Дарвина – и Н. Я. Данилевского, и Н. Г. Чернышевского. К работам Н. Я. Данилевского обращались многие ученые, основоположники и последователи идеи номогенеза, выводы Н. Г. Чернышевского о взаимопомощи как важнейшем факторе эволюции нашли отражение в работах П. А. Кропоткина вызвали многочисленные дискуссии в научных кругах⁹⁵.

Рассматривая публицистическую дискуссию о дарвинизме, развернувшуюся во второй половине XX века, можно убедиться, что глубокая взаимосвязь между мировоззренческими установками, политическими убеждениями и научными взглядами ученых и публицистов твердо закрепилась в модели представления широкому читателю научного знания. Признание разумности и целесообразности устройства природы столь же органично для представителей русского политического консерватизма, сколь неприемлема идея благотворности биологической борьбы за существование для социалистов или анархистов. Каждое общественно-политическое направление, не важно – умышленно или неосознанно, делало научную популяризацию в некоторой степени инструментом пропаганды своей политической доктрины. Читатель, со своей стороны, ожидал получить от лидеров мнений, ведущих публицистов, не только информацию о происходящем в науке, но и установочные характеристики, оценки достижений науки с позиций разделявшегося ими политического учения. И можно с уверенностью сказать, что вовлеченность научной популяризации в политический дискурс, которую с обеспокоенностью

⁹³ Писарев Д. И. Прогресс в мире животных и растений // Русское слово. 1864. № 4. URL: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_1864_progress.shtml

⁹⁴ Писарев Д. И. Схоластика XIX века // Сочинения в 4-х т. Т. 1. Статьи и рецензии 1859–1862. М., 1955. URL: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0120.shtml

⁹⁵ Трапезов О. В. Дарвинизм и уроки российской практической селекции // Вестник ВОГиС. 2009. Т. 13. № 2. С. 249–297.

констатируют современные ученые⁹⁶, имеет длительную и многофакторную предысторию в развитии российской журналистики.

ЛИТЕРАТУРА

«Дарвинизм» Н. Я. Данилевского в оценке русских философов, историков и теоретиков биологии // *Lethaea rossica*. 2016. Т. 12. С. 47–62.

Данилевский Н. Я. Дарвинизм. Критическое исследование. Петербург, 1885.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому. М., 2008.

Ефремов А. В. Климент Тимирязев как критик Данилевского // Творческое наследие Николая Яковлевича Данилевского и его значение для научной мысли России и Крыма : материалы Международной научно-практической конференции (г. Симферополь, 21–23 мая 2015 г.) / редкол.: Буренков А. В., Семькин В. А. (сопредседатели) и др. Курск, 2016. С. 201–206.

Кантор В. К. Христианский пафос Николая Чернышевского: срубленное «древо жизни» российской судьбы // Очерки русской культуры XIX в. Т. 5. Художественная литература. Русский язык. М., 2005. С. 186–234.

Лисаченко Д. А. Научно-популярное медиапространство: взгляд снизу // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения: матер. 57-го междунар. форума (19–20 апреля 2018 г.) / отв. ред. В. В. Васильева. 2018. № 2. В 2-х т. Т. 1., СПб., 2018, С. 109–110.

Лишевский В. П. Ученые-популяризаторы науки. М., 1987. URL: <http://n-t.ru/ri/ls/up04.htm>

Назаров В. И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. М., 2005.

Поздняков А. А. Теоретико-биологические представления Н. Я. Данилевского // *Lethaea rossica*. 2016. Т. 12. С. 33–46.

Сорокин Ю. Д. И. Писарев // Сочинения в четырех томах. Т. 1. Статьи и рецензии 1859–1862 М., Государственное издательство художественной литературы, 1955. URL: <http://www.classic-book.ru/lib/sb/book/100>

Транезов О. В. Дарвинизм и уроки российской практической селекции // Вестник ВОГиС. 2009. Т. 13. № 2. С. 249–297.

⁹⁶ Лисаченко Д. А. Научно-популярное медиапространство: взгляд снизу // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения: матер. 57-го междунар. форума (19–20 апреля 2018 г.) / отв. ред. В. В. Васильева. 2018. № 2. В 2-х т. Т. 1., СПб., 2018. С. 109–110.

Полемика о медиумизме и перспективах его научного изучения в журналистике XIX – начала XX века

В 1870-е годы медиумическое сообщество России столкнулось с огромным резонансом в прессе: выступления Н. П. Вагнера и А. М. Бутлерова в общественно-политических журналах в 1875 году; Комиссия Менделеева в 1876 году и полемика ученых Академии наук с А. М. Бутлеровым в 1878 году. Это требовало активных выступлений в прессе, которые отвечали бы нападкам на медиумическое сообщество. Однако, по словам А. Н. Аксакова, общественным изданиям было невыгодно публиковать статьи в защиту медиумизма. Даже те критические статьи, которые печатные издания пропускали, не находили отклика у аудитории, так как перебивались ответной язвительной критикой публицистов: «Мне известно, что недавно было представлено в редакции различных здешних газет несколько весьма честных и трезвых статей по этому вопросу (медиумизма); но так как он не был осмеян ими, то редакции наотрез отказались от их принятия, из опасения самим подвергнуться осмеянию; этим путем они, бесспорно, угождали большей части публики, но не истине», – пишет А. Н. Аксаков в сборнике «Спиритуализм и наука»⁹⁷.

Также А. Н. Аксаков издавал отдельными сборниками статьи А. М. Бутлерова и Н. П. Вагнера, а также переводную литературу на эту тему, но и они не встречали достаточно лояльной аудитории. Отсутствие у медиумистов собственного печатного органа с заинтересованной аудиторией все ещё представляло проблему для их популяризаторской деятельности. Таким образом, им была необходима собственная площадка с релевантной аудиторией для популяризации своих исследований, научной деятельности, высказывания своих воззрений и ответов критикам.

Таким печатным органом стал журнал «Ребус», который решил выпускать Виктор Прибытков. Журнал выходил с 1881 по 1904 год в Петербурге, после чего редакция переместилась в Москву, где журнал продолжил свою деятельность вплоть до революции 1917 года.

В юбилейном тысячном номере журнала, который вышел 4 марта 1901 года, В. Прибытков резюмирует двадцать лет существования журнала. Во вступительной статье он пишет, что двадцатилетняя деятельность журнала «способствовала искоренению материалистического воззрения, пустившего в России глубокие корни в семидесятых, восьмидесятых годах прошлого столетия». Под «материалистическим воззрением» он подразумевает традиционную академическую научную критику, которая не признавала исследования в области медиумизма. Деятельность же журнала всячески способствовала решению этого конфликта и утверждению «научности» медиумизма, участвуя в публичной полемике и отстаивая интересы медиумического сообщества.

⁹⁷ Аксаков А. Н. Спиритуализм и наука. Санкт-Петербург, 1872. С. 1–16.

**Полемика А. М. Бутлерова и Н. Н. Страхова
о научности медиумических исследований**

Одной из самых продолжительных публичных полемик между медиумистами и учеными, представляющими академическую точку зрения, затрагивающих именно проблемы «научности» медиумических исследований произошла между А. М. Бутлеровым и Н. Н. Страховым, который был ученым-математиком, профессором Санкт-Петербургского университета. Полемика эта преимущественно велась на страницах газеты-журнала «Гражданин», а также газеты «Новое время». Однако все статьи, как Н. Н. Страхова, так и А. М. Бутлерова после выхода перепечатывались в журнале «Ребус», так как редакция журнала прекрасно осознавала важность подобного прецедента для развития медиумизма.

В 1876 году в «Гражданине» (№№ 41–42, 43, 44) публикуются «Три письма о спиритизме» Николая Николаевича Страхова, в которых он отвечал на статью А. М. Бутлерова «Медиумические явления», опубликованную в «Русском Вестнике» в 1875 году, а также на статью Н. П. Вагнера, опубликованную в «Вестнике Европы» в том же году. Главной претензией к спиритуалистам стала их приверженность к «чистому эмпиризму». По его мнению, за ним могут потеряться научные аксиомы, на которых обязаны строиться все научные исследования: «Я хотел дать почувствовать, что есть и могут быть физические истины несомненные, как аксиомы математики, и что, следовательно, говоря о вещественных явлениях, мы в известных случаях можем совершенно точно различать возможное от невозможного. Вот та точка зрения, на которую я желал бы поставить вопрос о спиритизме, которая, по моему, одна тверда, ясна и плодотворна»⁹⁸.

При этом Н. Н. Страхов, как и медиумисты, критикует «слепой материализм», который переводит науку в ранг идолов, и приходит к выводу, что для того, чтобы двигаться к прогрессу, наука должна быть метафизически познаваема, то есть философия должна осмысливать науку и искать ее границы: «Наука есть дело великое, хотя и не наилучшее и не наивысшее из человеческих дел. Но та наука вообще, на которую так любят ссылаться, есть истинный идол, фантастическое понятие ученых. Каждый специалист, математик, физик, физиолог, думает, что имеет право говорить во имя науки, тогда как наукою вообще могла и может быть, стремилась и стремится стать только философия, о которой такие специалисты обыкновенно и слышать не хотят. Философия решает вопросы о границах и свойствах познания, она старается указать точную меру его авторитета, тогда как специалист, поклоняющийся своему кумиру, обыкновенно приписывает ему беспредельное могущество»⁹⁹.

В выводах Н. Н. Страхова прослеживается конфликт. С одной стороны, как ученый-естественнонаучник он настаивает на том, что научный метод – это

⁹⁸ Страхов Н. Н. Три письма о спиритизме // О вечных истинах. Санкт-Петербург, 1887. С. 87.

⁹⁹ Там же. С. 57.

единственный способ получения научного знания. С другой стороны, он твердо убежден, что науки в «чистом виде» не существует, ее рамки тоже необходимо конструировать, в том числе с помощью философского осмысления. Такие противоречия также могут быть маркером перехода научной парадигмы от традиционной к модернистской – и при обсуждении такой неоднозначной темы, как спиритуализм, этот процесс становится наиболее заметным.

В 1884 году, к полемике (до этого в ней участвовал только Н. П. Вагнер) присоединился А. М. Бутлеров, опубликовав в газете «Новое время» короткую заметку «Умствование и опыт», в которой отвечал на утверждения Н. Н. Страхова о «непреложности» научных истин: «Действительно, мы с г. Страховым расходимся во многом: для него, например, “закон сохранения вещества” принадлежит к непреложным истинам, “сводится на дважды два четыре, на закон чисел”, а для меня непреложно только сохранение того нечего, той сущности, которая может быть веществом (в обычном смысле этого названия), а может также и не быть им. При этом я не скрываю, что к такому допущению привели меня факты, а не априорические суждения»¹⁰⁰. В заметке он упрекает Н. Н. Страхова в том, что тот не ознакомился со статьями «Ребуса», в которых А. М. Бутлеров уже писал о своих представлениях на упомянутый вопрос.

Под статьями «Ребуса» он имел в виду статью «Кое-что о медиумизме», которая выходила в журнале в 1883 году, а позже была издана в качестве брошюры издательством Аксакова¹⁰¹. В этой статье А. М. Бутлеров размышляет о том, как нужно относиться исследователю к научным фактам и что вообще можно считать научными фактами. Он проводит параллель между научными убеждениями и жизненными: по его словам, из-за того, что к своим жизненным убеждениям человек приходит тяжелым трудом – отказываться от них достаточно сложно. Поэтому свои убеждения человек склонен воспринимать как неоспоримые факты. И если по отношению к жизненным убеждениям А. М. Бутлеров готов принять такую позицию, то подобное отношение к утверждениям научным для исследователя непростительно. В этом же А. М. Бутлеров видит корень «догматизма» ученых, который, по его мнению, вредит научному прогрессу: «В науке бесспорны факты, а выводы всегда подлежат обсуждению и критике, между тем научный догматизм эти-то выводы и делает предметом слепой веры».

Кроме того, по словам А. М. Бутлерова, подобный догматизм вполне естественен: человек стремится дать устойчивое объяснения тому, что происходит в мире, а самой большой устойчивостью в нашем сознании обладают именно научные аксиомы: «Стремление довести механическое объяснение явлений природы до крайней возможности весьма понятно и законно. Но в этом стремлении, как и во всяком движении, люди хватают через край. Такова уж, видно, натура человека или, пожалуй, законы природы». Именно в этом А. М. Бутлеров и видит главный конфликт академического

¹⁰⁰ Бутлеров А. М. Умствование и опыт // Статьи о медиумизме. Петербург, 1889. С. 330.

¹⁰¹ Бутлеров А. М. Кое-что о медиумизме. Петербург, 1884. С. 273–311.

сообщества с медиумистами: по его мнению, ученые не признают существование медиумических фактов, потому что их существование разрушает устоявшуюся, стабильную картину мира: «Дать явлению, происходящему в веществе объяснение, основанное на принципах механики – высшая цель современной науки; но чем выше порядок явлений – чем глубже, так сказать, оно захватывает недра вещества, тем труднее дойти до такого объяснения».

Таким образом, А. М. Бутлеров актуализирует проблему субъективизма в науке. Если раньше в своих статьях он писал о субъективности исследователя в контексте восприятия и изучения медиумических явлений, то теперь он говорит о том, что субъективность исследователя влияет на восприятие естественнонаучных фактов в целом. И, по его мнению, подобное влияние личности ученого в науке будет только расти: «Признание самостоятельности духовного начала является в большинстве случаев прямым выводом из медиумических явлений – выводом в высшей степени вероятным, хотя и не имеющим конечно перед лицом знания, той степени непрерываемой достоверности, какая принадлежит самим фактам. Но не следует забывать, что если духовный мир существует, то в нем может быть и добро и зло, истина и ложь, а затрагивая его, мы не знаем, которая из этих его сторон приближается к нам. Собственный разум и нравственное чувство должны здесь постоянно и неуслыпно оставаться на стороже».

В ответ на эти статьи А. М. Бутлерова Н. Н. Страхов пишет еще одну статью «Физическая теория спиритизма», которая выходит в «Новом времени» 26 февраля 1885 года¹⁰². В ней он цитирует утверждение А. М. Бутлерова из статьи «Кое-что о медиумизме», в которой видит главное противоречие в его убеждениях: «Абсолютное ничтожество для нас невысказано; нельзя представить себе, чтобы нечто могло сделаться ничем. Таким образом, вовсе не опытным, а чисто априорным путем неотразимо вытекают для нас так называемые закон вечности материи и закон сохранения сил». По мнению Н. Н. Страхова, в этом утверждении заключается противоречие взгляда А. М. Бутлерова и спиритуалистов в целом на саму науку – отсутствие понимания того, на каких именно фактах ее необходимо строить: «И так, вот в каком положении дело. Для одних оба закона эмпирические, для других – они априорные: а есть и такие ученые, для которых один закон эмпирический, а другой априорный. По всему видно, что для натуралистов не ясны основания, на которых они строят свою науку. Поэтому, хотя утверждение г. Бутлерова об априорности обоих законов есть все, что мне нужно, но, к сожалению, нельзя не сомневаться в его правах на такое утверждение. Истины, которые произносятся без сознания их действительного значения, по несчастию не имеют никакой силы, не могут быть точкою опоры ни для нас самих, ни для наших противников».

Как уже было указано выше, Н. Н. Страхов протестует против полного эмпиризма в науке, он считает, что существуют некоторые априорные факты,

¹⁰² Страхов Н. Н. Физическая теория спиритизма // О вечных истинах. Петербург, 1887. С. 117–147.

«непреложные истины». И именно в поиске этих фактов и заключается главная задача науки: «Конечно, [Бутлеров] не скажет, что законы сохранения вещества и энергии принадлежат к чисто-математической области; следовательно, он признал, наконец, что и в физике, и в химии есть истины непреложные. А как только сделано такое признание, то я имею право выводить, что и в других научных областях, может быть, есть подобные истины, и вообще, имею право потребовать, чтобы ученые исследовали и определили весь круг этих истин, чтобы они не укрывались в скептицизм и не твердили, что для них будто бы нет границы между возможным и невозможным».

Анализ этих двух статей позволяет заключить, что главное противоречие между Н. Н. Страховым и А. М. Бутлеровым состоит не только и не столько во взглядах на медиумизм, сколько на науку в целом. По мнению Н. Н. Страхова, главная задача науки состоит в поиске некоторых основополагающих фактов, исходя из которых необходимо выстраивать некоторую систему взглядов на мир. А. М. Бутлеров же, напротив, считает, что задача науки (современной Бутлерову науке) состоит в том, чтобы искать некоторые отступления от общеизвестных и уже утвердившихся взглядов на мир – и только из совокупности этих фактов выводить общие научные законы.

Несмотря на то, что полемика А. М. Бутлерова и Н. Н. Страхова на этих двух статьях не закончилась, каждый из них в итоге остался при своем мнении и далее доказывал ту же точку зрения. В августе 1885 года в «Новом времени» публикуется статья «Медиумизм и умозрение без опытов», в которой А. М. Бутлеров отвечает на статью Н. Н. Страхова¹⁰³. Главной иллюстрацией для демонстрации противоречий А. М. Бутлеров так же выбирает закон о сохранении энергии: «Вещество, говорит г. Страхов; “не терпит никаких превращений”. При этом он, очевидно, понимает атомы, принимаемые теорией, а не тела, агрегаты атомов, которые мы на самом деле наблюдаем. Эти последние подвержены, напротив, явным и постоянным превращениям. Если же вопрос касается атомов, то пусть г. Страхов попробует прежде всего доказать, что они не фикция, а существуют на деле. Но если даже допустить реальное существование атомов, то мыслить эту реальность без силы невозможно: атом, неспособный действовать, эквивалентен атому несуществующему – он нуль в физической природе. И выходит, что отделение вещества от силы, причины от действия, и силы от вещества – есть не более, как известный прием суждения. Таким приемом и пользуется механика; но из этого вовсе еще не следует, чтобы он непрерываемо соответствовал действительной сущности явлений».

Также А. М. Бутлеров опять же подчеркивает важность вмешательства субъективного в научные суждения. По его мнению, исследователь должен четко осознавать степень влияния собственной личности на восприятие научных фактов: «Г. Страхов ссылается на то, чему учит физика, и на то, как смотрит на дело механика. По-видимому, г. Страхов думает, что науки эти познают и объясняют явления физического мира в их действительной

¹⁰³ Бутлеров А. М. Медиумизм и умозрение без опытов // Статьи о медиумизме. Петербург, 1889. С. 384–394.

сущности, что расчленение вещества на атомы свободные от всякой силы и отвлечение понятия о силе от инертного атома лежат в самой природе дела, а не представляют простой прием нашего суждения, обуславливаемый не “вещами по себе”, а нашей субъективной природой. В этом-то и лежит корень его заблуждения и нашего несогласия».

В заключение статьи А. М. Бутлеров еще раз подчеркивает, что видит развитие науки именно как путь эмпирических исследований: «Я утверждаю далее, что путь наш ведет не к отрицанию физики и умозрения, а к расширению науки и к здравому умозрению, чуждому узкой самодовольной уверенности в несуществовании того, с чем оно еще не знакомо».

В ответ Н. Н. Страхов в ноябре 1885 года публикует в «Новом времени» открытое письмо А. М. Бутлерову «Закономерность стихий и понятий»¹⁰⁴. В нем он еще раз утверждает, какой, по его мнению, должна быть главная задача науки – поиск «непреложных истин»: «Есть, говорил я, непреложные истины в науках, в математике, в физике. Искание таких истин, убеждение в них составляют основу всякой науки. Если нам заявляют факт, противоречащий такой истине, мы имеем полное право считать его невозможным, заранее отвергать его. В том, как мы понимаем сущность этих истин, заключается весь узел вопроса. Пока мы смотрим на них, как на факты, как на эмпирические данные, мы никак не выйдем на прямой путь».

Наука, по мнению Н. Н. Страхова, твердо связана с системами измерений и теориями, на которых они основаны: «Если мы не положим вещества, как чего-то пребывающего среди всяких движений и равномерно способного подчиняться различным силам, то у нас не будет никакой точки опоры для измерения. А не будет измерения, не будет и науки». Кроме того, так же как и А. М. Бутлеров, Н. Н. Страхов сравнивает научные убеждения с убеждениями жизненными и говорит о том, что, так же как и в жизни, в науке мы должны самостоятельно выбрать то, на что опираться: «Сколько бы ни искал человек истины, как бы строго ни наблюдал действительность, как бы долго ни уяснял свои понятия, новый факт, по учению эмпиризма, может ниспровергнуть все это до основания. Но ведь есть дорогие убеждения, есть взгляды, определяющие для нас достоинство и цель всей жизни. Неужели же и за них люди осуждены на веки бояться? Если наши понятия вполне связаны с какими-нибудь совершенно частными явлениями, с известным местом или временем, с определенными людьми или вещами, с личным нашим удостоверением в будущих или в бывших частных фактах, то положение человека, искренно желающего руководиться истиною, было бы жестоко. Нет, если свет мудрости доступен людям, то он должен достигаться иначе. В самом человеке должна существовать твердая опора для его мысли, для того, чем определяется цель и достоинство его жизни».

По мнению Н. Н. Страхова, у человека есть достаточно оснований для того, чтобы утверждать, что подобные истины существуют – поскольку человек сам по себе состоит из вещества, то он имеет моральное право на понимание

¹⁰⁴ Страхов Н. Н. Закономерность стихий и понятий // О вечных истинах. Петербург, 1887. С. 161–211.

того, чем это вещество является: «Мне думается, что таким образом природа вещества, его таинственная сущность несколько раскрываются. Если мы не будем давать разгуливаться нашей фантазии, а будем держаться точного смысла наших понятий, то в них окажется не больше того, что мы сами в них вложили».

Таким образом, формально вынеся в заглавие спора медиумизм, А. М. Бутлеров и Н. Н. Страхов спорят не только и столько о самом медиумизме, сколько о науке в целом: в чем ее главная задача и какая у нее должна быть методология. Примечательно то, что и А. М. Бутлеров, и Н. Н. Страхов говорят о необходимости признания субъективного опыта как основы для научных фактов, однако стоят при этом оппоненты на двух диаметрально противоположных позициях. А. М. Бутлеров приписывает субъективности право на признание реальности того или иного научного факта. Н. Н. Страхов же видит в субъективности критерий для построения некоторых систем, с помощью которых научные факты будут оцениваться.

Публицистические выступления журнала «Ребус» в защиту медиумизма

Не менее важным направлением полемики была «общественная» защита интересов медиумического сообщества вне дискурса академической науки. Так, например, публичное отстаивание интересов спиритуалистического сообщества происходит еще в первые годы существования журнала.

В номере № 18 журнала «Ребус» появилась заметка о проведенном в Петербурге, в Hotel de France, представлении французского фокусника Мариуса Казенева, на котором в качестве прессы в том числе был приглашен и В. Прибытков¹⁰⁵. Вторую часть своего представления М. Казенев решил посвятить «опытам, носящим характер антиспиритический», то есть повторить с помощью своих навыков фокусника явления медиумического характера: связанный по рукам и ногам, он заставил звенеть колокольчики, лежащие у него на коленях. По его словам, «лишь 80 процентов людей, занимающихся спиритуализмом можно назвать искренними и правдивыми, а остальные же 20 приурочиваются к числу шарлатанов и его антиспиритические опыты становятся одним из способов разоблачения». В примечаниях редактора к этому сообщению, В. Прибытков выражает согласие с М. Казеневым в том, что его деятельность весьма полезна в разоблачении шарлатанов, пользующихся доверием людей и использующих их верования в корыстных целях, однако лишь только в этих целях, а не в опровержении самого факта реальности медиумических явлений. Примечание редактора носило характер нейтральный и служило лишь как дополнение к заметке, но не как претензия в адрес фокусника.

Однако в № 23 история с М. Казеневым получила свое продолжение¹⁰⁶. В разделе «Фельетончик» В. Прибытков пишет, что в № 42 газеты «Голос» до

¹⁰⁵ Фельетон // Ребус. 1882. № 18. С. 332

¹⁰⁶ Фельетон // Ребус. 1882. № 18. С. 408.

проведения представления М. Казенев предложил медиумическому сообществу в лице А. Н. Аксакова, Н. П. Вагнера, П. Р. Гедеонова и В. И. Прибыткова поучаствовать в эксперименте с медиумами, которым бы М. Казенев объяснил свои способы антиспиритических опытов. На его предложение, по его же словам, был получен отказ. В ответ на сообщение вышеупомянутыми лицами было помещено письмо в газете «Новое время», в котором сообщалось, что подобного предложения спиритуалисты не получали, однако в ответ могут предложить М. Казеневу поучаствовать в медиумическом сеансе, где он бы повторил свои антиспиритические опыты в условиях, которые медиумическое сообщество ставят всем медиумам для проверки подлинности их способностей.

После этого М. Казенев поместил письмо от спиритуалистов в № 45 газеты «Голос» и дал на него публичный ответ, в котором изъявлял желание поучаствовать в медиумическом сеансе, на котором медиум покажет свои умения при включенном свете так же, как фокусник показывает свои на публике: «Я совершенно согласен присутствовать при опытах, производимых медиумами, дабы доказать, что могу повторить те же явления без всякой помощи духов (в которых не верю) При этом, конечно, медиумы должны действовать подобно мне, при свете и “публично”. Единственные судьи между нами могут быть публика и избранная комиссия».

Такое поведение со стороны М. Казенева В. Прибытков счел по меньшей мере недостойным. Прежде всего редактор «Ребуса» замечает, что у М. Казенева есть «смелость заявлять, что все медиумы шарлатаны и что он в состоянии искусно воспроизвести все медиумические явления, являясь лишь подражателем некоторых из них». При этом дать согласие на чистый эксперимент в условиях медиумического сеанса он не в состоянии: «не имея мужества отказаться от предложения спиритуалистов, г-н Казенев считает благоразумным уклониться от вопроса, поставленному ему прямо и категорично. Он находит для себя удобным изменить всю постановку вопроса и, не решаясь подвергнуться контролю медиумического сеанса». Кроме того В. Прибытков замечает, что, опубликовав письмо в двух распространенных газетах, а не ответив на него по приложенному адресу, М. Казенев пренебрегает элементарным приличием создавая рекламу себе и своим представлениям, чего спиритуалисты, даже когда в газете поместили ложные сведения об их отказе от предложения М. Казенева, себе не позволили.

Однако самой главной претензией В. Прибыткова к фокуснику было именно отношение к интерпретации медиумических явлений: он не только приписывает причину их появления действиям «духов», но и в принципе не понимает природу их возникновения. По словам В. Прибыткова, М. Казенев «спешит выставить свои невозможные требования, настаивая на том, чтобы спириты показали ему медиумические явления при обстановке, возможной только для фокусов». Такое отношение к медиумическим фактам показывает непонимание их сути, на которой настаивают спиритуалисты: «Медиумисты стремятся вывести явления медиумизма из области чудес и, перенося их на почву опыта, смотреть на медиумическую силу, как естественную,

следовательно, и требующую для своего проявления, так же как и все остальные силы природы, своих условий». Демонстрируя отказ М. Казенева, В. Прибытков убеждает аудиторию в том, что медиумические опыты – это особая область науки, поэтому, как и любая другая, в исследованиях требует своих нюансов. Подтверждая слова А. Н. Аксакова в деле Д. Хьюма, В. Прибытков еще раз подчеркивает, что медиумические явления нельзя «произвести по заказу, уместному лишь в престижитаторских сеансах».

Этим материалом В. Прибытков обосновывает важность изучения явлений медиумизма именно со стороны научной уже на конкретном примере представления М. Казенева, а не только в своих рассуждениях в фельетонах.

Еще один достаточно яркий пример подобной критики относится к 1883 году, когда А. Н. Аксаков, в том числе с помощью главного редактора «Ребуса» В. Прибыткова, организовал приезд в Россию медиума Кэти Фокс, одной из первопроходцев «нового спиритуализма». Силами кружка был организован спиритический сеанс с участием Кети Фокс, по итогам которого в журнале была опубликована статья «Медиумические стуки»¹⁰⁷, описывающая данное явление на примере произошедшего на сеансе. Для журнала это было важно, так как Кэти Фокс была достаточно известным, а главное – «проверенным», медиумом: она состояла в Лондонском обществе психических исследований, а значит, ее деятельность могла служить достоверным источником для исследований без опасений за то, что что-либо происходящее на сеансе будет обманом.

Однако после публикации статьи в газете «Новости» (в отношении спиритизма была настроена скептически) был размещен достаточно резкий фельетон, подписанный именем Кандида Коломенского. Этот псевдоним принадлежал журналисту новостей Владимиру Михневичу. В фельетоне он описал, как попал на сеанс в качестве представителя прессы, а также обвинил Кети Фокс в обмане. Как было написано в фельетоне, она, будучи англичанкой, тайно от публики выучила русский язык, чтобы писать фразы от имени духов. Кроме того, в этом же фельетоне Михневич пишет, что по сведениям из верного источника весь этот обман был организован редакцией «Ребуса» и А. Н. Аксаковым, заплатившими Кэти Фокс за представление.

Ответ на фельетон В. Михневича появился уже в следующем 11 номере: статья «Коломенская кумушка» с подзаголовком «Ответ Коломенскому Кандиду из Новостей» и подписанная именем самого В. Прибыткова¹⁰⁸. Сам характер статьи был намного резче, чем в случае с фокусником М. Казеневым: в самом начале В. Прибытков объясняет смысл заглавия, называя В. Михневича «неустанным сплетником, который однажды досплетничается до того, что его исключат из литературной среды». Кроме того, В. Прибытков критикует источники, которые приводит в своем фельетоне В. Михневич: «Уж не из своей богатой сплетнями фантазии извлекает ни на чем не основанный вымысел о щедротях, какими будто бы спириты одаривают госпожу Кети Фокс, ради

¹⁰⁷ Медиумические стуки // Ребус. 1883. № 10. С. 217.

¹⁰⁸ Прибытков В. И. Коломенская кумушка // Ребус. 1882. № 11. С. 235.

которых она готова забыть свое человеческое достоинство. Г. Михневич, не мерьте же на свой аршин!»

В фельетоне В. Михневич также сделал выпад и в сторону самого журнала «Ребус», назвав его «неразрешимой в литературном отношении загадкой» и «замысловатой шарадой, пущенной для разбития мыслей праздных умов», так как общественности неизвестно, на какие средства существует журнал и какие цели преследует. В ответ на это В. Прибытков пишет: «В ответ на выраженное недоумение, зачем существует “Ребус”, не принося не только прибыли, но и имея еще дефицит, я со своей стороны выражаю сожаление о том, что очевидно г. Михневича настолько заела среда, вдохновляющая только гонорарами, что он не в состоянии даже понять возможности работы за идею». Со своей же стороны В. Прибытков обвиняет В. Михневича в том, что «перо его двигается только по указке его хозяев», а именно газеты «Голос», в которую тоже писал В. Михневич и которая была известна своими антиспиритуалистическими настроениями, и что «под этим давлением он не остановился даже перед клеветой на женщину».

Далее В. Прибытков подытоживает: «Мои симпатии всецело принадлежат всем загадочным, мало исследованным, или совсем еще не исследованным явлениям природы. А такие же, как Михневич – главные тормозы, боящиеся в своем стремлении к новому, возрождающемуся, пробивающего себе дорогу, оказаться заподозренными в суеверности или отсталости». После этого редактор просит прощения у аудитории за то, что «пожертвовал местом в журнале лично для себя» и обещает, что впредь такого не повторится.

Выводы

В программных статьях журнала «Ребус» пропаганда паранаучных взглядов была заявлена как одна из ключевых целей журналов, которую редакция журнала достаточно эффективно воплощала в жизнь. Об этом говорит как возросший к началу XX века интерес к подобным направлениям в обществе, так и тот факт, что журналы (в частности, «Ребус» и «Изида») стабильно существовали на протяжении долгого времени и выпускались без перерывов.

За время своей деятельности у журнала сформировалась своя аудитория, готовая на контакт с редакцией и поддержку дальнейшего выпуска издания. Самое главное – аудитория была солидарна со взглядами и идеями русского медиумического сообщества. На примере присланных в редакцию протоколов сеансов, можно сделать вывод о том, что читатели не только восприняли идеи медиумистов, но и, это самое главное, воспринимали медиумизм и другие паранаучные течения, такие как оккультизм и теософия, закономерным итогом научного прогресса. Представителями течений они позиционировались как новые направления некоторого нового преобразованного «научного» дискурса, методология которого разрабатывалась в ходе исследований. И

распространение этих новых идей среди образованной и увлеченной аудитории была важным фактором дальнейшего развития этих исследований.

Таким образом, по мнению, представителей паранаучных течений, распространение результатов исследований и открытий в этой области, было так же важно, как и распространение открытий в любой другой научной области, например, в физике, биологии или психологии.

ЛИТЕРАТУРА

Аксаков А. Н. Анимизм и спиритуализм. Петербург, 1893.

Аксаков А. Н. Спиритуализм и наука. Петербург, 1872.

Бутлеров А. М. Медиумические явления // Статьи по медиумизму. Петербург, 1889.

Менделеев Д. И. Материалы для суждения о спиритизме. Петербург, 1876.

Прибытков В. И. Спиритизм в России: от возникновения его до настоящих дней. Петербург, 1901.

Ребус. Петербург. 1881–1904.

Страхов Н. Н. О вечных истинах. Петербург, 1887.

**Динамика развертывания возражения в публичной научной полемике
(из опыта советской журналистики)¹⁰⁹**

В эмпирическую базу нашего исследования включены публикации в СМИ, которые сегодня представляют историко-журналистский дискурс – материалы публичной научной полемики, посвященной плану поворота сибирских и северных рек, актуализированному на закате советской эпохи, сегодняшняя медиарефлексия на эту тему.

Наша задача – выявить особенности динамики развертывания возражения на разных этапах оформления специализированной коммуникативной траектории, продвигающей в публичном пространстве научную идею и обусловленной этой идеей проект.

Авторы многочисленных современных журналистских публикаций утверждают, что установочные публикации, презентующие идею молодого киевского журналиста Якова Демченко, появились в 1868–1871 годах. Сначала это была брошюра под названием «О наводнении Арало-Каспийской низменности для улучшения климата прилежащих стран», которая довольно быстро была забыта, а потом появилась научная статья.

В 1920-х годах, по утверждению журналиста Д. Окунева¹¹⁰, идея Демченко обсуждалась в высших эшелонах советской власти. Но и в эпоху увлеченности молодой советской республикой проектами глобального переустройства мира дальше обсуждений дело не пошло.

Послевоенное возвращение к проекту могло бы состояться в 1948-м в контексте популяризации масштабного «Сталинского плана преобразования природы». В соответствии с этим планом могли быть воплощены самые смелые научные фантазии, которые еще полвека назад казались несбыточными. Именно в это время огромные российские степные пространства были защищены лесополосами, мечталось о создании Сибирского моря на Иртыше, о сооружении плотины в Беринговом проливе.

Б. Сарнов, писатель и литературовед, утверждает, что Сталину об идее Я. Демченко напомнил известный ученый-географ, академик В. А. Обручев, но ответа вождя не последовало¹¹¹. Отказ вождя от обсуждения возможности создания эпохального проекта чаще всего объясняется его увлеченностью иными, многочисленными, требующими меньших затрат и получившими к тому времени более серьезное научно-экономическое осмысление научными идеями.

Очередное напоминание о возможности поворота рек состоялось в 1959 году, на XXI съезде КПСС. На этот раз спустя два года появилось первое полное технико-экономическое обоснование проекта, опубликованное

¹⁰⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-18-00184 «Речевые практики возращения и пути их преодоления в научно-популярной медиакоммуникации».

¹¹⁰ Окунев Д. Грандиозный проект как СССР реки поворачивал // Газета.ру. Электронный ресурс. URL: https://www.gazeta.ru/science/2019/10/22_a_12771272.shtml?ysclid=lm9ov3k6580908411

¹¹¹ Сарнов Б. Скуки не было. Первая книга воспоминаний. 1937–1953. М., 2004. С. 557.

в авторитетной тогда «Экономической газете» (21.02.1961). Опубликованный в СМИ документ стал триггером научной полемики, которую начал журнал «Техника – молодежи». Именно это научно-популярное издание представило изложение одного из первых проектов в статье инженера М. М. Давыдова¹¹². Как отметил автор статьи, он считал, что его главная задача – описание его собственного проекта «в общих чертах».

Но по многочисленным свидетельствам, в момент публикации статьи коммуникативной инициативой владели представители административно-партийной системы. Именно они были основными участниками установочного этапа полемики, именно они все сделали для того, чтобы научная полемика оставалась закрытой. Важно, что руководствовались они исключительно административно-политическими, региональными, ведомственными интересами, которые не всегда открывались широкой публике. Как утверждает один из исследователей тогдашней коммуникативной ситуации, журналист Д. Окунев, на публикации которого мы уже ссылались выше, «главным толкачом» проекта был Ш. Рашидов. Первый секретарь Компартии Узбекистана, соответственно, отвечал за важнейшую статью советского экспорта – хлопок. На стороне могущественного администратора в то время выступили и физики-атомщики, потому что в их научной среде планировалось создание новой водной системы с использованием 250 направленных ядерных взрывов малой мощности. Примечательно, что и в данном случае аргументом в защиту проекта было выдвинуто не научное обоснование, а сугубо политические причины: ясно обозначившаяся с началом «холодной войны» конкуренция с американскими строителями Центрально-Аризонского канала.

Очевидное расширение структуры субъекта коммуникации, изменения статусных характеристик полемистов начинаются после 24 мая 1968 года, когда вышло Постановление ЦК КПСС и Совмина № 612 «О перспективах развития мелиорации земель, регулирования и перераспределения стока рек в 1971–1988 гг.». Только тогда уже четыре научных коллектива приступили к разработке необходимых для реализации поставленных задач проектов. На XXV съезде КПСС была зафиксирована победа одного из предложенных учеными и инженерами вариантов.

С момента публикации материалов съезда полемика вышла за пределы внутривнутрипартийной и аппаратной жизни. По свидетельству известного белорусского литератора и общественного деятеля А. Адамовича, создатели проекта и их сторонники активно ангажировались заинтересованными в проекте организациями и ведомствами – как точно подметил талантливый публицист, организуются своеобразные научные «адвокатские конторы». Их используют те, «у кого поверх головы излишек бюджетных денег, непривычно много людей, техники – единственная и одна забота – куда их закопать, миллиарды, чтобы звучали литавры-реляции, сыпались поощрения, сочинялись

¹¹² Давыдов М. Обь, Енисей, ждем вас на юге! Инженер рисует эскиз новых рек // Техника – молодежи. 1961. № 4. С. 20–24.

о «трудных подвигах» романы-поэмы»¹¹³. Но, естественно, кроме «научно-адвокатских» объединений формируются научные группы оппонентов и идеи, и предлагаемых проектов.

Самые серьезные изменения в составе полемистов произошли в кульминационный период, когда коммуникативную инициативу перехватил имевший огромный авторитет Сергей Павлович Залыгин. Как полемист он обладал очень многими значительными характеристиками для данной коммуникативной ситуации. Во-первых, Залыгин к тому времени был известным писателем, автором вызвавшей широкую дискуссию в критике почести «На Иртыше. Из хроники села Крутые Луки» (1964), повести «Оська – смешной мальчик» (1973), в которой исследовались особенности современного научного сознания. Во-вторых, авторитет Залыгина был обеспечен победой над сторонниками проекта затопления Обской низменности. В-третьих, репрезентативность его позиции в значительной степени была обусловлена участием в научной работе, статусом дипломированного специалиста. Еще в 1948 году С. Залыгин защитил кандидатскую диссертацию и заведовал кафедрой орошения и мелиорации Омского сельскохозяйственного института¹¹⁴.

С. П. Залыгин как опытный и статусный в данной коммуникативной ситуации полемист привлек к участию в публичных диалогах так называемых «лидеров общественного мнения». Именно Залыгин успешно использовал уже известный коммуникативный жанр для переноса споров ученых, предлагающих информацию, необходимую для формирования объективной оценки проекта, в публичное коммуникативное пространство. Для развития коммуникативной траектории он организовал «круглый стол» ученых-почвоведов в журнале «Наш современник» (1985. № 7). Основной вектор коммуникативной траектории в этом случае был нацелен на формирование отрицательно-оценочных смыслов в общественном мнении.

Для достижения именно этой цели С. Залыгин активно вовлекал в научную полемику профессиональных коммуникантов – известных публицистов и литераторов, которые блестяще демонстрировали свои способности влиять на массовую аудиторию через трансляцию определенного набора модальностей: от гнева, вызванного категорическим неприятием проекта, до уничтожающей иронии.

При суммировании наших наблюдений за изменением состава полемистов, их статусных характеристик – за динамикой структуры субъекта коммуникации приходится признать, что именно эта характеристика созданной специализированной коммуникативной траектории стала определяющей, оказала принципиальное влияние на семантику и лингво-риторическую форму возражения.

¹¹³Адамович А. Мы шестидесятники: Эссе, публицистика. М., 1991. С. 196.

¹¹⁴Вахитова Т. М. Залыгин Сергей Павлович / Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Словарь: В 3-х т. Т. 2. СПб., 2005. С. 19–22.

Если считать, что инициальным этапом полемики о повороте северных и сибирских рек стали давние публикации Я. Демченко, то первой реактивной репликой-возражением следует признать кульминационную часть рецензии, появившейся в XIX веке в «Биржевых ведомостях». Как утверждает Д. Окунев, автор рецензии посоветовал молодому ученому вложить свой гонорар в реализацию проекта, т. е. возражение было представлено в форме реплики-реакции побудительного характера. Побуждение к действию выражалось в иронической форме, звучало как категорическое возражение-отрицание научной идеи на основании ее экономической нецелесообразности. В конечном итоге, если верить тому же Д. Окуневу, *общественное мнение квалифицировало идею как безумную*¹¹⁵. Трансляция журналистом общей оценки научной идеи адресатам, по сути, является психологической уловкой, дискредитирующей не столько идею, сколько ее автора.

Реальной инициацией научной полемики можно признать уже упоминавшуюся статью М. Давыдова, где в своеобразной риторической форме был представлен проект: с многочисленными и неожиданными статистическими данными, с проясняющими многие детали проекта рисунками и упрощенными схемами. Особого внимания заслуживает та часть публикации концептуального описания проекта, которая посвящена проблемным зонам. Автор, владеющий серьезными, глубокими инженерными знаниями, перечисляет: *Нужно искать новые методы охлаждения, используя место воды воздух, вносить изменения в технологические процессы производства, бороться с утечкой в системах водоснабжения и канализации, <...> за чистоту воды в речных системах*¹¹⁶. По сути, М. Давыдов обозначает полемическую перспективу, что, безусловно, должно было способствовать развитию научно-технической мысли.

Но на следующем этапе, вопреки обозначенной специалистом коммуникативной перспективе, как мы отмечали выше, инициативу перехватили защитники проекта из административно-партийного пула. Они попытались вновь максимально сократить коммуникативное пространство, используя преимущественно политико-экономические контраргументы, предельно локализовали полемику. Более того, несмотря на уже менявшуюся общественно-политическую атмосферу, они пытались восстановить в правах давно известную механическую уловку (в оценках С. Поварнина, одного из первых в России специалистов по «логике отношений», «грубейшую, непоправимую»¹¹⁷). Ими продвигался, как утверждают многие участники дискуссии, «цензорский перечень», в который был включен запрет на *любое упоминание в печати о неприятии и аргументах против поворота рек, любое упоминание противников поворота*¹¹⁸.

¹¹⁵ Окунев Д. Грандиозный проект как СССР реки поворачивал // Газета.ру. Электронный ресурс. URL: https://www.gazeta.ru/science/2019/10/22_a_12771272.shtml?ysclid=lm19ov3k6580908411.

¹¹⁶ Давыдов М. Обь, Енисей, ждем вас на юге! Инженер рисует эскиз новых рек // Техника-Молодежи. 1961. № 4. С. 23.

¹¹⁷ Поварнин С. Спор. О теории и практике спора. СПб., 1996. С. 73.

¹¹⁸ В шаге от Апокалипсиса // ТК «Россия». Электронный ресурс. URL: <http://perevalnext.ru/povorot-rek-sibiri-v-shage-ot-apokalipsisa>

Возрождением коммуникативной перспективы стало категорическое возражение против проекта вице-президента АН СССР А. Яншина, известного геолога. Академик А. Яншин протестовал, открыто выражая конфликтное мнение: *Такой проект нашей стране не нужен. Необоснованность и вредность его по всем параметрам очевидны. Я заявляю это официально, как ученый. Однако мне известно, что стоят за ним большие силы. Но надо любой ценой проект приостановить. Я сделаю все возможное*¹¹⁹. В протесте, однозначно выраженном личном отношении известного ученого к предмету полемики – проект *не нужен*; содержалась негативная оценка проекта – *необоснованный и вредный*, были обозначена коммуникативная цель – *остановить проект*.

А. Яншин в поисках научной аргументации категорического возражения настаивает на создании Временной научно-технической экспертной комиссии. Задача этой комиссии – обосновать свои возражения против проекта. Участники комиссии, большая часть из которых – математики, должны были доказать научную ошибочность методик расчета колебаний отметок уровня Каспийского и солености Азовского морей, разработанных Институтом водных проблем, признанных Министерством водного хозяйства СССР. Единомышленники А. Яншина открывают в Математическом институте АН СССР, создают специальный семинар, участники которого проверяют состоятельность общих расчетов, принятых для экономического обоснования проекта.

А. Л. Яншин предпринимает решительные и эффективные шаги по расширению коммуникативного пространства, используя жанр открытых писем, актуализированный в «оттепельную» эпоху. Двенадцать видных ученых подписывают подготовленное им обращение в Центральный Комитет КПСС. Возражение в письме приобрело эмоциональную остроту, даже запальчивость, что проявилось уже в его названии: *О катастрофических последствиях переброски части стока северных рек*. В развитие полемики академик Л. Понтрягин пишет личное письмо тогдашнему Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву.

В результате научно сообществу, несмотря на бюрократические препоны, удалось создать систему возражений в форме сугубо научных контраргументов, демонстрирующих слабые стороны обсуждаемого проекта. Но система все-таки еще имела возможности ограничивать доступ академических ученых к СМИ, что блокировало процесс распространения научного знания в публичном коммуникативном пространстве. Хотя, если задуматься над более или менее полным перечнем затрагиваемых при создании контраргументов проблем, станет ясно, что оппонентами авторов проекта привлекался огромный объем научных знаний по землепользованию, мелиорации, гидрологии и т. д. Только механические уловки вместо глубокой

¹¹⁹ Маржецкий С. Стоит ли возвращаться к проекту разворота северных рек в Среднюю Азию? // Электронный ресурс. URL: <http://ursa-tm.ru/forum/index.php?topic/453178-stoit-li-vozvrashchatsya-k-proektu-razvorota-severnyh-rek-v-srednyuyu-aziyu/>.

научной контраргументации не позволяли академическим ученым достичь их коммуникативной цели.

Ученые искали, находили и транслировали новые знания по целому спектру естественных наук, прежде всего, влиявших на принципы землепользования, на представление об актуальной экологической проблематике. Кроме того, они много сделали для того, чтобы восстановить принцип преемственности при форматировании и презентации для массовой аудитории научного знания. При таком подходе к коммуникации ученые-полемисты в качестве целесообразной речевой формы использовали и тщательно продуманные формулировки при описании собственной научной позиции, и экспрессивно-оценочные речевые ресурсы при оценивании позиции оппонента.

Но наиболее эффективное вовлекающее в полемику речевое средство было создано, если можно так сказать, в «эпоху Залыгина». Хотя мы должны заметить, что приписываемая ему метафора была введена в коммуникативное пространство М. Давыдовым. Речь идет о моделирующей оцениваемую проблему романтической метафоре, которая после вступления в полемику С. Залыгина была широко растиражирована журналистами – *поворот северных и сибирских рек*. Дело в том, что началу широкой дискуссии в публичном коммуникативном пространстве использовались три номинации проекта как маркеры коммуникативной траектории. Из научного дискурса было заимствовано определение *переброска части стока северных и сибирских рек*, из официально-деловой коммуникации – *территориальное перераспределение стока вод*. В последующем метафора *поворот северных и сибирских рек* получила широкое распространение в медиапространстве. Если соотнести все три актуализированные номинации с реальным содержанием проекта, то станет понятно, что именно третья номинация, самая распространенная и неточная, уводила массовую аудиторию от объективного описания проекта.

В реальности проект предполагал именно *частичную переброску* стоков великих рек Сибири и Русского севера. Эта часть, по подсчетам специалистов, не превышала шести процентов. Метафорическая номинация проекта использовалась как триггер, запускающий «ценностное ориентирование»¹²⁰. Закрепление популярной метафоры в общественном сознании в усеченном виде, конечно, существенным образом влияло на создание отрицательно-оценочного эмоционального фона полемики.

Одна из первых коммуникативных реакций на образ-стимул – развернутая метафора-аргумент, созданная известным прозаиком-деревенщиком Василием Ивановичем Беловым, опубликовавшим в начале восьмидесятых в европейской эмигрантской «Русской мысли» статью, направленную против проекта (15.07.1982). В. Белов вместо рациональных аргументов использовал эмоциональное сравнение: *Сибирские реки как кровеносные сосуды человека – кровь не может течь вспять*.

¹²⁰ Кремер И. Ю. Репрезентанты аргументации в немецком научном тексте // НИР. Современная коммуникативистика. 2014. № 1. С. 42.

Коммуникативный вектор, предложенный С. Залыгиным и В. Беловым, получил интенсивное развитие в выступлениях делегатов съезда советских писателей (1986). Этот съезд позже станут называть «съездом мелиораторов». Доминирующий модус большинства выступлений – негативная эмоциональная оценка позиции сторонников проекта, мотивированная апелляцией к русской литературной традиции, предполагавшей неустанные заботы русского писателя о родной земле. Объектом оценки в выступлениях оппонентов проекта была, прежде всего, деятельность советских бюрократов, которые, как настаивал В. Белов, использовали при продвижении проекта только политико-экономические аргументы.

По завершении съезда к голосам в защиту северных рек присоединился академик Д. С. Лихачев, который в то время обладал высочайшим моральным авторитетом. В 1986 году в речи в Колонном зале Дома Союзов, транслировавшейся на всю страну, он сказал: *Как можно поворачивать северные реки, если при этом исчезнут наши старинные русские города, наша история, жемчужины Севера Каргополь, Тотьма!*¹²¹ Как видим, фраза, начинающаяся с вопросительного местоимения как эффективного средства диалогичности, приобретает экспрессивную тональность за счет коннотативно окрашенной лексики, национально значимых концептов (*исчезнут, старинные русские города, наша история, жемчужины*) и восклицательной конструкции. По сути, Д. Лихачев расширил смысловую структуру возражения: в аргументативную часть он ввел историко-культурный компонент. Чуть позднее В. Г. Распутин опубликовал поэтический этюд «О красоте сибирских рек и озер», усилив аргументативную часть полемики эстетическим компонентом.

Как абсолютный отказ от признания аргументов и доводов к возражениям защитников проекта прозвучал мифологизированный позднее призыв В. Белова и В. Распутина к деятельностному протесту, который в критической ситуации мог принять форму самосожжения на Красной площади.

Известно, что противники проекта победили. В 1986 году было принято решение о его приостановке. Спор о причинах этого решения до сих пор не завершен. Видимо, их было несколько. Но С. Залыгин много говорил, что важен не только результат полемики, но и ее уроки, которые трудно переоценить. Он был уверен, *опыт этой дискуссии обществу еще пригодится*¹²². В чем же заключается особая ценность этого опыта?

Во-первых, полемика о проектах поворота северных и сибирских рек продемонстрировала зависимость результатов от нескольких факторов: от профессиональных характеристик субъекта речи, от их статуса, коммуникативных целей, с одной стороны, и от общей коммуникативной ситуации, с другой.

Во-вторых, речевая форма коммуникативной траектории, презентующей динамику развертывания возражений, напрямую зависит от степени

¹²¹ Попов В. Дмитрий Лихачев Электронный ресурс. URL: <https://litlife.club/books/179777/read?page=1&ysclid=lnn1yus5lf626478996>

¹²² Залыгин С. П. Поворот. М., 1983. С. 10.

погруженности полемистов в суть спора, от уровня их научной компетентности, но при этом эффективность публичного коммуникативного взаимодействия, характер его воздействия на массовую аудиторию в значительной степени определяется авторитетом участников диалога, их речевым потенциалом.

В-третьих, публичные научные полемики, посвященные общественно-значимым идеям и проектам, ценны тем, что они моделируют процесс деидеологизации массового сознания, выводят адресата из-под манипулятивного воздействия, минимизируют возможность применения административного ресурса, максимально расширяют набор аргументов *за* и *против*, наконец, объединяют массовую аудиторию в процессе продвижения общих интересов и ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамович А.* Мы шестидесятники: Эссе, публицистика. М., 1991.
- Вахитова Т. М.* Зальгин Сергей Павлович // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Словарь: В 3-х т. Т. 2. СПб., 2005. С. 19–22.
- Зальгин С. П.* Поворот. М., 1983.
- Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А.* Краткий справочник по русскому языку. М., 1996.
- Кремер И. Ю.* Репрезентанты аргументации в немецком научном тексте // НИР. Современная коммуникативистика. 2014. № 1. С. 42–46.
- Леонтьев А. А.* Психология общения. М., 2008.
- Поварнин С.* Спор. О теории и практике спора. СПб., 1996.
- Прозаики, поэты, драматурги. Словарь: В 3-х т. Т.2. СПб., 2005. С. 19–22.
- Сарнов Б.* Скуки не было. Первая книга воспоминаний. 1937–1953. М., 2004.

Глава 2. Полемический научный медиадискурс в разных стратегиях передачи научного знания

Л. Р. Дускаева

Популяризация научных знаний в медийной среде: стратегии изложения¹²³

Поставленный в нашей главе вопрос типологии форм и способов популяризации был затронут в исследовании А. Г. Ваганова. Исследователь выделил четыре этапа эволюции научно-популярной журналистики, на каждом из которых оформлялись свои способы информирования аудитории:

1. Первую форму, возникшую в XVII – начале XVIII века, автор назвал «популярной наукой» (Popular Science). Ее задачами было развлечение публики и первоначальное просвещение.

2. На втором этапе (1750–1850 годы) сформировалось «промышленное просвещение» («Пособия в помощь техническому любительству»), главной задачей которого стала учебно-прикладная: получение научных и технических знаний для ремесла, а также снижение цены доступа к знаниям.

3. Третий этап (середина XIX – середина XX века) был назван «занимательной наукой». На этом этапе главным стало просвещение, пропаганда научно-технических знаний и решение учебно-прикладных задач.

4. Современный этап (середина XX - начало XXI века) был обозначен научпопом (Popular Science 2.0), когда популяризация научных знаний стала имиджевой стороной дела, частью развлекательного бизнеса¹²⁴.

По мнению А. Г. Ваганова, особенность популяризации на этом этапе – принуждение к коммуникации, часто в ущерб качеству: «Ученые оказываются перед необходимостью позиционировать себя относительно транслируемых массмедиа характеристик в работе и в плане профессиональной идентичности. Научные институты и ученые все в большей степени ориентируются на общественность и внимание массмедиа, чем на истину»¹²⁵.

Обращение к научно-популярным телеграм-каналам (ТК), где популяризация распространена в разных формах, показывает, что сводить всю современную популяризацию к «научпопу», конечно, нельзя. Для реализации популяризацией государственных задач, указанных в нормативных документах, сегодня мобилизуются разные средства массовой коммуникации, в которых используются разные способы распространения научных знаний. В ходе исследования коммуникативной работы телеграм-каналов были поставлены

¹²³ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-18-00184 «Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакommunikации».

¹²⁴ Ваганов А. Г. Эволюция форм популяризации науки в России: XVIII–XXI вв // Наука. Инновации. Образование. 2016. № 3(21). С. 64-77 – цит. по: Панина Е. А. Популяризация науки в условиях современной социокультурной ситуации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 4(43). С. 172–181. DOI: 10.24411/2078-1024-2019-14018.

¹²⁵ Там же.

вопросы: через какие коммуникативные цели решаются задачи популяризации научных знаний в телеграм-каналах? Полагаем, с учетом огромной роли коммуникативных целей в текстообразовании, получение такой информации позволит оптимизировать организацию конструктивных коммуникативных отношений между обществом и наукой, повысит качество этой деятельности, будет ограничивать влияние околонучных и псевдонаучных речевых практик, в которых искажается роль научного познания в обществе и мифологизируются научные знания.

По нашим наблюдениям, уверенно можно выделить по крайней мере пять коммуникативных целей. В одних случаях читателя **информируют**, сообщая сведения о научных событиях в общем потоке новостей. В другом случае – **обучают**, объясняя научное знание, помогая осваивать пути изучения наук. Третьи **просвещают**, рассказывая об истории научного познания, показывая его как сферу высоких достижений человека. Четвертые **продвигают** открытия, демонстрируя оригинальность, практическую значимость, актуальность и новизну только что полученного знания. Наконец, популяризация может быть представлена как **развлечение**, когда новым знанием удивляют, обнаруживая ранее неизвестное, пугают непознаваемым или забавляют, обнаруживая смешные стороны в природных явлениях. Как видим, в коммуникативной практике телеграм-каналов применяются все формы популяризации научных знаний, созданные в ходе развития популяризации как общественной коммуникативной практики.

Рассмотрим, каковы особенности реализации в текстах выделенных целей. При демонстрации особенностей каждого из типов популяризации, из-за ограниченности объема монографии, приводим небольшое число примеров. Однако обратившись к указанным ТК, читатель и сам может убедиться в справедливости выводов.

Информирование

Информируя, массмедиа сообщают о научных достижениях, которые могут изменить или уже изменяют сегодняшнюю жизнь человека. Наука в таком осведомлении предстает институтом, выполняющим социальные функции. В ходе развития науки происходили и происходят важные социально-экономические и политические преобразования. Наука помогает их предвидеть, предупреждая опасные последствия в одних случаях, стимулируя развитие в случае пользы. Результатом научной деятельности становятся новые технологии, новые материалы, методики лечения, производства, разные виды техники и мн. др. – все то, что предназначено удовлетворять общественные потребности. Предметом особого интереса является создание / получение продукта научного познания. Сообщения появляются в универсальных изданиях среди публикаций на разные темы, связанные с демонстрацией разных сторон общественной жизни. Например, стали привычными сообщения о том, над решением каких проблем работают ученые. В качестве примера такого сообщения возьмем публикацию из ТК «Российской газеты» (7.11.2023.

9:58): Ученые ИЦиГ СО РАН внедряют в сельское хозяйство России новую экзотическую культуру – мискантус – для переработки в целлюлозу.

Мискантус – это род многолетних травянистых растений, которые в дикой природе встречаются в Австралии, Азии и Африке. ... произрастает на юге России – в Приморском крае, а также ...

В 2012 году Институт цитологии и генетики Сибирского отделения РАН вывел и запатентовал первый в нашей стране культурный сорт мискантуса – «сорановский». Он комфортно чувствует себя в нашем климате и ежегодно дает урожай сухой растительной массы с богатым содержанием ценных для промышленности веществ.

По данным ученых, с одного гектара мискантуса можно получать в среднем до четырех тонн целлюлозы. Сейчас в России формируется сеть предприятий по производству и переработке мискантуса в целлюлозу.

Другой пример – сообщение от 4.10.2023 «Куда дует мощный ветер Росатома: локализация и новые рынки» ТК «Инфо ТЭК» – отраслевого информационного агентства, адресованного профессионалам энергетического комплекса: Росатом запустил первую очередь нового ветропарка в Ставропольском крае — Труновской ВЭС. Как сообщили «ИнфоТЭКу» в «Новавинде», вторую очередь ветропарка планируется запустить до конца года. Труновская ВЭС станет уже девятым по счету ветропарком компании на юге страны и седьмой в Ставропольском крае. Ее мощность составит 95 МВт и будет включать в себя 38 ветроэнергетических установок. Таким образом, сейчас суммарные мощности введенных ветропарков Росатома достигли отметки в 1 ГВт. Это сравнимо с мощностью реактора атомной электростанции.

По словам заместителя гендиректора ветроэнергетического дивизиона Росатома «Новавинд» Виктора Свистунова, 1 ГВт способен обеспечить электроэнергией город с населением около 2 млн человек с промышленными производствами. Он отметил, что ветроэнергетика – это та отрасль, которая помогает развиваться многим другим отраслям промышленности. О том, какие собственные наработки есть у компании в области развития ветроэнергетики, каких успехов удалось достичь и что предстоит — читайте (<https://t.me/iv?url=https%3A%2F%2Fitek.ru%2Fnews%2Fvetryaki-rosatoma-dostigli-moshhnosti-v-1-gvt%2F&hash=ce51bd756a91a5>) в нашем эксклюзивном материале.

Эти два примера информационных сообщений показывают результаты, полученные благодаря научным исследованиям. Как видим, логика сообщений такого рода одинакова: аккумуляция внимания на научной проблеме, демонстрация особенностей предмета исследования, его целей и практической значимости. Часто подобные посты ставятся в ленту без визуального ряда. Информирование, демонстрирующее результаты проводимых научных исследований, призвано показать науку прежде всего как перспективную сферу приложения усилий человека, приносящую выгоду, обеспечивающую людям безопасность, здоровье и благополучие.

Консультация, обучающее объяснение

Образовательно-консультативная популяризация рассчитана на аудиторию, которая нуждается в росте объема знаний. Как правило, подобная работа особенно важна для молодой аудитории. Телеграм-каналы вовлекают в ход познания, в течение целого дня общаются со своей аудиторией, выкладывая в ленту посты. В них поясняются научные термины, объясняются известные явления, показывают, каким образом ставятся задачи в науке, как они решаются, как ставят эксперименты, как получают результаты. Такое информирование помогает представить овладение знаниями как процесс. В сообщениях активно используется мультимодальный паратекст – схемы, анимации, GIF (движущиеся изображения), инфографика, фотографии, видеодемонстрация опытов и т. п. Вовлечь аудиторию помогают разные речевые формы вовлечения аудитории в познание. Популяризация в этом типе взаимодействия выступает как вовлечение в повседневное общение. В течение дня посты в ленту поступают чрезвычайно активно, поэтому здесь в приветствиях есть временные «метки»: утро, вечер, день, возможна обращенность на «ты»,

Приведем пример из ТК «Химия – просто», где автор дает наставления: [Анимация, демонстрирующая протекание химического эксперимента] *Качественные реакции – это один из столпов, на которых держится Химия. Да, в современном мире при анализе гораздо чаще используются физико-химические методы, высокотехнологичное оборудование для проведения анализов. Но! Как говорится, «качественные реакции» – это БАЗА. А базу надо знать! Особенно, если вы увлекаетесь химией. ЧТО У ХИМИКА В ПРОБИРОЧКЕ? Качественные реакции №1* <https://youtu.be/myizXqf0esc> (08.02.2023). В другой публикации «Путешествие в наше сердце» из ТК «Номо sapiens / Блог о здоровье» разъясняется одно из явлений, происходящее в организме человека: [Анимация, демонстрирующая движение крови в сердце] *На этой анимации мы видим, как происходит переход из левого предсердия в левый желудочек.* [Изыскательное предложение] *Когда кровь из легочной вены поступает в левое предсердие, оно сокращается, чтобы перекачать кровь в левый желудочек. Затем левый желудочек, сокращаясь, перекачивает кровь через аорту во все тело. Этот процесс происходит несколько раз в минуту и обеспечивает наш организм кислородом и питательными веществами* (28.04.2023, 20:11). Разъяснению способствуют, с одной стороны, динамичное изображение, показывающее использование сложных предложений со значением времени и причинно-следственных отношений, что после чего происходит, с другой стороны, вербальное пояснение того, что, откуда и куда движется. Последнее организовано с помощью сложноподчиненного с придаточным времени, темпоративов (*когда, затем, несколько раз в минуту*), терминов, называющих органы человека.

Мы видим, что телеграм-блогинг сформировал особый вид лаконичного медиатекста – сочетание изображения и пояснения к нему. Пояснение пристраивается к изображению чаще всего ссылочной конструкцией (*на этой*

анимации, на этой фотографии и т. п.). В подобных текстах используются лишь общеупотребительные термины, а узкоспециальные слова разъясняются, причинно-следственные связи демонстрируются в изображении.

Просветительство

Научно-просветительская функция популяризации связана с отражением научного познания как формы человеческой деятельности, часто через великие достижения человека в этой области. Просветительство призвано установить атмосферу уважения, даже преклонения перед величием человеческого ума. Мир науки предстает пространством, где господствует интеллектуальная работа человека. Приведем пример сообщения из ТК «physh – физика и космос» под заголовком «Сверхпроводники изменят мир. Новости науки», где наука представлена как одна из форм деятельности благодаря использованию двусоставных предложений схемы «субъект / объект действия – действие», где второй компонент – речемыслительное действие. Именно эти предложения, показывающие ход исследований и демонстрацию их результатов, выстраивают структуру сообщения: *Во-первых, что такое сверхпроводник? Сверхпроводимость была открыта в 1911 году Хейке Камерлингем Оннесом, голландским физиком и Нобелевским лауреатом. Во время одного из экспериментов по поведению газов при температурах Хейке и его команда заметили, что электрическое сопротивление ртути полностью исчезло при трех градусах выше абсолютного нуля – это почти -460° по Фаренгейту и чуть более -270° по Цельсию.* Текст наполнен номинациями исследовательских процедур и демонстрацией результатов исследования: **Огромное количество энергии, которую производит и передает мир, тратится впустую из-за электрического сопротивления.** В речи используются стандартные формулы такой демонстрации: *Одно недавнее исследование показало, что количество отходов составляет 949 миллионов метрических тонн эквивалентов углекислого газа каждый год. Из всей энергии, вырабатываемой через электрическую сеть за один год, такие страны, как Германия и Сингапур, теряют 2 %, Соединенные Штаты – 6 %, Индия – 19 %, а такие страны, как Ирак, Гаити и Республика Конго, теряют более 50 %. Это означает, что для восполнения потерь энергии вырабатываемая электроэнергия составляет от 102 % до 150 % от того, что мы фактически можем использовать в качестве энергии. Остальное теряется в пути.*

В одном городе Германии недавно установили сверхпроводящий кабель, соединяющий два трансформатора, который охлаждался жидким азотом. В дополнение к почти полному устранению потерь в линии, кабель был способен передавать в пять раз больше энергии, чем обычный кабель.

Основное ограничение на использование сверхпроводников – это температура, при которой возникает эффект сверхпроводимости.

Возможен ли сверхпроводник при комнатной температуре?

Лаборатория Университета Рочестер в Нью-Йорке установила новый рекорд в достижении долгожданной цели.

В двух исследованиях, опубликованных прошлой осенью и этой весной, лаборатория Ранга Диаса, доцента кафедры машиностроения, физики и астрономии, сообщила о новом рекорде температуры, при которой материалы обладают сверхпроводимостью

В отчете, опубликованном в качестве обложки статьи в журнале *Nature* (и в рамках подкаста *Nature*), Диас и его исследовательская группа объединили водород с углеродом и серой, чтобы фотохимически синтезировать простой гидрид углеродистой серы органического происхождения в ячейке алмазной наковальни, исследовательском устройстве, используемом для исследования небольших количеств материалов под чрезвычайно высоким давлением.

Результатом стал новый рекорд: материал, обладающий сверхпроводимостью при температуре около 14,44 градусов по Цельсию и давлении около 2,6 млн. атм.

Во втором исследовании, опубликованном в журнале *Physical Review Letters*, лаборатория описала отделение атомов водорода от иттрия с помощью тонкой пленки палладия. Полученный супергидрид иттрия обладает сверхпроводимостью при температуре минус 11,1 по Цельсию и давлении около 1,73 млн атм. (26.07.2021. 17:30).

Логика подобных текстов поддерживается вопросительными предложениями, с помощью которых вводят тему. В процитированном тексте их два: *Что такое сверхпроводник* и *Возможен ли сверхпроводник при комнатной температуре?* Вопросы, с одной стороны, выступают триггерами исследования, а с другой, – концентрируют внимание читателя на ходе исследования. Само исследование представляется как нарратив, показывающий ход поисков ответов на вопросы, поскольку построено как повествование об исследовании, в котором излагается, с чего начиналось, чем продолжилось, какие результаты получены. Подобный текст наполнен ссылками, благодаря которым становится понятно, как осуществляются научные поиски, кто и как их осуществляет. Называются имена ученых, разные формы институализации исследовательских центров (*Хейке Камерлингом Оннесом, голландским физиком и Нобелевским лауреатом; лаборатория Ранга Диаса, доцента кафедры машиностроения, физики и астрономии; лаборатория Университета Рочестер в Нью-Йорке, Диас и его исследовательская группа*). Последнее делает представленное знание убедительным и достоверным. В дважды повторенной характеристике работы ученых **новый рекорд** слышатся отзвуки пережитых интеллектуальных эмоций в ходе научных поисков.

Отзвуки интеллектуальных эмоций – удивления и интереса – слышны и в посте другого канала – «Невероятная химия»: *ТЭОС – это эфир ортокремниевой кислоты. Если говорить проще, это сложное соединение, встречающееся в природе там, где кремнезем соприкасается с водой. Интересный факт: хотя ТЭОС и существует в природе, его количество невелико. Иногда его ещё называют этилсиликатом или тетраэтоксисилоаном, хотя такие названия могут запутать даже химиков!*

До 60-х годов XX века эфиры-ортосиликаты получали путём прямой этерификации ацетонового раствора ортокремниевой кислоты, полученного разложением жидкого стекла в присутствии ацетона и минеральных кислот с последующим высаливанием 10–12 % ацетонового раствора. Метод характеризовался низкой чистотой получаемого продукта и малым выходом тетраэтоксисилана.

Основы современного производства ТЭОС были заложены в работе двух ученых – А. В. Диринга и Э. Эммета Рейда из Университета Джона Хопкинса, опубликованной в 1928 году. Они смогли улучшить процесс синтеза ТЭОСа, достигнув выхода в 70 %. **Суть метода заключается в медленном добавлении тетраоксида кремния к этанолу, при этом система должна быть абсолютно сухой, чтобы избежать гидролиза.**

ТЭОС занимает особое место в научном и промышленном мире из-за своих многочисленных применений:

– **Упрочнение камня:** ТЭОС может спасти исторические памятники и произведения искусства от распада.

– **Строительство:** Это соединение используется в производстве строительных растворов и цемента.

– **Полимеры:** ТЭОС также используется для сшивания силиконовых полимеров, что делает его неотъемлемой частью современных технологий.

На протяжении последних лет, спрос на ТЭОС стабильно растёт. К 2020 году его мировой рынок достиг впечатляющих 245 миллионов долларов США с объемом производства около 120 000 тонн.

ТЭОС – это идеальный пример того, как уникальные химические соединения, которые могут показаться нам далекими и непонятными, на самом деле играют центральную роль в сохранении нашего культурного наследия, поддержании инфраструктуры и развитии современных технологий. Наука поистине удивительна! (Невероятная химия. 15.09.2023. 8:59). Завершая пост, автор не лишает себя удовольствия еще раз отдать дань уважения работе ученых выражением противительных отношений между тем, что кажется обывателю «далеким и непонятным», и тем, что открывают исследователи «на самом деле», подчеркиванием культурной роли открытий, открытым выражением эмоции удивления, возникающей при знакомстве с новым знанием.

Подобного рода научно-популярные публикации отличает от иных более высокое качество подачи научной информации, которое проявляется в удостоверении приводимых сведений. Тексты строятся на демонстрации причинно-следственных связей и хода исследований – от постановки проблемы до получения результатов. Кроме того, информация опирается на доказательную базу, включающую корректные ссылки на источники, на субъекты научной активности (научные подразделения, отдельные ученые),

комментарии ученых и специалистов, признанных научным сообществом, экспертов в той или иной области, сведения об апробации¹²⁶.

Просветительским целям служат тексты продвижения, в которых отдается дань уважения к ученым, упорно ищущим ответы на вопросы, которые ставит перед человечеством природа. Четвертый вариант популяризации – продвижение тех статей или научных идей, которые презентованы в авторитетных научных журналах.

Продвижение

Посты в ТК состоят из двух частей – продвигающей и той, что продвигают. Создается текст по типу матрешки: одна часть в другой. Предполагается, что при таком подходе аудитории склоняют к тому, чтобы она познакомилась с академическим текстом. Возможность комментировать текст позволяет получить обратную связь – реакцию в форме согласия или возражения. Представим примеры такой популяризации.

ШАРНИРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Задумывались ли вы, как работают стеклоочистители автомобиля? Что такое шарнирные механизмы и где они применяются? Как перевести движение по окружности в движение по прямой? Какие удивительные механизмы разрабатывал великий русский математик и механик П. Л. Чебышев и для каких задач они применялись?

Рассказывает Николай Андреев, кандидат физико-математических наук, заведующий лабораторией популяризации и пропаганды математики Математического института им. В. А. Стеклова РАН
<https://youtu.be/nonbPwxXrTO>

Просветительский проект «Математические этюды»: etudes.ru,
book.etudes.ru YouTube (<https://youtu.be/nonbPwxXrTO>)
(НаукаPRO.18.17.5.012023).

Чтобы выделить содержание, пост получает заголовок, который содержит ключевые слова публикации. Началом всему служит то содержание знаний, которое приготовлено к передаче, а потому на них сделан акцент парцеллирующей вопросительной части в вопросно-ответном-комплексе. Порядок вопросов имитирует порядок поступления идей (знаний) и логику автора. Далее – имена собственные (имя, фамилия (и отчество)), научный и служебный статус автора (соответствующие именованию) в сочетании с глаголом речи (*рассказывает*). Затем – место «встречи» (виртуальный адрес, где размещается видео), детали, в частности название проекта, компонентом которого данная лекция является. Выражение восхищения работой ученого (восклицательным предложением *Какие удивительные механизмы разрабатывал великий русский математик и механик П. Л. Чебышев*), обращение к адресату носит стимулирующий характер: первый вопрос *задумывались ли вы?*, адресованный второму лицу, и

¹²⁶ Фролова Т. И., Суворова С. П. К проблеме качества текстов научно-популярной проблематики в средствах массовой информации // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. С. 233–246.

последующие вопросы рассчитаны на активизацию любознательности аудитории.

В некоторых постах высока степень проявленности авторского начала, поэтому представление отличает высокая доля субъективности:

За этот год видел разные попытки Константина Анохина изложить свою гиперсетевую теорию мозга. Каждый раз он это делает немного по-другому, учитывая уровень аудитории. Все эти попытки есть в youtube, но эта, видимо, самая свежая. Плюс тут он старается объяснить попроще, чтобы все поняли (о теории начиная с 1:17:22 (<https://youtu.be/qXUXOmNOVjI?t=4642>)). И все равно выходит сложнонато. Слишком много в его схеме элементов и понятий. Для продвижения теории ему бы найти метафору, выделяющую главную идею. «Гиперсеть» не совсем то – не дает достаточной ясности (Блуждающий нерв. 23.12.2022. 16:31). В данном случае обнаруживается высокая степень включенности автора в представление доклада ученого, предмет речи которого – его гиперсетевая теория мозга.

Автора теории представляет по формуле «фамилия+имя», других пояснений не содержит. Субъективность выражена в оценках речи «третьего лица». Комментируя форму подачи материала, автор выстраивает возражение к выбранному «третьим» лицом способу изложения: *каждый раз он это делает немного по-другому, учитывая уровень аудитории, старается объяснить попроще, выходит сложнонато.* Возражение выстраивается

– использованием отрицательной оценки чужой речи (*выходит сложнонато* – правда, критическое замечание смягчается включением в характеризующее наречие суффикса *-оват-*),

– указанием на избыточность детализации (*слишком много в его схеме элементов и понятий*),

– советом, смягченным благодаря выбранной форме подачи – условного наклонения (*Для продвижения теории ему бы найти метафору, выделяющую главную идею*)

– объяснением коммуникативной неудачи («Гиперсеть» *не совсем то – не дает достаточной ясности*). Разговорную тональность посту придают средства соответствующей стилистической окраски: использование разговорного коннектора *плюс*, обновление лексической сочетаемости *свежая попытка* (об изложении теории мозга), разговорная форма сравнительной степени *попроще*, неуверенно выраженной оценки чужой речи *не совсем то*. Однако подобные возражения выглядят как провокация пытливых познакомиться с «чужой речью», которая может быть испытанием для них и знакомство с которой потребует от них усилий.

Позиция «третьего лица» в медиатексте может быть оформлена статьей или книгой. В ТК посты чаще всего направляют к чтению статей, содержащихся в очередном номере журнала, например:

Сколько нужно мидий, чтобы очистить от пластика весь Мировой океан? Посмотрите на цифры в этой статье и прикиньте сами... <https://nkj.ru/facts/48207/>

Наука и жизнь (<https://www.nkj.ru/facts/48207/>)

Антипластиковые мидии

В море пластмассовые вещи измельчаются до микроскопических частиц. Эти частицы легко попадают внутрь самых разных животных, откладываются в кишечнике и...

Часто конструкции, обращенные к читателю, выглядят как четкий план действий, необходимых для знакомства с другим текстом. Место в виртуальном пространстве передано специальным адресом, указана форма передачи знания (статья). Обращенность к адресату прямая, выражена формой 2 лица (смотрите, прикиньте). Эти конструкции усиливают вовлеченность в ход коммуникации.

Развлечение

Наконец, изложение научных знаний массовой аудитории может предназначаться для развлечения. Из всех научных фактов для этого избираются вызывающие восхищение, интерес и удивление, забавные или опасные.

Посты ТК «Физика просто» часто имеют в своем составе GIF и подпись. Например, в движущемся изображении показан момент запуска в воздух мотопланера и его движение, внизу подпись: **Самый большой в мире бумажный самолёт** (Физика просто. 22.10.2023. 20:18). В GIF поста, появившемся в ленте на следующий день, демонстрируется эксперимент, при котором смешанные в бутылке вещества взрываются. Внизу – поясняющая подпись, она отвечает на закономерно возникающий вопрос о причине взрыва: **Демонстрация того, что будет, если смешать йодид калия и перекись водорода. Их химическая реакция в несколько раз мощнее, чем у колы с ментосом** (Физика просто. 23.10.2023. 15:58). Как видим, исключительность каких-то моментов может быть показана формами степени сравнения, суперлативами.

В ленте помещают посты-советы. Так, например, 23 октября в ленте появился пост с GIF, показывающем, как загораются и начинают разбрасываться горящие элементы от быстро вращающихся имитаторов ракет. Внизу предупреждающая подпись: **Интересный эксперимент, но лучше его не повторять в домашних условиях** (20:54). 24.10 в ленте размещается еще один пост, он содержит совет: **На заметку водителям, если застряли в грязи (песке, снегу), а поблизости нет других машин. Найдите широкую палку или брусок и привяжите его к колесу машины. Так вы увеличите площадь и улучшите сцепление, и с лёгкостью выберетесь из ловушки** (19:44).

Авторы предлагают удивиться необычному, разделить удовольствие от знакомства с красивым, повеселиться при обнаружении забавного, поэтому внимание читателя концентрируется на тех деталях предмета речи, которые

вызывают положительные эмоции. Таковы подписи к GIF и к фото в телеграм-каналах «Земная красота», «Мир наизнанку», например: *Прекрасный закат в Индонезии; Чудо природы; Какая мощь!* (4-5.11.2023. Земная красота); *Эффектные современные фонтаны в городе Чэнду, Китай; «Танцующее» дерево Суматры, Индонезия; Отличное место для прогулки в дождь* (4-5.11.2023. Мир наизнанку). Важнейшие в коммуникации экспрессивные языковые средства: оценочные слова (*прекрасное, чудо, эффектные, отличное*), метафоры (*«танцующее» дерево*), восклицательные конструкции, которые используются в подписях под движущимися изображениями, - вовлекают в активное «смотрение» и «любование». Конечно, подобные приемы встречаются в других типах научной популяризации, однако в таких случаях они выполняют вспомогательную роль – помогают передавать научные знания, разъяснять, но, в отличие от развлекательных, не являются ядреными для построения текста.

Заключение

Как показывает анализ текстов научно-популярных телеграм-каналов, популяризация предстает как коммуникативная практика, выполняющая разные функции: обучает, просвещает, информирует, пропагандирует, развлекает. Оценить ее однозначно нельзя: она различного качества. Обнаруживаются стилистические различия между разными линиями коммуникативного поведения в медиапопуляризации: неодинаково предъясняется новое знание, выражаются стратегии сближения и отдаления при поддержке контакта, различна степень «завлекательности» и «занимательности» контента, вариативна степень эмоциональной открытости – в случае качественной популяризации «в почете» большая объективность изложения, формируемая строгими отсылками к авторам научных открытий. Весь накопившийся богатый опыт популяризации научных знаний в массмедиа необходимо использовать в благих целях – прививать интерес к научным знаниям, повышать общественный статус науки, показывать ее роль в обществе, прививать молодой аудитории интерес к познанию нового.

Вместе с тем встает вопрос привития аудитории культуры качественного информирования о науке, умения воспринимать любую информацию критически, испытывать сомнения в истинности получаемых сведений. Значит, важно изучать практики возражения в каждом из направлений популяризации. Построению возражений посвящаются следующие разделы нашей книги.

ЛИТЕРАТУРА

- Ваганов А. Г.* Эволюция форм популяризации науки в России: XVIII–XXI вв // Наука. Инновации. Образование. 2016. № 3(21). С. 64-77.
- Панина Е. А.* Популяризация науки в условиях современной социокультурной ситуации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. Вып. 4(43). С. 172–181. DOI: 10.24411/2078- 1024-2019-14018
- Рогачева А.И.* Популяризация науки в современной российской журналистике. Дис. канд. филол. наук. М., 2023.

Фролова Т. И., Суворова С. П. К проблеме качества текстов научно-популярной проблематики в средствах массовой информации // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. С. 233–246

Постановка проблемы

Научно-популярная журналистика как одно из традиционных и не теряющих популярность направлений в отечественной периодике с момента своего рождения (XVIII век) и до настоящего момента характеризуется полифункциональностью, что обусловлено и спецификой предмета изображения, и интенциональными задачами акторов, и типологическими особенностями СМИ – прежде всего типом целевой аудитории, которую интересует наука как социальный институт, как социокультурный феномен и как *источник знаний*. Последнее в контексте заявленной темы представляется наиболее важным и актуальным. Специфика научно-популярной коммуникации в разных форматах и на разных платформах заключается в том, что традиционные функции журналистики и СМИ (информационная, социальной ориентации, коммуникативная) реализуются на особом материале: это не просто факты реальной действительности, а их научное изложение – объяснение, толкование.

Непрерывно развивающиеся интернет-коммуникации, основанные на гипертекстуальности, интерактивности, мультимедийности, влияют на функционирование научно-популярной медиакommunikации. Так, Л. В. Чердиченко говорит не только о «расширении возможностей для распространения научного знания, использования образовательных технологий и просвещения за счет развития информационно-коммуникационных технологий», но и о преобразовании «способов предъявления научно-просветительской информации»¹²⁸. Преобразования в передаче этой информации дали основания Н. Н. Болдыреву и Т. Н. Ефименко говорить о новой парадигме коммуникативного взаимодействия науки и общества в СМИ: «появляются специализированные сайты, форумы, веб-издания газет и научных журналов, агентства научных новостей, корпоративные сайты научных, научно-технических и просветительских институтов»¹²⁹. Это в той или иной степени сближает принципы и речевые стратегии представления информации в научно-популярной и в критической арт-коммуникации: адресат получает представление об *отраженной*, то есть уже освоенной – проанализированной, интерпретированной, оцененной учеными действительности. На это свойство науки указывал, например, В. И. Вернадский: «научная мысль есть и индивидуальное, и социальное явление. Она неотделима от человека. Личность не может при самой глубокой абстракции выйти из поля своего существования. Наука есть реальное явление и, как и сам человек, теснейшим и неразрывным

¹²⁷ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-18-00184 «Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакommunikации».

¹²⁸ Чердиченко Л. В. Типы контента сетевых научно-просветительских медиа // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 6. С. 254.

¹²⁹ Болдырев Н. Н., Ефименко Т. Н. Вторичная интерпретация научного знания в дискурсе СМИ // Медиалингвистика. 2022. № 9(4). С. 356. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.404>

образом связана с ноосферой»¹³⁰. Таким образом, принципиально значимым свойством научно-популярной массмедийной коммуникации следует признать предмет – научный факт и научное знание. Именно это обуславливает выбор средств и представления информации, и организации диалога с адресатом (аудиторией).

Специально отметим, что в условиях глобальной медиатизации¹³¹ всех сфер жизни общества и человека в поле нашего зрения оказываются именно научно-популярные массмедиа и образовательные *медиа*проекты¹³², связанные с ними и/или инициированные ими медиакоммуникации, то есть то, что В. И. Карасик относит к научно-популярному институциональному типу дискурса¹³³.

Общности научно-популярного стиля формировались на протяжении всей истории отечественной журналистики, но уже в XIX веке Д. И. Писарев (популяризатор естественнонаучных знаний, переводчик научных текстов, автор вступительных статей к научным изданиям) в целом определил их: простота и ясность изложения, основанные на поэтапном и понятном непрофессиональному реципиенту представлении сложной для восприятия информации; грамотность и «тонкость» изложения мысли; «отказ от пошлости, неуместного юмора и других спекулятивных приемов»¹³⁴. Заметим, что выдающиеся популяризаторы науки прошлого понимали специфику распространения научного знания в (массовых) периодических изданиях, предполагающих объединение в данном типе дискурса информационной, просветительской, культуроформирующей функций с развлекательной и требовали не использовать научное знание «в угоду публики»¹³⁵ (Д. И. Писарев), а только наглядного и интересно (увлекательно) излагать материал.

Обучающее изложение как направление современной научно-популярной коммуникации выделила и охарактеризовала Л. Р. Дускаева: научно-популярные медиа «в других случаях – обучают, оказывая помощь в овладении знаниями. Образовательно-консультативная популяризация рассчитана на аудиторию, которая нуждается в росте объема знаний. Подобное

¹³⁰ Вернадский В. И. О науке. Т. 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. Дубна, 1997. С. 464.

¹³¹ Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. М, 2007; Krotz F. Mediatization: a concept with which to grasp media and societal change // Lundby K. (ed.) Mediatization: Concept, Changes, Consequences. New York, 2009. URL: <https://johnpostill.com/2010/03/01/notes-on-krotz-2009-mediatization/>; Hjarvard S. The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // Nordicom Review. 2008. № 29 (2). Pp. 105–134; Androutsopoulos J. (ed.). *Mediatization and Sociolinguistic Change*. Berlin; Boston, 2014; Сменюха В. В. Медиатизация общества: проблемы и последствия // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 18(215). Вып. 27. С. 38–42; Примаков В. Л. Медиатизация как теоретический концепт // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2019. Вып. 3(836). С. 221–238 и др.

¹³² См.: Рысакова П. И. Стратегии научной популяризации в цифровой медиасреде // *Медиалингвистика*. 2022. № 9(4). С. 309–329. DOI: [10.21638/spbu22.2022.402](https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.402) URL: <https://medialing.ru/strategii-nauchnoj-populyarizacii-v-cifrovoj-mediasrede/>

¹³³ Карасик В. И. О типаж дискурса. URL: <http://ruslang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/>

¹³⁴ Писарев Д. И. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М., 1956. С. 129.

¹³⁵ Там же. С. 133.

информирование помогает овладеть знаниями, накопленными человечеством»¹³⁶. Таким образом, при исследовании обучающей коммуникации и обучающего изложения ключевым понятием становится *знание*. Именно оно определяет речевые особенности обучающего дискурса в научно-популярных массмедиа, а значит, и специфику возражения как речевой стратегии и речевого действия.

Знание как ключевой концепт обучающего дискурса

Исследователи когнитивной революции¹³⁷ обращают внимание на процесс освоения (приобретение, трансформация, приращение) нового знания в новых цифровых условиях, которые могут «бросить вызов эффективности, надежности и, в конечном счете, даже авторитету академической науки»¹³⁸ и которые потребовали специального изучения отношений между понятиями *информация* и *знание*: «Вопрос о способах дискурсивного формирования концептов, на наш взгляд, остается открытым. Проблема заключается в корреляции таких понятий, как *информация*, *знание*, *концептуализация*, *языковая картина мира* и др.»¹³⁹. При изучении обучающей коммуникации в научно-популярном медиадискурсе новое знание рассматривается нами как сформировавшийся концепт, то есть «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира»¹⁴⁰. Таким образом, не любая и не вся информация, распространяемая массмедиа становится знанием, что обуславливает и особенности взаимодействия автора медиатекста и адресата: обучающее изложение в научно-популярном дискурсе исключает скроллин¹⁴¹ и self-коммуникацию¹⁴², требует особого уровня вовлечения адресата в познавательный процесс, результатом которого должно стать изменение «смыслового поля»¹⁴³.

Знание, освоенное в процессе коммуникативного взаимодействия с авторами научно-популярных медиатекстов и ставшее освоенным элементом, «интегрирующим взаимодействие сознания, языка, текста и культуры»¹⁴⁴,

¹³⁶ Дускаева Л. Р. Направления популяризации науки в массмедиа // Медиалингвистика. Вып. 10. Язык в координатах массмедиа: мат-лы VII Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 28 июня – 1 июля 2023 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. СПб., 2023. С. 220.

¹³⁷ Chomsky N. Language and Mind. New York, 1968.

¹³⁸ Майлер М. Научный дискурс в цифровую эпоху – некоторые направления развития // Организационная психоллингвистика. 2020. № 1(9). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43145134_32910287.pdf;

¹³⁹ Олешков М. Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект) // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / Отв. ред. М. Ю. Олешков. Нижний Тагил, 2009. С. 72.

¹⁴⁰ Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 92.

¹⁴¹ Barashkina E., Virotseva E., Maslenskova N. Media Text Of A City Online Newspaper: Functional Capabilities /, № 2 // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences Ep-SBS. LXVI. Pp. 515–523 DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.08.02.60>

¹⁴² Загидулина М. В. Медиалогика как инструмент анализа в коммуникативистике // Вопросы журналистики. 2017. № 1. С. 75–88. DOI: 10.17223/26188422/1/6

¹⁴³ Выготский Л. С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1982. С. 5–361; Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984; Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / 2-е, испр. изд. М., 2003.

¹⁴⁴ Олешков М. Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект) // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / Отв. ред. М. Ю. Олешков. Нижний Тагил, 2009. С. 70.

индивидуального (а затем и социального, коллективного) смыслового поля «соотносимо с определенными контекстами – когнитивными структурами или блоками знания, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание»¹⁴⁵. Знаниевый компонент представляет собой содержательно определенный, осмысленный и принятый концепт, который характеризуется наличием трех «граней»: образно-перцептивной, понятийной, ценностной¹⁴⁶. Очевидно, что изменение сформировавшегося (привычного) смыслового поля требует специальных усилий, поэтому и вызывает со стороны адресата возражение – сомнение, недоверие, отрицание и т. п.¹⁴⁷ Это представляется принципиально важным именно при исследовании и характеристике обучающей медиакommunikации, которая не ограничивается хорошо изученной речевой стратегией объяснения¹⁴⁸, а рассчитано именно на закрепление в сознании адресата – индивидуального и массового – нового знания: «дихотомического единства имеющейся / приобретенной информации об окружающем мире, преемственно реализующееся в процессе пошагового восприятия текста / дискурса посредством чередования элементов известного и неизвестного <...> экстралингвистической двухкомпонентной единицы (известное / новое), смыслового концепта, вербально материализующегося в дискурсивной практике посредством текста, объединяющего известную и неизвестную для адресата информацию»¹⁴⁹.

В связи с возможностью вовлечения пользователей в популяризаторский диалог специального внимания заслуживают варианты ответного речевого поведения, в частности речевая стратегия возражения, распространившаяся как вполне оправданная реакция адресата на необходимость понять и принять (осознать) новое знание. Важно отметить тенденцию расширения участников коммуникации в цифровой среде, объединившей в процессе обсуждения нового знания представителей науки (профессионалы, специалисты, эксперты), журналистики (интерпретаторы, популяризаторы) и пользователей. Такой полилог представляется особенно интересным и перспективным для понимания трансформации научного знания, которое распространяется в массмедиа.

Материал исследования

Исследование функциональных и речевых особенностей возражения как коммуникативного акта основано на анализе публикаций и комментариев

¹⁴⁵ Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2000. С. 25.

¹⁴⁶ Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград, 2007. С. 27.

¹⁴⁷ См. подр.: Диалог-спор в научно-популярной коммуникации: коллективная монография / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой. Отв. ред. Ю. М. Коняева. М., 2022.

¹⁴⁸ Богословская И. В. Научно-популярный текст: сложность понимания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001; Васильев В. А. Объяснение и понимание в социально-гуманитарном познании // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 1. URL: <https://doi.org/10.34823/SGZ.2020.1.51292>; Вознесенская И. М. Прагматика объяснения (выразительные средства в научно-популярных текстах) // Филологический класс. 2015. № 2(40). С. 5–29; Луковникова О. Ю. Объяснение в научной и эстетической сферах функционирования языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006 и др.

¹⁴⁹ Олешков М. Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект) // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / Отв. ред. М. Ю. Олешков. Нижний Тагил, 2009. С. 74.

в официальных аккаунтах (в социальных сетях, мессенджерах), на YouTube-каналах этих медиа:

1) образовательных журналистских медиапроектов – «Научные расследования Сергея Малоземова» (https://www.ntv.ru/peredacha/Nauchnoe_rassledovanie/issues/92701/); «Полка» (<https://polka.academy/>), «Говорим по-русски» (<https://web.telegram.org/a/#-1001744959340>), «Голый землекоп» (<https://libolibo.ru/zemlekop>), «Редакция.Наука» (https://www.youtube.com/@R_Nauka); «Российское общество знание», <https://znanierussia.ru/>);

2) специальных рубрик и жанров в авторитетных и популярных медиа – «ПостНаука» (<https://postnauka.ru/>), «Кот Шредингера» (<https://kot.sh/>), «Популярная механика», <https://www.techinsider.ru/>.

Функции возражения и способы их речевой реализации в обучающем изложении

Доминирующей интенцией при обращении к возражению в обучающем изложении является преодоление сопротивления адресата, которому необходимо изменить смысловое поле за счет формирования нового научного знания. Возражение в таком типе коммуникации становится обязательным условием достижения и иллюкутивного, и перлокутивного эффектов: первый рассчитан на более оперативную реакцию и обеспечивает вовлечение и вовлеченность (Л. Р. Дускаева) адресата в коммуникативный процесс освоения нового знания, а второй предполагает в том числе и отложенную реакцию, в результате чего изменения не только система представлений (концептуальных, аксиологических) адресата, но и его поведенческие паттерны.

К основным функциям возражения как коммуникативно-речевого действия в обучающем научно-популярном медиатексте мы отнесли следующие:

1. Возражение как способ утверждения научной истины в условиях публичной научной дискуссии.

2. Возражение как способ воздействия с целью изменения устойчивого ложного (стереотипного, устаревшего) знания.

3. Возражение как способ вовлечения в процесс освоения нового знания, условно его можно назвать «игрой» в возражение.

Выбор речевого поведения в научно-популярной коммуникации обусловлен целеустановками автора, однако не меньшее значение приобретают принципы функционирования публицистического дискурса и тип аудитории. Поэтому вполне закономерно, что исследователи научно-популярного дискурса особое внимание уделяют адресной стратегии «повышения эмоциональности текста», которая и обеспечивает вовлеченность в коммуникацию: «Использование различных адресных стратегий необходимо для научно-популярного дискурса, они выполняют важнейшие функции при передаче и восприятии информации. Главными целями научно-популярного дискурса являются предоставление научной информации и заинтересованность читателя

этой информацией. Реализуются эти цели именно за счет адресных стратегий, которые являются неотъемлемой частью дискурса»¹⁵⁰. Таким образом, и возражение можно рассматривать как адресную стратегию по повышению эмоциональности, важную как для создания самого медиатекста, так и организации диалога в условиях обучающего изложения.

Возражение как способ утверждения научной истины

Первый тип возражения можно назвать наиболее очевидным и традиционным, так как сопоставление разных точек зрения в ситуации научной полемики оказывается наиболее эффективным средством убеждения и формирования истинного (с точки зрения актора) научного знания. Обращение к данному типу возражения оказывается востребованным в жанровых форматах лекции (*Эволюция SARS-CoV-2: как появляются новые штаммы?* <https://postnauka.ru/faq/156296>), интервью (*Клеточная биология* <https://postnauka.org/tv/103265>; «*Мы склонны недооценивать роль ситуации*» <https://kot.sh/zakony-svobody/tpost/cvszn647h1-mi-sklonni-nedootsenivat-rol-situatsii>), подкаста-дискуссии (*Эволюция вируса. Что мы узнали за год пандемии* <https://www.youtube.com/watch?v=zCcDzf0n1bA>; *Ч-слово* <https://polka.academy/podcasts/892>), научного «расследования» (*Эволюция нейросетей от Т9 до ChatGPT* <https://www.youtube.com/watch?v=VqC4YTyFBpg>).

К основным средствам реализации данного типа возражения можно отнести такие:

– вопросительные конструкции с коннотацией сомнения и недоверия (иногда провокации), которые уже в паратексте часто определяют участников полемики, их позиции или суть полемики: *Другие люди. Как гены древних родственников меняют нашу жизнь?* (<https://libolibo.ru/zemlekop>), *Биологическое оружие или нелепая случайность?* (<https://postnauka.org/longreads/156319>), *Можно ли создать новый вирус в лаборатории?* (<https://postnauka.ru/longreads/156319>), *Что понял Петр Чаадаев о России и как его идеи звучат сегодня?* (<https://polka.academy/podcasts/892>), *Что мы понимаем под медиа?* (https://www.youtube.com/watch?v=Jtfr_5Bq-jc);

– сопоставительные конструкции с аргументативным опровержением ложной, по мнению автора медиатекста, позиции:

Сегодня, однако, люди находятся довольно далеко от достижения этой цели. Мы не знаем полного разнообразия вирусов и не понимаем, как устроены механизмы их мутаций, из-за которых постоянно появляются варианты вирусов с измененными свойствами (<https://postnauka.ru/longreads/156319>);

Самый очевидный способ приобрести иммунитет к определенной болезни — переболеть ею. Однако, как показывает практика, это не самая

¹⁵⁰ Тьяньнова Я. С. Стратегии привлечения внимания читателя: средства языковой образности в английском научно-популярном дискурсе. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37138970>

лучшая стратегия, поскольку инфекция может привести как к возникновению серьезных осложнений, так и вовсе к летальному исходу (<https://postnauka.org/faq/156294>):

*Часто возникает вопрос, нужно ли прививать переболевших. К счастью, на этот счет существуют научные данные, которые показывают, что иммунитет, который формируется после болезни, **не такой сильный, как сформировавшийся** после вакцинации (<https://postnauka.ru/video/156865>);*

– аргументирующие конструкции с использованием фактического материала (цифры, цитаты, средства эвиденциальности¹⁵¹), который выполняет одновременно свойственные публицистическому и научному стилю функции: воздействующая реализует задачи вовлечения в полемику и констатирующая демонстрирует точность и достоверность информации:

***Есть работы, которые показывают, что вирус может сохраняться на различных поверхностях довольно долго — многие часы и даже дни в зависимости от типа поверхности. Но опасность контаминированной поверхности определяется не столько, как долго вирус теоретически может оставаться на ней, сколько** (сопоставительная конструкция) его количеством и динамикой инактивации. Если известно, что вирус сохраняется **девять суток (а именно столько** коронавирус способен существовать на неживой поверхности), это не означает, что **в течение восьми дней** все вирионы живы, а на **девятый** одновременно разрушились: умирать они будут постепенно (в первом приближении по экспоненциальному закону со временем полужизни 0,5–1 час) (<https://postnauka.ru/questions/154991>);*

*смертность в 2 % означает, что умрут **2 человека** из ста, **2%** – это в **20 раз больше, чем смертность от гриппа; 62 миллиона** интернет-антиваксеров в Америке – это **32 миллиона** долларов дохода; **Полмиллиарда** умерли от оспы **во многом из-за** страха вакцинироваться (https://www.ntv.ru/peredacha/Nauchnoe_rassledovanie/m92701/o695287/video/);*

***Астрофизик Ольга Сильченко** о том, как точки Лагранжа используют в исследованиях космоса: «Если мы запускаем спутник в точку Лагранжа, наладить с ним связь даже из одного пункта довольно просто. Телескоп наблюдает непрерывно, постоянно получает очень много информации. Эту информацию надо все время сбрасывать на Землю, на самом аппарате много ее накопить не получается. А когда он находится в точке Лагранжа, мы можем все время поддерживать связь с телескопом» (<https://postnauka.ru/wtf/156995>).*

Приведенные выше цитаты показывают, что как правило все выделенные средства реализации возражающей модальности используются комплексно, усиливая как систему аргументации, так и экспрессивно воздействующий потенциал текста.

¹⁵¹ Выровцева Е. В., Самсонова А. А. Функции эвиденциальности в речевой модели возражения (научно-популярный медиадискурс) // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2023. № 1(40). Т. 1. Филологические науки. С. 132–138. DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_1_132.

Возражение как способ опровержения

В обучающей коммуникации, нацеленной на изменение устоявшихся представлений в роли актуального знания, важнейшей задачей становится воздействие, так как трансформация устойчивых представлений оказывается наиболее сложной задачей, которая требует преодоления сопротивления возражающего адресата. Такой тип возражения встречается чаще всего в жанрах интервью (*Радиационный фон: как излучение влияет на живые организмы* <https://postnauka.ru/longreads/155803>), дискуссии (*Что Достоевский значит для нас сегодня?* <https://polka.academy/podcasts/771>; *Можно ли доверять мудрости толпы* <https://postnauka.ru/chapters/156261>), научного «расследования» (*КАКУЮ ВОДУ НЕЛЬЗЯ ПИТЬ? Бутилированная, из крана, заряженная* https://www.youtube.com/watch?v=ovWJ3P_WHx0&t=1s; *Дарвин ошибался?* https://www.youtube.com/watch?v=_hf8arkhxKQ).

Анализ позволил определить наиболее востребованные средства реализации возражения:

– выстраивание системы разоблачающих аргументов, которые способны разрушить ложные представления или устаревшие знания, при этом активно используются противительные союзы и предлоги с семантикой опровержения:

Вопреки широко распространенным представлениям, количество произошедших в мире ядерных и радиационных инцидентов относительно невелико. Ядерная энергетика — одна из наиболее контролируемых и регулируемых отраслей с точки зрения безопасности <...> В реальности ядерные технологии максимально безотходны по сравнению со всеми остальными современными технологиями <...> Вопреки названию, первые три точки либрации нашел еще в 1767 году немецко-русский математик Леонард Эйлер: он описал так называемые коллинеарные точки, L1, L2, L3, которые также называют эйлеровскими <...> Но есть исключение из этого правила — лимфоциты. Они высокодифференцированные (то есть способны выполнять небольшое количество функций) и не делятся, однако очень радиочувствительны и гибнут при относительно невысоких дозах радиации (<https://postnauka.ru/longreads/156660>);

– включение в текст чужой смысловой позиции, разных средств эвиденциальности, например, комментариев ученых, цитат из работ авторитетных экспертов и исторических личностей, часто в формате совета:

Чтобы составить представление о том, в какой мере поведение определяется контекстом, можно почитать книгу Ли Росса и Ричарда Нисбетта «Человек и ситуация», а также обратиться к хрестоматии «Психология социальных ситуаций» под редакцией Натальи Гришиной (<https://kot.sh/zakony-svobody/tpost/cvszn647h1-mi-sklonni-nedootsenivat-rol-situatsii>);

В России будет внедряться система сдачи ЕГЭ без использования бланков заданий. Мысленные ответы выпускников будут считываться

системой «мозг — компьютер». По мнению разработчиков, это сделает проверку знаний более объективной. Впрочем, часть педагогов не согласна с реформой: **«Кругом сплошные нейроинтерфейсы! Школьники уже разучились пользоваться сенсорными экранами, а традиция писать ручкой на бумаге, похоже, утрачена безвозвратно»** (<https://kot.sh/diktatura-budushchego/tpost/zozz98s101-zhit-po-zakonu-mura>);

– включение устоявшегося ложного знания в иронический контекст, разоблачающий стереотипы или демонстрирующий факт обновления научного знания:

Добавили авторское лево в противовес авторскому праву, то есть купили ефт вместо соурйght и благодаря этому разработчики, изменяющие эту программу, могут творить с ними то же, что и разработчик оригинальной. Однако это заражает новую программу (https://www.youtube.com/watch?v=UqdY_GJu9Fc);

Интерпретация термина «среднее» как «среднее арифметическое» дает повод для старых шуток о том, что почти у всех людей число ног превышает среднее (которое, по оценкам, примерно равно 1,99999) и что у человека в среднем одно яичко. Однако среднее арифметическое может не подходить не только при измерении ног и яичек (<https://postnauka.ru/chapters/156261>);

Самое удивительное, что закон Мура не подкреплён никакой теорией, это просто эмпирическое наблюдение, - мы живём в эпоху, когда практика опережает теорию. Сам Гордон Мур вовсе не думал, что его закон будет работать так долго. Когда взрывной прогресс замедлится, и сейчас никто не знает, хотя хоронят закон Мура каждый год, - но на следующий год приходится хоронить снова (<https://kot.sh/diktatura-budushchego/tpost/zozz98s101-zhit-po-zakonu-mura>).

«Игра» в возражение

Для обучающего изложения важной задачей становится определение, а скорее, предугадывание, позиции сопротивляющегося адресата, то есть определение элементов нового знания, способных спровоцировать возражение со стороны ученика, в роли которого выступает потребитель информации. В этом случае особое значение приобретает концепция адресата (Л. Р. Дускаева¹⁵²). Обучающая коммуникация в массмедийном пространстве все чаще использует игровой формат, поэтому такое внимание исследователей сосредоточено на феномене эдьютеймента¹⁵³. Создание игровой ситуации является эффективным средством вовлечения не только в диалог, но и в со-

¹⁵² Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров: дис. докт. филол. наук. Пермь, 2004.

¹⁵³ Дьяконова О. О. Понятие «эдьютеймент» в зарубежной и отечественной педагогике // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 6. URL: http://vuzlit.ru/423499/razvitiye_veke_delovye_igry_eduyuteument; Алексеева А. З, Соломонова Г. С, Аетдинова Р. Р. Геймификация в образовании // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2024. № 4(24). С. 5–10 и др.

творчество, без чего невозможно представить процесс включения нового знания в концептуальную систему представлений.

На особое место и роль игровой стратегии в научно-популярной медиакommunikации указывает Л. Р. Дускаева, рассматривая ее в контексте проблемы речевого этикета: «Вовлекать аудиторию помогают игровые формы взаимодействия. Основная коммуникативная угроза – недопонимание способов решений, чрезмерная сложность объяснений материала <...> популяризатор стремится уравновесить свою коммуникативную позицию с позицией адресата. Речевой этикет в научно-популярных текстах – это совокупность правил повышения коммуникативного статуса адресата, условием которого интерес и желание адресата учиться, расширять кругозор, узнавать новое, познавать неизвестное»¹⁵⁴.

Исследование показало, что самым востребованным и, думаем, эффективным средством создания такой игры в возражение в научно-популярных медиа является интертекстуальность, которая выполняет роль «предактуализации», то есть выстраивает «ассоциативные связи в смысловом поле актуализированных компонентов определенных концептов, обуславливающее смысловые импликации, создание коннотативно-смыслового фона»¹⁵⁵.

Обращение к прецедентным феноменам, актуализация фоновых знаний («Фоновую информацию составляют знания, коллективные представления и понятия, зафиксированные в системе концептов конкретного языка»¹⁵⁶) адресата обеспечивает его вовлечение и вовлеченность, усиливает интерес и превращает трансформацию системы представлений, в том числе и научных знаний, в увлекательный процесс: «Именно наличие общего когнитивного (пресуппозиционного) фонда обеспечивает совместную успешную деятельность порождения и понимания дискурса»¹⁵⁷.

Исследование медиатекстов показало, что частотными прецедентными феноменами, к которым обращаются авторы научно-популярных медиатекстов, являются: 1) известные имена и события исторического прошлого; 2) научные факты, освоенные еще в школе; 3) современные популярные тексты и персоны, актуализирующие информацию:

Мы описываем то, что есть, а не то, что могло бы быть. Но предположим, что условия изменились. Например, как изменится наследуемость в постапокалиптическом мире «Безумного Макса» (австралийский боевик-антиутопия 1979 года – Е. В.), где совершенно другая среда? В таких условиях наследуемость, вероятно, повысилась бы, поскольку генетические различия стали бы более важны. Вам постоянно приходилось бы решать вопросы жизни и смерти (<https://postnauka.ru/longreads/86864>);

¹⁵⁴ Дускаева Л.Р. Направления популяризации науки в массмедиа. С. 221–223.

¹⁵⁵ Лошаков А. Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология. Автореф. ... докт. филол. наук. Киров, 2008. С. 21.

¹⁵⁶ Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М., 2006. С. 118.

¹⁵⁷ Олешков М. Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект). С. 74

Легенда о том, что Камиль Демулен вскочил на стол в кофейне, и они пошли штурмовать Бастилию, это все красивые истории <...> Но кофе действительно социальный напиток. Он сыграл огромную роль для Европы <...> На протяжении многих лет кофе считался причиной болезни сердца, инсульта, рака поджелудочной железы, дефицита питательных веществ, мигрени и даже преждевременной смерти. Еще в 1991 году <...> Всемирная организация здравоохранения включила его в список возможных канцерогенов, оказалось, что эти страшилки далеки от реальности (<https://www.youtube.com/watch?v=LUX1p6AzaY8>);

И речь не обязательно про фантастические миры и креативные идеи — вообразить можно бутерброд с колбасой. «Если человек не может представить галопирующую лошадь на помидоре, он идиот!» – Сальвадор Дали, художник <...> «Всё, что ты можешь вообразить, реально», – Пабло Пикассо, художник (<https://kot.sh/summa-tehn/tpost/ba0ci9j0v1-otlichit-litomograf-fantaziyu-ot-realno>);

Шаг за шагом выяснялись всякие марсианские свойства этого зверя: они живут как муравьи, у них странности с витамином d, у них две морфологические касты (<https://www.youtube.com/watch?v=YERQTDV2M-A>).

Возражение в ответной коммуникации обучающего дискурса

Цифровые технологии активизировали позицию адресата и предоставили практически неограниченные возможности для организации многоуровневого полилога в ответной коммуникации, которая является важной составляющей пользовательского контента. Анализ позволил выделить и систематизировать объекты и виды возражения, которые характеризуют популяризаторское объяснение научной информации и которые оказываются вполне закономерной ответной реакцией в речи тех, кто обращается к массмедиа за научной консультацией и за новым научным знанием, необходимым в дальнейшем обучении или воспринимаемым как условие самообразования.

В пользовательском контенте возражение вызывают 1) объект (тема), 2) персона автора, 3) канал распространения научного знания, 4) способ представления научной информации. Для выражения возражения используются лексические и грамматические средства: коннотативно и стилистически маркированная лексика, чаще с очевидно негативной семантикой; отрицательные конструкции с частицами *нет* и *не*; отрицательные местоимения (как средство усиления возражения – отрицания, сомнения, разоблачения, опровержения); глаголы с модальностью отрицания и разоблачения; противительные союзы; императивные конструкции с семантикой негации или иронии; вопросительные конструкции.

Обратимся к примерам.

1) объект, тема сообщения:

– **сомнение** *Очень спорная тема. Всегда горячие дискуссии про англицизмы* (https://web.telegram.org/a/#-1001825500162_6811);

– **отрицание** *я не верю в искусственный интеллект* (https://web.telegram.org/z/#-1836522022_1789);

– **недоверие** *Ага* (ирония). *Не прошло и трёх веков, как японцы изобрели курвиметр; Прям 3 в 1* (ирония): *и рулетка, и игрушка, и элегантный кулон* (https://web.telegram.org/a/#-1001229066996_31840);

2) автор (индивидуальный или коллективный) как источник информации:

– **ироническое отрицание** *мне забавно слушать* (оценочное наречие), как *про сознание рассуждают физики* (<https://kot.sh/diktatura-budushchego/tpost/gb6lB1rbx1-um-i-mashini>);

– **недоверие** *Подождите, вы сейчас голословны* (императив-обращение + негативная оценка). (<https://kot.sh/diktatura-budushchego/tpost/dv2o2yv7z1-smozhet-li-chat-gpt-porabotit-cheloveche>);

– **опровержение** *Не имею цели обидеть* (этикетная форма), *но все же* (противительный союз с усилительной частицей) *"инвестор"* - *это скорее не англицизм investio, investire и даже просто vestio - слова латинского происхождения* *То есть это прям латынь* (утверждение) (https://web.telegram.org/a/#-1001825500162_6811);

– **разоблачение** *Это называется* (утверждение в роли оценки) *одно нормальное исследование, одно исследование не по теме* (оценка с отрицательной коннотацией) *и одно исследование, которое не выдерживает критики* (устойчивое выражение с семантикой негативной оценки, характерное для профессиональной коммуникации), *объединены в умозаключение, не совпадающее с 100 другими исследователями* (сравнение с семантикой отрицания – частица *не*). *А чего хотел сказать автор? Что аудитория слабо соображает, или что пара подруг могут переписать историю в своих головах?* (риторические вопросы); *но Дольника неоднократно ловили на фактических ошибках и передёргиваниях* (эвиденциальность как средство убеждения), *так что его научная ценность и обоснованность выводов весьма сомнительны* (<https://web.telegram.org/a/#-1001102002684>);

3) канал коммуникации:

– **сомнение-разоблачение** *Эти исследовательницы* (указательное местоимение в иронической коннотации) *на какой выборке* (вопрос) *это все проводили, чтобы добавить больше феминизма и гендерного бреда* (разговорное с коннотацией издевки) *в науку? Кто тогда сидел с детьми и кормил их и делал так, чтобы их не съели соседи, или они просто не упали со скалы, по их мнению?* (риторическая конструкция) *Социальные службы?* (намеренный анахронизм как средство разоблачения) (<https://web.telegram.org/a/#-1001102002684>);

– **ироническое отрицание** *Здесь наблюдается интересный психологический феномен* (ироническая характеристика) – *подавляющее большинство выступающих на подобных мероприятиях ... ничего не понимают* (усиление отрицания – местоимение + отрицательная частица) *в теме искусственного интеллекта* (<https://kot.sh/diktatura->

[budushchego/tpost/dv2o2yv7z1-smozhet-li-chat-gpt-porabotit-cheloveche](https://www.telegram.org/a/#-1001142289749)); **Издание ошибается** (утверждение). *Первым ученым был Адам* (парадокс) ([https://web.telegram.org/a/#-1001142289749](https://www.telegram.org/a/#-1001142289749));

4) способы представления научного знания:

– **недоверие но всё-таки** (усилительная частица) *отмечу, что указывать что-то в чашках кофе очень сложно* (оценочная конструкция): **даже если вы возьмёте за "чашку кофе" двойной эспрессо, то в одной кофейни это будет 14г не очень мелко помолта, а в другой 18,0-18,5г помолта чуть крупнее чем в пыль** (логическое умозаключение, основанное на фактической точности), **к тому же зерно может быть разной степени обжарки, что в совокупности даёт разную концентрацию буквально всех (не уверена** (уточнение)) **веществ в конечном напитке** (<https://www.youtube.com/watch?v=LUXlp6AzaY8>);

– **сомнение А вы мне скажите** (императив – требование ответа). *Физические различия между женщинами и мужчинами и соответствующая специализация это социальный конструкт?* (вопрос с семантикой сомнения) **Вряд ли** (оценочное наречие) *животные нападали только во время охоты, почему об этом не говорится?* ([https://web.telegram.org/a/#-1001102002684](https://www.telegram.org/a/#-1001102002684)); **странно** (оценочное наречие) *сравнивать количество элементов и количество комбинаций* ([https://web.telegram.org/a/#-1001229066996_32127](https://www.telegram.org/a/#-1001229066996_32127));

– **ироническое отрицание какое-то сравнение теплое с мягким** (указание на абсурдность). **количество атомов с числом ходов** (параллелизм). **надо сравнивать тогда уж** (императив + частица с семантикой рекомендации) **или с количеством атомов в шахматах, или с математической оценкой всех возможных "ходов" во вселенной** ([Telegram: Contact @popmeh](https://www.telegram.org/a/#-1001102002684));

– **опровержение Алгоритмы могут обучаться** (согласие) *на базе с преимущественно белым населением, или проводить экстраполяцию данных, отдавая преимущество белым. Но алгоритмы не могут зависеть* (противительный союз + отрицательная конструкция с не) *от цвета кожи инженеров, которые их составили* (https://www.youtube.com/watch?v=goVmI_JYmII&t=3s).

Выводы

Исследование показало, что возражение как речевое действие востребовано и в обучающем изложении, и в ответной коммуникации – пользовательском контенте. Причем в комментариях пользователей встречаются самые разные виды возражения: сомнение, недоверие, отрицание, в том числе ироническое, разоблачение, опровержение. Чаще всего вызывают возражение автор как источник научного знания, а также способы его предъявления. Это обусловлено интенциями потребителя информации, который стремится понять, принять и освоить научную информацию. В реализации речевых тактик возражения, особенно если речь идет об обучающем принципе представления нового научного знания, потенциал

цифровых технологий массовой коммуникации можно назвать весьма эффективным и требующим специального изучения.

Исследование разных типов возражения в обучающей научно-популярной массовой коммуникации позволяет говорить о том, что обращение к возражению обусловлено принципами функционирования гибридного дискурса: с одной стороны, используются характерные для научной коммуникации логические умозаключения, описание эксперимента, научная эвиденциальность, а с другой стороны, свойственные публицистике диалогичность, обращение к культуре в широком смысле, к бытовому и историческому опыту, включение в медиатекст образно-выразительных средств и риторических приемов, цель которых – организация эффективной коммуникации. Важно отметить, что эти особенности характерны не только для профессиональных текстов ученых, научных журналистов, популяризаторов науки, просветителей, преодолевающих сопротивление адресата, но и для комментариев пользователей. На это указывает востребованность в профессиональной и непрофессиональной речевой деятельности вопросительных и сравнительных конструкций, логических умозаключений, объясняющей речевой стратегии, аргументативного принципа изложения.

Таким образом, возражение – от сомнения до опровержения – оказывается обязательным этапом освоения нового знания в массовой коммуникации, которая основана на вовлечении и вовлеченности, предоставляющих возможность участия в обсуждении, споре, полемике, дискуссии огромного количества субъектов речи.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева А. З., Соломонова Г. С., Аетдинова Р. Р. Геймификация в образовании // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2024. № 4(24). С. 5–10.

Богословская И. В. Научно-популярный текст: сложность понимания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2000.

Болдырев Н. Н., Ефименко Т. Н. Вторичная интерпретация научного знания в дискурсе СМИ // Медиалингвистика. 2022. № 9(4). С. 355–368. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.404>

Васильев В. А. Объяснение и понимание в социально-гуманитарном познании // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 1. URL: <https://doi.org/10.34823/SGZ.2020.1.51292>;

Вернадский В. И. О науке. Т. 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. Дубна, 1997.

Вознесенская И. М. Прагматика объяснения (выразительные средства в научно-популярных текстах) // Филологический класс. 2015. № 2(40). С. 5–29.

Выготский Л. С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1982. С. 5–361.

Вывровцева Е. В., Самсонова А. А. Функции эвиденциальности в речевой модели возражения (научно-популярный медиадискурс) // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2023. № 1(40). Т. 1. Филологические науки. С. 132–138. DOI: 10.51965/2076-7919_2023_1_1_132

Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М., 2006.

Диалог-спор в научно-популярной коммуникации: коллективная монография / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой. Отв. ред. Ю. М. Коняева. М., 2022.

- Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.
- Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров: дис. докт. филол. наук. Пермь, 2004.
- Дускаева Л. Р. Направления популяризации науки в массмедиа// Медиалингвистика. Вып. 10. Язык в координатах массмедиа: мат-лы VII Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 28 июня – 1 июля 2023 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Мальшев. СПб., 2023. С. 219–223.
- Дьяконова О. О. Понятие «эдыютейнмент» в зарубежной и отечественной педагогике // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 6. URL: http://vuzlit.ru/423499/razvitiye_veke_delovye_igry_edyuteument;
- Загидуллина М. В. Медиалогика как инструмент анализа в коммуникативистике // Вопросы журналистики. 2017. № 1. С. 75-88. DOI: 10.17223/26188422/1/6
- Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград, 2007.
- Карасик В. И. О типах дискурса. URL: <http://ruslang.isu.ru/education/discipline/philology/dissrurs/material/material2/>
- Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С. 92.
- Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб., 2013.
- Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / 2-е, испр. изд. М., 2003.
- Лошаков А. Г. Сверхтекст: семантика, прагматика, типология. Автореф. ... докт. филол. наук. Киров, 2008.
- Луковникова О. Ю. Объяснение в научной и эстетической сферах функционирования языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006
- Майлер М. Научный дискурс в цифровую эпоху – некоторые направления развития // Организационная психоллингвистика. 2020. № 1(9). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43145134_32910287.pdf;
- Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. М, 2007;
- Олешков М. Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект) // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / Отв. ред. М. Ю. Олешков. Нижний Тагил, 2009. С. 68-85.
- Писарев Д. И. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М., 1956.
- Примаков В. Л. Медиатизация как теоретический концепт // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2019. Вып. 3(836). С. 221–238.
- Рыскова П. И. Стратегии научной популяризации в цифровой медиасреде // Медиалингвистика. 2022. № 9(4). С. 309–329. DOI: [10.21638/spbu22.2022.402](https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.402) URL: <https://medialing.ru/strategii-nauchnoj-populyarizacii-v-cifrovoj-mediasrede/>
- Смеюха В. В. Медиатизация общества: проблемы и последствия // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 18(215). Вып. 27. С. 38–42.
- Тынянова Я. С. Стратегии привлечения внимания читателя: средства языковой образности в английском научно-популярном дискурсе, URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37138970>
- Черодиченко Л. В. Типы контента сетевых научно-просветительских медиа // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 6. С. 251–257.
- Androustopoulos J. (ed.). *Mediatization and Sociolinguistic Change*. Berlin; Boston, 2014.
- Barashkina E., Virovtseva E., Maslenskova N. Media Text Of A City Online Newspaper: Functional Capabilities /, № 2 // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences Epsbs. LXVI. Pp. 515–523 DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.08.02.60>
- Chomsky N. *Language and Mind*. New York, 1968

Hjarvard S. The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // *Nordicom Review*. 2008. № 29(2). Pp. 105–134.

Krotz F. Mediatization: a concept with which to grasp media and societal change // *Lundby K.* (ed.) *Mediatization: Concept, Changes, Consequences*. New York, 2009. URL: <https://johnpostill.com/2010/03/01/notes-on-krotz-2009-mediatization/>

**Возражение в новостном освещении достижений
науки и техники страны¹⁵⁸**

Возражение является важной стороной репрезентации научных открытий в массмедиа, поскольку оно в основе научного познания лежит полное или частичное опровержение старого знания¹⁵⁹. На возражении строится кликбейт¹⁶⁰, высокий полемический тонус содержат заголовки информационных текстов о научных открытиях¹⁶¹.

Можно сказать, что новостной научно-популярный текст строится на противопоставлении тому, что известно, этим объясняется провокационный характер обещаний, которые заключены в заголовочном комплексе с целью привлечения внимания потенциального читателя. Этим же объясняются и постоянные отсылки к известному в обосновании и доказательстве, которые становятся основными речевыми стратегиями таких публикаций.

Учитывая, что научно-популярная журналистика освещает темы, которые интересны значительному кругу людей, и многие при этом считают себя в них специалистами, необходимо искать такие аспекты, которые позволили бы завладеть вниманием большинства. Это формирует тенденцию обращения к эпатированию публики¹⁶².

Кроме того, немаловажной особенностью научно-популярного новостного текста становится его ориентированность на нормы устной словесности, что объясняется преобладанием информирования через такой канал, как Интернет (в частности, социальные сети). Эта современная тенденция накладывает отпечаток на тексты научно-популярной журналистики, что проявляется в существенном сокращении объёма отдельных материалов, в увеличении представленности фатической компоненты – популяризация преобладает над информированием, в повышении значимости паратекста.

В качестве примера возьмём публикацию из информационной рассылки «Страна Росатом» от 9.11.2023:

Прорыв в 2050 год

Какой будет атомная энергетика через 10–30 лет? Найдется ли в ней место высокотемпературным газовым и термоядерным реакторам? Как повлияет роботизация на ядерные производства? Какими станут сети, по которым электроэнергия от АЭС поступает потребителям? Ответы на эти

¹⁵⁸ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-18-00184 «Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакоммуникации».

¹⁵⁹ Рысакова П. И. Стратегии научной популяризации в цифровой медиасреде // Медиалингвистика. 2022. № 9(4). С. 316.

¹⁶⁰ Akulovich I. A., Prokofeva N. A. The use of the language means of comicality in clickbait headings // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2021. Т. 20, № 3. С. 151–165.

¹⁶¹ Дускаева Л. Р. Диалогичность // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой; редколл. В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Малышев, Т. Ю. Редькина. М., 2018. С. 36.

¹⁶² Прокофьева Н. А., Щеглова Е. А. Тактики возражения в научно-популярном медицинском блоге. Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 3(49). С. 97.

вопросы вы найдете в материале «СР». Проектированию будущего была посвящена конференция «Новая атомная энергетика».

Информационная рассылка – ещё одно новшество в научной популяризации. Обычно информационная рассылка касается новостей политической повестки дня, это что-то вроде дайджеста, в котором кратко даётся представление о том, что происходит в мире. В научно-популярной журналистике информационная рассылка работает иначе: она функционирует как анонс, который должен завладеть вниманием читателя. Такая информационная рассылка также представляет собой и реакцию на изменение характера информирования, и отражение поступенчатого развёртывания текста¹⁶³ в интернет-пространстве. В научно-популярной информационной рассылке даются проспекции материалов, как правило, в них формируются представление о проблеме, которую раскрывает журналист, либо в них выносятся самые потенциально эпатажные фрагменты текста, или же обозначаются проблемные узлы текущих научных исследований (которые, как правило, как раз соотносятся с социальной повесткой дня).

Обратим внимание на заголовок приведённого выше текста (*Прорыв в 2050 год*): в нём авторы обращаются к семантике лексемы *прорыв*, означающей ‘преодоление сопротивления или препятствия’, ее использование придаёт материалу патетическое звучание. Также возникает ощущение разрушения стереотипов, совершения открытия через преодоление сопротивления. Сама подача материала как футуристического обладает потенциалом привлечения внимания, так как всегда больше всего на свете человек хочет заглянуть в будущее.

Сам анонс представляет собой каскад вопросов, который создает в тексте напряжение. И если первый (*Какой будет атомная энергетика через 10–30 лет?*) представляет собой общее обозначение тематической направленности анонсируемого текста, то каждый следующий вопрос сужает первый (*Найдется ли в ней место высокотемпературным газовым и термоядерным реакторам?*), одновременно конкретизируя сферу существования проблемы (*Какими станут сети, по которым электроэнергия от АЭС поступает потребителям?*). Каждый вопрос представляет собой обозначение насущной, требующей решения проблемы. Чем дальше, тем больше вопрос ориентирован на бытовую ситуацию. Таким образом получается, что информирование в научно-популярной сфере строится на основе приближения высокой науки к конкретным бытовым задачам, стоящим перед читателем.

Представляется, что таким способом в научно-популярной журналистике вводится пояснение, чем наука может быть полезна обывателю и почему следует читать эти материалы. То есть стратегия текста – в приближении научной проблематики к аудитории. Каскад вопросов становится при этом ярким контактоустанавливающим средством: это обеспечение высокого

¹⁶³ Прокофьева Н. А. Анонс. Речезанровая форма контактоустановления в медиадискурсе // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: К 155-летию со дня рождения академика Евфимия Фёдоровича Карского: сб. науч. тр. / редкол.: М. И. Конюшкович (гл. ред.), Т. А. Пивоварчик, И. И. Минчук. Гродно, 2016. С. 276–278.

диалогического тонуса текста в совокупности со сближением с аудиторией благодаря совмещению речевых планов автора и читателя, так как, с одной стороны, вопросы – отражение тематики текста, а с другой, – отражение интересов аудитории.

Заметим, что в конце каскада вопросов сформулирован подлинный информационный повод публикации, а именно сообщение о том, что состоялась научная конференция в той области, которую освещает издание: *Проектированию будущего была посвящена конференция «Новая атомная энергетика»*. При этом ответы на вопросы обещаются именно от лица издания: *Ответы на эти вопросы вы найдете в материале «СР»*. Вообще научная проблематика существенно активнее привлекает внимание аудитории как перспективная практика познания окружающего мира. Причём даже заголовочный комплекс уже ориентирован на противопоставление как одну из практик возражения:

Нильский синий и бенгальский розовый: создан тераностический препарат от рака (Страна Росатом, 16.10.2023).

Можно говорить о яркой эпатажности заголовка: он неинформативен, что вызывает эффект усиленного ожидания. Нарочитая неясность формулировок вызывает в сознании вопрос: что это значит и как это связано с тематикой издания. Искусственный эффект противоречия строится на расхожем бытовом противопоставлении синего и розового цветов как закреплённых за гендерными противоположностями.

Отметим, что в данном случае тематически статья в корпоративном издании атомной отрасли пересекается с областью медицины. Одной из ведущих тем сегодня в атомной сфере является разработка лекарств от трудноизлечимых заболеваний, раковые заболевания – первые в списке. И несмотря на то что лечение онкологии – болезненная, отчасти табуированная тема (что, конечно, не способствует обращению к языковой игре в текстах, посвящённых разработке лекарств от онкологических заболеваний), наблюдается искусственная провокативность с целью привлечения внимания к теме текста. Можно говорить о специфической кликбейтности заголовка, что определяет интерес к публикации.

Немаловажным фактором является и разрушение стереотипа, существующего в сознании читателя. Вторая часть заголовка анонсирует изобретение лекарства от неизлечимой по сложившемуся в сознании общества стереотипу болезни. Именно здесь формируется узел возражения и дальнейшего толкования, которое должно будет сопроводить раскрытие самой темы.

Далее автор публикации выстраивает своё общение с публикой через разъяснение. Он начинает издали, давая представление о существующих способах лечения, но специфика этого представления базируется на выявлении изъянов практикующейся методики:

Проблема химиотерапии — относительная неспецифичность препаратов: низкомолекулярные соединения, антибиотики или другие

вещества, вызывают гибель раковых клеток, но также воздействуют на здоровые. Среди серьезных побочных эффектов — поражение печени, почек, селезенки. Один из самых популярных химиотерапевтических препаратов, доксорубицин, кардиотоксичен: его прием может привести к серьезным нарушениям в работе сердца.

Маркерами такого подхода являются слова тематического поля «проблема», «недостатки». Кроме того, внимание читателя сосредоточивается на изъянах существующего метода борьбы с раком благодаря повтору слова *серьезные* в сочетании со словами *побочные эффекты* и *нарушения*, входящими в семантическое поле «недостатки». Убедительность текста обеспечивается широким употреблением терминологического пласта лексики (*низкомолекулярные соединения, антибиотики доксорубицин, кардиотоксичен*), что вполне допустимо в рамках научно-популярного изложения. Таким образом формируется отрицательное отношение к существующему способу лечения в противовес тому, который и является предметом речи в анализируемом тексте.

Представляется, что перед нами техника доказательства от противного, рассуждение-опровержение, которое тем более успешно, чем менее положительный образ сложится как отправная точка дискуссии. Эта противопоставленность формирует повышенный диалогический тонус текста на начальном этапе создания, и дальнейшее обоснованное возражение-опровержение представляется наиболее доказательным. Покажем, как это реализуется на практике.

Сначала даётся ответ, который подобен разрешению нарастающего при изложении проблемы напряжения:

Лаборатория биохимических исследований канцерогенеза МФТИ работает над тем, чтобы снизить побочные эффекты за счет доставки препарата непосредственно в область опухоли, без контакта со здоровыми органами.

Наблюдается сопоставление двух препаратов по ключевым точкам: *серьезные побочные эффекты – снижение побочных эффектов; системное поражение органов – доставка препарата без взаимодействия со здоровыми органами*. То есть предлагается конкретное решение проблемы, а в подтверждение приводится речь специалиста-учёного:

«Мы разрабатываем такие формуляции, которые обладают пониженной системной токсичностью и повышенным связыванием с раковыми клетками, — рассказывает заведующая лабораторией Виктория Штунуова. — Химиотерапевтические соединения инкапсулируются в наноносители, поверхность которых оснащена распознающими молекулами».

По сути, прямая речь персонажа дублирует сказанное выше, но её роль велика: во-первых, это повтор наиболее значимой информации, что способствует закреплению знания; во-вторых, это обращение к авторитету, которое играет роль убеждения, уверения в истинности сказанного; в-третьих, этот фрагмент текста даёт ещё более высокую концентрацию терминов (*формуляции, системная токсичность, инкапсулируются, наноносители* и

проч.), которые являются маркерами научного изложения, подтверждением статуса публикации как сообщаемой о научно обоснованном открытии.

Важно отметить, что принцип повтора основной мысли часто реализуется в системе внутренних заголовков публикации, они имеют характер полноинформативных, в отличие от неполноинформативного основного заглавия, и ориентируют читателя в смысловых блоках целой публикации.

Узнать раковую клетку – Подсветить и уничтожить – Проверка на мышцах

В данном случае внутренние заголовки – отражение механизма действия того изобретения, которое представлено в статье. Они оформлены синтаксически параллельными конструкциями, напоминающими список-последовательность запланированных дел. Такая форма создаёт впечатление реализуемости заявленных действий, формируя представление о них как о состоявшихся, реальных. Такую форму представления новых технологий также можно воспринимать как отражение возражения по отношению к опровергаемым техникам.

Инфинитивные конструкции воспринимаются как транспозиция – в значении повелительного наклонения: отражение необходимых для исполнения действий. Первый блок, технологический, вводится внутренним заголовком, в котором подчёркивается новаторская технология – работа с клетками как носителями модифицированного материала. Второй блок – продолжение мысли с описанием технологии воздействия на поражённые клетки, здесь дополнительным фактором установления контакта с читателем становится обращение к языковой игре, основанной на трансформации прецедентного текста (ср. название фильма «Найти и уничтожить»). Третий блок – определение этапа разработки новой технологии, которая уже апробирована на мышцах.

Подобное представление материала типично для текстов с основной интенцией возражения: исчерпывающее информирование о достоинствах нового метода. Представляется, что прамбула, в которой объясняются недостатки действующей методики, не выделяется отдельным заголовком, чтобы реализовалась одна из основных функций заголовочного комплекса – закрепительная, и чтобы запоминанию подлежали те характеристики, которые связаны в сознании с изобретением, новаторским подходом к лечению.

Последующее изложение представляет собой разъяснение нового метода лечения, то есть, учитывая, что главная информация уже изложена, следующая задача – разъяснить, раскрыть сжатую в первой части публикации информацию. Здесь уже поясняются техники, детали, которые могут быть важны заинтересованному читателю. На данном этапе срабатывает некоторая кликейтность заголовка публикации: раскрывается эффект усиленного ожидания, созданного неполноинформативным заглавием. Здесь поясняются оставленные в нём недосказанности, которые были оставлены как способ уловить внимание широкой аудитории.

Последняя разработка МФТИ — тераностический (обеспечивающий одновременно диагностику и лечение) препарат из наночастиц сополимера молочной и гликолевой кислоты. Антитела на наночастицах узнают раковые клетки по специфическому рецептору HER2. Как отмечают исследователи, свойства красителей были подобраны так, что их молекулы начинают взаимодействовать с частицами света только после того, как наночастицы проникнут в клетки. Это значительно ускоряет процесс диагностики и терапии опухоли.

В этой части нарастает частотность обращения к терминологической лексике, происходит её толкование. В частности, повторяется заявленный в заголовке термин *тераностический препарат*. Пояснение, которым сопровождается включение его в текст, позволяет судить о том, что сам термин создан с помощью контаминации двух слов – *терапевтический* и *диагностический*. Само обращение к сравнительно новому термину *тераностика, тераностический* – подчёркивает суперсовременность метода и, как следствие, самой публикации. Сам механизм действия препарата описан с применением большого количества терминов, в частности почти ставших мемом *наночастиц*, но это не снижает уровень доверия к публикации, напротив, демонстрирует технологии в действии.

Толкованию помогает включённая в ткань повествования прямая речь специалиста, она, как и в первом случае, выполняет функцию подтверждения того изложения, которое предлагает журналист:

«Раньше распознающие молекулы “пришивали” к поверхности наночастицы посредством сложных химических реакций. У нас более грубый метод синтеза: по сути, мы смешиваем все в одном “горшке” и очищаем от непрореагировавших реагентов, — объясняет Виктория Шипунова. — Звучит не супер-изячно, но этот способ гораздо удачнее может быть транслирован в биотехнологическое производство, когда необходимо получить воспроизводимость частиц от партии к партии. У нас более воспроизводимый синтез, то есть мы решили одну из самых важных проблем в этой области, которая препятствует вводу адресных наноформуляций в клиническую практику».

Представляется важным сохранение установки на противопоставление действий нового препарата и старых. Возражение здесь приобретает специфическую форму: метафоры *грубый метод синтеза* и *смешиваем всё в одном «горшке»* внешне кажутся будто бы констатацией недостатков метода, на самом деле на фоне этого стратегического отступления выявляется высокая эффективность лекарства, что безо всяких доказательств является существенным преимуществом, перечёркивающим все мнимые недостатки.

Интересно само обращение к метафоре как к одной из форм толкования, разъяснения в рамках возражающего новостного текста. Она уведена в прямую речь персонажа, будто бы как характеристика речевого портрета учёного, но сам принцип создания научно-популярного текста как доступного толкования

открытия для широкой общественности получает реализацию и в новостной сфере.

Другой стороной прямой речи персонажа является демонстрация преимуществ продукта, сообщение о решении, казалось бы, неразрешимой проблемы. Всё это на контрасте противопоставления прежним лекарствам позволяет выявить достоинства препарата.

Полное раскрытие кликбейтного заголовка публикации происходит ближе к концу – во втором содержательном блоке:

Внутри каждой наночастицы — биосовместимый краситель нильский синий и фотосенсибилизатор бенгальский розовый. Нильский синий, попадая в раковые клетки, под воздействием красного света флуоресцирует и тем самым помогает определить очаг болезни. Светится он только внутри клетки: пока наночастицы в кровотоке, флуоресценция у них крайне слабая, это объясняется сольватохромной природой красителя. Бенгальский розовый под воздействием ярко-зеленого света генерирует активные формы кислорода, которые вызывают гибель раковых клеток.

Здесь только читатель узнаёт, что в заглавии вынесены названия красителей, которые и становятся главным ноу-хау метода. Под поэтическими названиями скрывается действующее вещество, которое и является основным решением проблемы доставки лекарства в поражённую клетку. В этой части публикации также много терминологических единиц, рассчитанных на понимание специалиста. Толкование же дано в прямой речи специалиста:

«Соединение стоит недорого и уже давно применяется в стандартных процедурах молекулярной биологии, когда надо окрасить какие-либо вещества, — говорит Виктория Шипунова. — Однако почему-то оно никогда не рассматривалось как удобный диагностический инструмент. В отличие от традиционных флуоресцентных частиц, например квантовых точек, нам не надо ждать, пока они полностью выведутся из кровотока, чтобы проводить диагностику, так как отсутствует фоновая флуоресценция от кровотока».

Здесь же в речи специалиста даётся объяснение, почему метод действительно стоит признать реализуемым: сама методология апробирована в других областях, то есть это просто применение известного способа в новых условиях, что так же косвенно подтверждает действенность препарата.

Завершение публикации – сообщение об опытной проверке препарата на мышях: *Препарат МФТИ полностью биосовместимый и биodeградируемый. Молочная и гликолевая кислоты, из которых состоит сополимер матрицы, в большом количестве содержатся в организме человека. Наночастицы не обладают токсичными свойствами и полностью разлагаются в течение полугода.*

Отметим научную стилистику текста, его информационную насыщенность на протяжении всего изложения. Создаётся впечатление, что напряжение не снижается до самого конца. Этим в принципе отличаются новостные научно-популярные тексты. И своеобразным комплементом оказывается дополнение о судьбе мышей в речи эксперта: *Ученые уже провели*

доклинические испытания на мышцах — результаты говорят об эффективности разработки. «Мы вылечили всех пятерых “пациентов”. Они еще год наблюдались у нас в состоянии полной ремиссии — ни новых опухолей, ни метастаз. Потом все пятеро даже пошли участвовать в другом эксперименте», — рассказывает Виктория Шипунова.

Своеобразная шутка о том, что *мышь пошла участвовать в другом эксперименте* немного разряжает напряжённость текста и создаёт элемент юмористического отношения к происходящему. Финал текста благодаря такому приёму оказывается исключительно жизнеутверждающим и обнадеживающим, что и требуется для продвижения научного знания массовой аудитории.

Выводы

Подводя итоги, отметим, что в новостном научно-популярном дискурсе востребована стратегия возражения как способ вовлечения читателя в осмысление научных открытий и достижений. Основными тактиками реализации возражения становятся толкование, разъяснение и эмпирическое доказательство.

Популяризации знания в рамках новостного дискурса служат диалогизация, интеллектуализация и иронизация. Диалогизация выполняет функцию консолидации, создавая напряжённость изложения и вовлекая публику в осмысление нового знания. Интеллектуализация проявляется в слабой адаптации научного знания к пониманию широкой аудиторией, скорее она рассчитана на привлечение внимание и формирование установки на самостоятельное изучение вопроса. Иронизация выступает как вспомогательная линия речевого поведения, снимая напряжённость восприятия текста и там, где возможно, без нарушения языковых табу, обеспечивая флёр комического эффекта, способствующего запоминанию информации и её усвоению.

ЛИТЕРАТУРА

Дускаева Л. Р. Диалогичность // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой; редколл. В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Мальшев, Т. Ю. Редькина. М., 2018.

Прокофьева Н. А. Анонс. Речезанровая форма контактоустановления в медиадискурсе // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: К 155-летию со дня рождения академика Евфимия Фёдоровича Карского: сб. науч. тр. / редкол.: М. И. Коношкевич (гл. ред.), Т. А. Пивоварчик, И. И. Минчук. Гродно, 2016. С. 274–283.

Прокофьева Н. А., Щеглова Е. А. Тактики возражения в научно-популярном медицинском блоге // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 3(49). С. 94–105.

Рысакова П. И. Стратегии научной популяризации в цифровой медиасреде // Медиалингвистика. 2022. № 9(4). С. 309–329.

Akulovich I. A., Prokofeva N.A. The use of the language means of comicality in clickbait headings // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2021. Т. 20, № 3. С. 151–165.

Возражение в рассказе об истории науки¹⁶⁴

Повествование об истории научных открытий и творческой жизни людей науки – одно из важнейших направлений развития современного научно-популярного медиадискурса. Нацеленная на отражение научного познания как формы человеческой деятельности, эта траектория вместе с тем сопряжена с коммуникативной угрозой «падения интереса к научной деятельности как области реализации человека»¹⁶⁵. Основным способом снижения коммуникативных рисков, средством вовлечения аудитории в дискурс истории науки становится реализация диалогического потенциала, приглашение читателя / зрителя к дискуссии. Развитая система вовлечения и широко представленное поле вовлеченности провоцируют необходимость изучения коммуникативной ситуации столкновения смысловых позиций участников дискуссии, которое реализуется через возражающие речевые действия.

Рассказ об истории науки становится предметом исследовательского интереса значительно реже, чем журналистика, посвященная новым научным изысканиям. Отметим семинар РАН «История науки в источниках и историографии»¹⁶⁶, однако фокус внимания здесь сосредоточен на историографических достижениях РАН. Тогда как недостаточно исследованная популяризация истории науки оказывается востребованной у аудитории: количество комментариев к публикациям, посвященным этой теме в различных каналах dzen.ru, может достигать нескольких сотен. Заполнение этой исследовательской лакуны представляется нам возможным через изучение функционирования возражения в поле вовлечения и в поле вовлеченности.

В качестве эмпирического материала в рамках исследования был привлечен кейс физика Александра Попова, чей статус первооткрывателя радио подвергается сомнению (в качестве альтернативных первооткрывателей называются Г. Маркони, реже – Н. Тесла и Г. Герц). Исследованы материалы трех групп: публикации в СМИ, в различных каналах на платформе dzen.ru и пользовательские комментарии. Первая группа представляет поле вовлечения, третья – поле вовлеченности, вторая носит промежуточный характер, однако в рамках данного исследования отнесена к полю вовлечения, поскольку составляющие ее публикации провоцируют активно развивающееся поле вовлеченности. Соответственно, первая и вторая группа будут описаны в одном разделе при указании некоторых различий между традиционными медиа и новыми платформами. Анализ возражающих текстовых единиц проводился на

¹⁶⁴ Подготовлено при финансовой поддержке РФФ: проект № 22-18-00184 «Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакommunikации»

¹⁶⁵ Дускаева Л. Р. Направления популяризации науки в массмедиа // Медиалингвистика. Вып. 10. Язык в координатах массмедиа: мат-лы VII Междунар. науч. конференции (Санкт-Петербург, 28 июня – 1 июля 2023 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Мальшев. СПб., 2023. С. 221.

¹⁶⁶ См. напр. Ильина И. Н. Популяризация российской науки и культуры (Наука и СМИ) // Документальное наследие России: теория и практика сохранения и использования научных фондов. URL: <https://www.arran.ru/bookreader/publication.php?guid=73E2F0C7-D4E2-427D-B135-32EAF39AF1BF&ida=1&kod=9#page/1/mode/1up>

основе прагмалингвистического анализа, направленного на выявление специфики использования модальности возражения, на установление системы средств выражения возражения.

1. Поле вовлечения.

Рассказ об истории науки чаще всего реализуется в медиатекстах, которые по типологическим параметрам можно сопоставить с жанром очерка. Научная специфика обусловлена в первую очередь диктумной составляющей (так как предметом выступает научное открытие), что реализуется, например, через использование терминов (*когерер, электромагнитный, радиоволны* и др.). Тем не менее ведущий тип речи свидетельствует о преобладании признаков исторического, нежели научно-популярного очерка. При наличии рассуждения: *Если электромагнитные волны можно обнаружить на любом отдалении, значит, эти сигналы можно и передавать* (<https://rg.ru/amp/2022/10/11/vyshli-v-efir-kto-na-samom-dele-izobrel-radio.html>), приоритет отдается повествованию, характерному для нарративной информационной структуры очерка¹⁶⁷: *7 мая 1895 года Александр Попов прочел в Санкт-Петербургском университете лекцию «Об отношении металлических порошков к электрическим колебаниям» и продемонстрировал тот самый революционный прибор, который мог передавать сигналы без проводов* (<https://rg.ru/amp/2022/10/11/vyshli-v-efir-kto-na-samom-dele-izobrel-radio.html>). Организация текста по хронологическому принципу позволяет уточнить диктумную природу рассказа об истории науки – ею оказывается не просто научное открытие, а последовательность событий, которая привела к научному открытию. Приведенный пример иллюстрирует еще одну характерную для рассказа об истории науки черту – обилие дат, высокий удельный вес категории темпоральности, что является еще одним свидетельством нарративной структуры данной траектории популяризации науки.

Интратекст, отражающий общую диктумную ситуацию, в гипермедиатексте, посвященном изобретению радио, может быть представлен по-разному, на основании чего выделяются три группы публикаций (расположены по частотности от наиболее к наименее частотным): 1) сопоставление творческих биографий А. Попова и Г. Маркони; 2) изложение исследовательского пути А. Попова; 3) описание вклада в научное достижение третьих лиц. Такое разнообразие интратекста при общем диктуме обосновывается различием в модусной рамке текста, которая оказывается связанной с идеологическими воззрениями его автора. Сравним цитаты из публикаций двух dzen-каналов: *Выдающийся российский инженер Александр Попов свел воедино и дополнил разработки зарубежных физиков-электротехников. В результате чего на свет появился первый в мире радиоприемопередатчик* (Аномальная и удивительная Россия <https://dzen.ru/a/XmsdguMOB0Ad545e>); *Человеком, который воплотил свои*

¹⁶⁷ Тан Ч. Информационная структура научно-популярного очерка (на материале очерков на тему природы в журнале «Наука и жизнь» // Мир русского слова. 2021. № 3. С. 68.

идеи в жизнь и подарил радио миру, стал именно Гульермо Маркони, в последующем награжденный Нобелевской премией (Италия для меня <https://dzen.ru/a/X2h7-sgzhGod9WRi>). Приоритет в изобретении отдается тому ученому, который представляет страну, аккумулирующую вокруг себя подписчиков канала («Аномальная и удивительная Россия» – А. С. Попов, «Италия для меня» – Г. Маркони).

Отметим, что такое модусное расслоение в большей степени характерно для новых платформ, тогда как тексты в традиционных СМИ выражают не только мнение автора, но и редакционную политику, поэтому представляют либо первенство А. С. Попова: *Александр Попов: человек, подаривший миру радио* (<https://www.kp.ru/daily/26344/3230387/>), т. е. выражают позицию традиционной российской научной истории, либо в соответствии с задачами научной популяризации стремятся открыть истину: *Вы не поверите, но самый первый патент на прототип беспроводного радио получил Малон Лумис, американский стоматолог и изобретатель керамических искусственных зубов. И произошло это в 1872 году* (<https://rg.ru/2022/10/11/vyshli-v-efir-kto-na-samom-dele-izobrel-radio.html>). Однако большая свобода в изложении материала на новых платформах ведет к большим коммуникативным рискам, когда поиск истины подменяется стремлением навязать идеологическую позицию, смещением фокуса внимания с науки на личность изобретателей: *Гульермо Маркони: фашист, который изобрел радио* (<https://dzen.ru/a/XO1bs3SezACvQpyB>).

Охарактеризовав общую специфику поля вовлечения, перейдем к анализу возражающих речевых действий. Как было показано выше, диалогичность выступает инструментом привлечения внимания аудитории к научной деятельности, для чего используются средства контактоустановления. Самым частотным среди них оказались заголовки: 1) побудительные: *Поймай волну, если сможешь* (https://aif.ru/society/history/poymay_volnu_esli_smozhesh_kak_popov_i_markoni_izobretali_radio), *Лови волну!* (<https://dzen.ru/a/YHMIMCZO9SF-BWmc>) и 2) вопросительные: *Изобретение радио. Кто был первым?* (<https://nkj.ru/archive/articles/4597/>), *Попов или не Попов: кто придумал радио?* (<https://dzen.ru/a/Xq2pbuybxEsnaabU>). Отметим частотность использования утвердительной частицы «на самом деле», которое было обнаружено в 20 % (в 8 из 40) исследуемых текстов, в половине из этих случаев – в заголовках: *Вышли в эфир: кто на самом деле изобрел радио* (<https://rg.ru/2022/10/11/vyshli-v-efir-kto-na-samom-dele-izobrel-radio.html>), *Кто на самом деле первым изобрел радио* (<https://dzen.ru/a/Y2IonpwEHAbOTq4j>) и др. Это свидетельствует о распространенной для изучаемой траектории явления: модус знания (модальность убеждения) провоцирует возникновение модуса мнения (модальность возражения / согласия). Несмотря на то, что в поле вовлечения модальность возражения представлена слабее, чем в поле вовлеченности,

выявленные единицы позволяют провести интенциональный и прагматический анализ.

Возражение в поле вовлечения может реализовать одну из двух целеустановок:

- подтверждение авторской позиции;
- предвосхищение читательского возражения.

В первом случае возражение используется для введения в текст новых аргументов, доказывающих точку зрения автора. Так, например, первенство А. С. Попова подтверждается конструкциями каузальности: *Уже одна эта фраза демонстрирует слабое знание Маркони предмета. Ведь даже школьникам известно, что вода и почва сильно препятствуют распространению радиоволн* (<https://m.nkj.ru/archive/articles/4597/>); *На самом же деле он приступил к радиоделу несколько позже, в 1895 году. К этому времени Попов уже обосновал всю теоретическую часть и проводил эксперименты* (<https://dzen.ru/a/YHF9fm5rR38WjS00>); а также противопоставления: *Однако все лавры достаются тому, кому удаётся сделать последний, решающий шаг* (https://aif.ru/society/history/poymay_volnu_esli_smozhesheh_kak_popov_i_markoni_izobretali_radio).

Во втором случае возражение используется не для выражения сомнения, а в метатекстовой функции – как средство поддержания диалога с читателем, который – в силу специфики диктума – может обладать пресуппозитивными знаниями о предмете речи. Для этого могут использоваться и вопросно-ответные конструкции: *Маркони действительно не изобретал радио, он лишь существенно улучшил чужие изобретения. А почему тогда вся Европа считает его «отцом радио»? Потому что в июле 1897 года Гульельмо Маркони получил в Великобритании патент № 12039 на свою аппаратуру* (<https://rg.ru/2022/10/11/vyshli-v-efir-kto-na-samom-dele-izobrel-radio.html>); и свернутые диалогические единства: *Конечно, в широком сознании российского ученого вытеснили Маркони и Тесла* (https://dzen.ru/a/XJdFbBoeoAC03g_Q).

Следующий шаг заключается в исследовании прагматического аспекта возражения. Продуктивность возражения определяется его перлокутивным эффектом¹⁶⁸. В поле вовлечения возражения не направлены на конкретного собеседника, автор полемизирует с генеральным субъектом (*Европа, Америка, Запад, западное общество* и др.), поэтому продуктивность возражения может быть оценена только внутри текста. С этой точки зрения возражение продуктивно, используется в качестве аргумента, нацелено на поиск истины и объективный взгляд на проблему. Случаи, когда возражение используется для коммуникативного доминирования, провоцирования, приводит к фрустрации, в поле вовлечения выявлены не были.

Подводя итог, отметим, что поле вовлечения в рассказе об истории науки, который основывается на повествовании, в отличие от других, основанных на рассуждении, направлений научной популяризации, довольно слабо

¹⁶⁸ Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Нижний Новгород, 2008. С. 51.

представлено возражением как речевым действием. Обратная ситуация наблюдается в поле вовлеченности: здесь возражения представлены в значительном количестве.

2. Поле вовлеченности.

Под полем вовлеченности в рамках данного исследования будем понимать ответственность аудитории на тексты, рассказывающие об истории науки. Традиционно поле вовлечения и поле вовлеченности формируют гипермедiateкст (ГМТ), состоящий из трех волн: информирующей, оценочной и побудительной¹⁶⁹. Однако экстраполировать традиционную структуру ГМТ на рассказ об истории науки затруднительно, поскольку описываемые события значительны (в кейсе А. С. Попова – более сотни лет) удалены от аудитории. По этой причине изучаемый ГМТ разворачивается в основном в рамках второго – оценочного – периода, в котором расширение происходит «не за счет появления новой информации о событии, а за счет роста комментариев»¹⁷⁰. Таким образом, комментарий (сетевой комментарий) оказывается основной единицей анализа поля вовлеченности. По мнению исследователей, основная цель комментария – «направлять внимание адресатов на новые актуальные факты, выходящие на первый план общественной жизни, и оценивать их»¹⁷¹. Характерной особенностью изучаемой траектории популяризации науки оказывается тот факт, что практически вся система аргументации в поле вовлечения опирается на введение новых фактов или переоценку уже высказанных автором, что свидетельствует о высокой продуктивности возражения. Рассмотрим особенности возражения в поле вовлечения, опираясь на медиадискурсологический подход, который «позволяет рассматривать интенциональность высказывания при учете технологических аспектов общения и характера дискурса»¹⁷².

Лингвопрагматическая модель исследования интернет-комментариев основана на положении, что «интерпретация текста адресатом-участником дискуссии осуществляется по конфликтному сценарию»¹⁷³. Следовательно, все комментарии, оставленные пользователями платформы dzen.ru к публикациям, рассказывающим об истории науки, содержат диалогическую модальность. Рассмотрим те комментарии, которые содержат возражение.

Н. А. Прокофьева предлагает классификацию целеустановок диалогических единств возражения в поле вовлечения: выражение

¹⁶⁹ Дускаева Л. Р., Иванова Л. Ю. Гипертекст одной новости в медиалингвистическом преломлении // Южнославянский филолог. 2022. № 1. С. 79–101.

¹⁷⁰ Там же. С. 95.

¹⁷¹ Кулажко С. А. Жанры сетевого общения // Медиалингвистика в терминах и понятиях: Словарь-справочник / Под ред. Л. Р. Дускаевой. М., 2018.

¹⁷² Иванова Л. Ю. Вариативность смысловых компонентов негации в Telegram-каналах о науке // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой, отв. ред. Ю. М. Коняева. СПб., 2022. С. 145.

¹⁷³ Голев Н. Д., Ким Л. Г. Диктумно-модусный плюрализм виртуального диалогического дискурса (на материале интернет-комментариев) // Медиалингвистика. 2023. № 1(10), С. 4–26. URL: <https://medialing.ru/diskursivnaya-kartina-mira-konvergentnogo-radio-aspekty-aksiologicheskogo-modelirovaniya/>

недовольства, несогласия, отказ и пренебрежение¹⁷⁴. Эти же виды возражения встречаются в рассказе об истории науки:

– несогласие выражается возражением против одного из аспектов точки зрения автора (**Михаил Левин:** «*Большое открытие*», «*изобретения*» - *вы так громко про молоточек, стряхивающий ампулу с угольной пылью? Великое открытие тут – открытие Максвеллом электромагнитных волн* (<https://dzen.ru/a/YfpiIwjaNCupO4us>))¹⁷⁵ или предложением альтернативного варианта решения вопроса:

Lev Ziv: *очевидно оба понимали, что «первым» среди них был Генрих Герц* (<https://dzen.ru/a/YfpiIwjaNCupO4us>);

– недовольство представлено возражением против позиции автора: **Петр Сергеев:** *Маркони нобелевку получил за то что лишь что-то запатентовал? Что то не сходитя, господа «поповцы»* (<https://dzen.ru/a/XO1bs3SezACvQpyB>);

– отказ представлен возражением против самой постановки вопроса: **Vlad Vlad:** *К чему все эти споры, это дикая и никому не нужная борьба за лидерство сто с лишним лет назад, это разрывание друг другу глоток ради того, чтобы возопить истошно о том, кто и что придумал* (<https://dzen.ru/a/Xq2pbuybxEsnaabU>);

– пренебрежение не направлено на исходную публикацию и представлено только комментариями к комментариям других пользователей: **Вадим Николаев:** *ничего Попов не изобрел. когда же вы такие тупорылые поцреоты с совковым «образованием» на ушах закончитесь-то?* (<https://dzen.ru/a/Xq2pbuybxEsnaabU>).

Прагматика возражения в поле вовлечения так же разнородна, поскольку «авторов реплик волнуют собственные темы, с необходимостью обсуждения которых они вступают в дискуссию»¹⁷⁶. Она представлена конструктивными действиями (защита собственной точки зрения, нивелирование спора, расширение предметного поля дискуссии) и деструктивными (выражение эмоций, идеологических установок, унижение собеседника). Рассмотрим каждое из типовых действий.

Защита собственной точки зрения может быть представлена безаргументативно: **Белова Елена:** *Радио придумал Никола Тесла. А Маркони просто жулик. Попов пришел к изобретению радио независимо от Тесла* (<https://dzen.ru/a/YJQ3VqX4cCax8-WW>). В таком случае комментарий обычно игнорируется другими пользователями и не порождает дальнейших дискуссий. В случае, если комментатор защищает свою точку зрения с помощью введения новых фактов или мнений – **Вальтер Зауфенберг:** *Попов был учёным-академиком, Маркони - инженером и антрепренёром, в этом их разница* (<https://dzen.ru/a/YJQ3VqX4cCax8-WW>), сообщество воспринимает новую

¹⁷⁴ Прокофьева Н. А. Речевые практики возражения в диалогическом научно-популярном тексте // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой, отв. ред. Ю. М. Коняева. СПб., 2022. С. 150–160.

¹⁷⁵ Здесь и далее сохранены авторские орфография и пунктуация.

¹⁷⁶ Голев Н. Д., Ким Л. Г. Диктумно-модусный плюрализм виртуального диалогического дискурса (на материале интернет-комментариев)

информацию как стимул и вступает в дискуссию уже не с автором текста, а с комментатором, см. ответ Вальтеру Зауфенбергу: *Игорь Медведев: Попова академиком называешь, Маркони - инженером. Попов был инженером, а потом уже всё остальное. А Маркони был прохвостом-предпринимателем. Он воровал чужие изобретения и применял их в своих изделиях. Доказательства - и Попов, и Никола Тесла, и НЕМЕЦ - Карл Браун об этом говорили.* Таким образом, продуктивность возражения оказывается напрямую связана с введением новой информации, более того, эта новая информация дополняется другими участниками сообщества и ГМТ может разветвляться в нескольких направлениях внутри комментариев к одной публикации.

Комментарии, направленные на устранение спора (**Владимир Фокин: Кто был первый? Для кого это важно, для тех кто работал и что-то изобретал или для тех, кто хочет получить привилегии с их изобретений. Спор, как правило, ведут вторые. Слава нужна тем, кто умеет ей пользоваться** (<https://dzen.ru/a/YJQ3VqX4cCax8-WW>)), не порождают дискуссии, ответы к таким возражающим репликам практически отсутствуют. Однако в других ветках комментирование продолжается, следовательно, в конкретной ситуации можно говорить лишь об относительной продуктивности возражения.

Расширение предметного поля дискуссии направлено на реализацию целеустановки «предложение альтернативного варианта»: **Лев Соколов: Вы забыли Эрнеста Резерфорда, который прибыл из Новой Зеландии в Англию для демонстрации своего прибора -- передатчика радиоволн. Во время демонстрации изобретения в Кембридже в зал вошел Г. Маркони и предъявил патент на изобретение аналогичного устройства** (<https://dzen.ru/a/X2h7-sgzhGod9WRi>). В тех случаях, когда комментатор по просьбе сообщества предоставляет источники информации, такой тип возражения порождает активные дискуссии. Однако если комментарий носит заведомо фейковый характер или автор не предоставляет авторитетных ссылок, сообщество игнорирует его: **Валентина Самонова: Мало кто знает, но Маркони и Попов были закадычными друзьями, работавшими дружно рука об руку. Они организовали в Петербурге «Общество электросвязи на паях», в котором каждому принадлежало по 50 % уставного капитала. Все известные изобретения сделаны этим обществом, делить успехи между друзей смешно!** (<https://dzen.ru/a/Xq2pbuybxEsnaabU>). Отметим модус «мало кто знает», который часто используется в поле вовлечения в научно-популярном дискурсе, однако в поле вовлеченности встретился один раз в изученных 1 000 комментариев. На наш взгляд, такое редкое употребление может быть обусловлено коннотацией фейковости, лженаучности, устоявшейся у аудитории.

Перейдем к деструктивным практикам возражения в поле вовлеченности. К ним относятся выражение эмоций (фрустрирование): **Колян Наумов: Да жулик и самозванец этот макарони** (<https://dzen.ru/a/YJQ3VqX4cCax8-WW>). Такие комментарии не порождают дискуссий, несмотря на свою

лингвокреативность (Маркони – итальянец, «макаронник») и частое использование средств комического: *Алексей Теленков: Маркони включил свой приёмник и услышал мат Попова*))) (<https://dzen.ru/a/YJQ3VqX4cCax8-WW>)

Выражение идеологических установок (*evgeny petrov: Очередная чепуха лживая, из разряда: «Россия родина слонов»*) (<https://dzen.ru/a/YlUdOmk7UzthaE5f>) может провоцировать дискуссии, нацеленные однако не на поиск истины, а на самоутверждение комментаторов. Такой тип возражающих действий часто сопряжен с другим – унижением. В комментариях к рассказу об истории науки «ветка комментариев» никогда не начинается с унижающих речевых действий, что свидетельствует о том, что, вступая в дискуссию, пользователи высоко оценивают коммуникативный статус адресата. Однако по мере развития дискуссии комментарии могут менять целеустановку с несогласия на пренебрежение, о чем свидетельствует использование сниженной лексики: *Сергей Герасименко: Маркони не смог получить патент в США - ему отказали, сославшись на то, что радио придумал Попов. Германия тоже отказала Маркони, без объяснений. Александр Григорьевич: Сергей Герасименко, ссылочку в студию. Особенно про то, что придумал Попов. Сергей Герасименко: Александр Григорьевич, зачем тебе, бандеровцу, ссылочка? Все равно читать по-русски не сможешь, натура не позволит! Александр Григорьевич: Сергей Герасименко, вообще-то я сибиряк-красноярец, но тебе лучше знать кто я. Я тоже знаю кто ты. Ты тупорылая свинья. Вот докажи, что это не так? Ведь не сможешь* (<https://dzen.ru/a/YfpilwjaNCUpO4us>). Как было указано выше, введение новой информации и последующий отказ от предоставления источника приводят к заугуханию дискуссии – предоставленная ветка комментариев, несмотря на экспрессивный потенциал, не получила развития.

Средства реализации возражения в поле вовлеченности частично совпадают с полем вовлечения: вопросы – *Pilcrow Sign: Оливер Лодж почему не упомянут?* (<https://dzen.ru/a/YJQ3VqX4cCax8-WW>); сопоставительные конструкции – *Игорь Медведев: Если бы кроме украденных схем у Макарони что-то было бы, то он в 1900 году обязательно участвовал бы в Парижской международной выставке. Но этого вора там не было, а Попов за свой приёмник там получил золотую медаль!* (<https://dzen.ru/a/YJQ3VqX4cCax8-WW>)). Однако самым частотными средствами выражения возражения оказываются введение новой информации, фактов, столкновение авторской позиции с новым знанием: *А. В. Прокопенко: Попов изобрёл и продемонстрировал «грозоотметчик», который в Центральном музее связи до сих пор хранится. Но вовсе никакое не «радио»* (<https://dzen.ru/a/Xq2pbuybxEsnaabU>), *И.М.К.: факт штука упрямая. А факт состоит в том, что Попов повторил опыт Лоджа по передаче и приёму сообщения с помощью радио и потому категорически не может считаться его изобретателем* (<https://dzen.ru/a/Xq2pbuybxEsnaabU>). В деструктивных возражающих речевых действиях возражение может быть выражено с помощью экспресsem, а том числе инвектив: *Владимир Т.: Вадим-ЧУЧЕЛО, ты уже изучил ИСТОРИЮ*

или куришь первую страницу Букваря. Просвети нас неразумных в тайнах этого мира. Интересно какой университет ты окончил? Гарвардско-кислородищенский? Тупорылый, ещё тебе много радости доставит подключение лампочки к батарейке, займись!
(<https://dzen.ru/a/Xq2pbuybxEsnaabU>).

В целом в поле вовлеченности возражение представлено значительно шире, чем в поле вовлечения. Разнообразие коммуникативных намерений комментаторов приводит к разнообразию типовых целеустановок, характеризуемых разными способами выражения модальности возражения. Тем не менее участники стремятся к высокому уровню научной дискуссии, сопровождают свои реплики аргументами, а снижение тональности наступает только в результате длительной неплодотворной полемики.

Выводы

На основании проведенного анализа мы можем сформулировать специфику выражения возражения, характерную для разговора об истории науки в целом. Возражение в данной траектории конструктивно, нацелено на поиск и защиту истины, что соответствует задачам научно-популярной коммуникации. Значительное разветвление гипермедиа текста обусловлено спецификой диктума, которая заключается в наличии дотекстового ожидания (вызванного тем фактом, что историю науки нельзя назвать строго «новым знанием» – некоторые факты из рассказа уже известны широкому кругу читателей из школьной программы, аудитория обладает сложившимся мнением о предмете освещения). Это свойство «нацеливает авторов комментариев на квалификацию других участников диалога (в том числе автора обсуждаемой публикации) как “своих” или “чужих”, и это обстоятельство существенным образом определяет модус высказываний комментаторов»¹⁷⁷. Различия же между полями в гипермедиа тексте рассказа об истории науки заключаются в наличии большего репертуара целеустановок и средств выражения возражения в поле вовлеченности.

ЛИТЕРАТУРА

Голев Н. Д., Ким Л. Г. Диктумно-модусный плюрализм виртуального диалогического дискурса (на материале интернет-комментариев) // Медиалингвистика. 2023. № 1(10), С. 4–26. URL: <https://medialing.ru/diskursivnaya-kartina-mira-konvergentnogo-radio-aspekty-aksiologicheskogo-modelirovaniya/>

Дускаева Л. Р. Направления популяризации науки в массмедиа // Медиалингвистика. Вып. 10. Язык в координатах массмедиа : мат-лы VII Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 28 июня – 1 июля 2023 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. СПб., 2023 С. 219–223.

Дускаева Л. Р., Иванова Л. Ю. Гипертекст одной новости в медиалингвистическом преломлении // Южнославянский филолог. 2022. № 1. С. 79–101.

¹⁷⁷ Голев Н. Д., Ким Л. Г. Диктумно-модусный плюрализм виртуального диалогического дискурса (на материале интернет-комментариев) // Медиалингвистика. 2023. № 1(10), С. 4–26. URL: <https://medialing.ru/diskursivnaya-kartina-mira-konvergentnogo-radio-aspekty-aksiologicheskogo-modelirovaniya/>

Иванова Л. Ю. Вариативность смысловых компонентов негации в Telegram-каналах о науке // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой, отв. ред. Ю. М. Коняева. СПб., 2022. С. 144–149.

Ильина И. Н. Популяризация российской науки и культуры (Наука и СМИ) // Документальное наследие России: теория и практика сохранения и использования научных фондов. URL: <https://www.arran.ru/bookreader/publication.php?guid=73E2F0C7-D4E2-427D-B135-32EAF39AF1BF&ida=1&kod=9#page/1/mode/lup>

Кулажко С. А. Жанры сетевого общения // Медиалингвистика в терминах и понятиях: Словарь-справочник / Под ред. Л. Р. Дускаевой. М., 2018. С. 370–374

Прокофьева Н. А. Речевые практики возражения в диалогическом научно-популярном тексте // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой, отв. ред. Ю. М. Коняева. СПб., 2022. С. 150–160.

Романова Т. В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. Нижний Новгород, 2008.

Тан Ч. Информационная структура научно-популярного очерка (на материале очерков на тему природы в журнале «Наука и жизнь» // Мир русского слова. 2021. № 3. С. 67–72.

Глава 3. Речевые приемы организации полемики в медиа

Е. А. Щеглова

Лексические средства полемического изложения¹⁷⁸

Полемика в современном научно-популярном дискурсе

Очевидно, что возражение заложено в самой природе научного знания: приращение нового невозможно без осмысления старого – его опровержения, отрицания, уточнения отдельных аспектов, сомнения в истинности какого-либо положения в целом или частично: «именно возражения, критические замечания, исправления, уточнения и критические оценки истинности суждений стимулируют развитие и углубление научных концепций»¹⁷⁹. В современном мире стены лаборатории стали прозрачными, а вместе с этим «тезис о “непосвященных профанах” (общество неспособно понять сложность научной работы) тоже ушел в прошлое»¹⁸⁰. Такое положение вещей имеет несколько очевидных последствий. С одной стороны, вся совокупность просветителей и популяризаторов способствует «большей включенности науки в контекст современного общества»¹⁸¹. С другой стороны, размываются собственные границы экспертности¹⁸² и профессионализма, что в свою очередь приводит к своеобразной драматизации научно-популярного дискурса – роста его дискуссионности и (ещё в большей степени) полемичности.

Как отмечают исследователи, полемика, являясь разновидностью спора, при этом существенно отличается от дискуссии. Последняя всегда предполагает совместный поиск общей позиции – объединение разных точек зрения. Полемика же направлена на утверждение одной из противопоставленных позиций¹⁸³. Из этого следует, что полемика – это спор, всегда направленный на победу, а значит, это спор о ценностных смыслах, об утверждении одних оценок (собственных) и отрицании других (принадлежащих противоположной стороне)¹⁸⁴. Очевидно, это и будет основным фактором формирования речевого оформления полемического изложения.

¹⁷⁸ Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФ: проект № 22-18-00184 «Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакommunikации»

¹⁷⁹ Арутюнова Н. Д. Коммуникативная реакция на истинностное значение высказывания другого // Логический анализ языка: ассерция и негация. М., 2009. С. 5.

¹⁸⁰ Загидуллина М. В. Коммуникативные практики научного сообщества в аспекте медиатизации науки // Журналистика – медиалогия – наставничество. Минск, 2021. С. 294–295.

¹⁸¹ Рысакова П. И. Стратегии научной популяризации в цифровой медиасреде // Медиалингвистика. 2022. № 9(4). С. 316.

¹⁸² Каминская Т. Л., Ерохина О. В. Экспертный медиаконтент: создание и использование в современных медиа // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. № 1. С. 24–40.

¹⁸³ Ивин А. А., Никифоров А. Л. Полемика // Словарь по логике. М., 1998. С. 269–270.

¹⁸⁴ Полемика // Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М., 2004.

Лексика как ресурс полемического изложения

В качестве отправной точки исследования мы опираемся на положение о том, что научно-популярный дискурс отличается ориентацией акторов на повышение диалогического тонуса (термин Л. Р. Дускаевой). При этом эта диалогичность (учитывая непримиримость позиций участников коммуникаций, разницу в их научном опыте и различия апперцептивной базы) часто носит именно полемический, а не дискуссионный характер. Анализ лексических средств проводится с применением как традиционного лексико-семантического анализа, так и с использованием принятых в медиалингвистике подходов к изучению медиадискурса (в том числе праксиологический анализ¹⁸⁵). Цель исследования – не просто провести инвентаризацию используемых в научно-популярном полемическом изложении ресурсов лексической системы языка, но рассмотреть словоупотребление как дискурсивную практику.

Возражение, как «познавательльно-коммуникативное действие, детерминируемое большим числом когнитивных и коммуникативных факторов»¹⁸⁶, буквально встраивается в структуру коммуникативного взаимодействия, становится его основой в научно-популярном сетевом дискурсе¹⁸⁷. Таким образом, это не просто ответная реакция в диалогическом цикле, но дискурсивная практика, ответ на множество предшествующих, а иногда и последующих текстов, входящих в гипермедиатекст одной темы. В такой ситуации подход к описанию лексических средств, соответствующих коммуникативному действию возражение, должен быть принципиально иным. Так, не подлежит сомнению необходимость объединения семасиологического (от знака к смыслу) и ономасиологического (от смысла к знаку) при изучении лексики для речевых действий¹⁸⁸. С нашей точки зрения, в качестве структурирующего лексические ресурсы начала можно использовать номинативные цепочки. Об изучении номинативных или текстовых цепочек как текстовой категории для выявления основных свойств текста¹⁸⁹ или типа текстов¹⁹⁰, или совокупности текстов одного стиля¹⁹¹ в науке говорят давно. Обсуждалась и проблема изучения таких цепочек по отношению к медиатекстам и их жанровых разновидностям¹⁹². Однако с развитием медиалингвистики стал очевидным тот факт, что номинативные цепочки не

¹⁸⁵ Дускаева Л. Р. Векторы праксиологического анализа в медиалингвистике // Медиалингвистика. 2009. № 6 (1). С. 4–18.

¹⁸⁶ Дускаева Л. Р. Речевые практики возражения в текстообразовании научно-популярной медиакommunikации // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации. СПб., 2022. С. 98.

¹⁸⁷ Вывоцева Е. В. Распространение научного знания в интернет-пространстве: коммуникативный ресурс возражения // Знак. 2023. № 1(17). С. 38–45.

¹⁸⁸ Богданова Л. И. Стилистика русского языка и культура речи. Лексикология для речевых действий. М.: Флинта, 2016.

¹⁸⁹ Иванова Е. М. Функционально-семантическая характеристика текстовых номинативных цепочек и блоков номинативных цепочек в повести Михаила Булгакова «Собачье сердце»: дисс. ... к. филол. н. Санкт-Петербург, 1993.

¹⁹⁰ Ширинкина М. А. Типология тематических номинаций в деловой переписке // Социо- и психолингвистические исследования. 2018. № 6. С. 95–101.

¹⁹¹ Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990.

¹⁹² Редькина Т. Ю. Кореференция // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. М., 2019. С. 139–142.

просто организуют связность внутри отдельно взятого текста, но их элементы становятся связующей основой в дискурсивной практике медиа. В дискурсе такие номинативные цепочки приобретают динамику, становятся средством продвижения развивающейся смысловой позиции акторов. Именно обращение к номинативным цепочкам как дискурсивной категории даёт возможность понять, как функционально встраиваются в дискурс другие системные отношения в лексике. В такой логике и будет написана наша глава.

В качестве эмпирического материала для исследования нами были отобраны гипермедiateксты научно-популярной тематики, связанные с лингвистикой и медициной (всего около 50 текстов вместе с сопровождающими их комментариями пользователей). Такой выбор не был случаен, поскольку именно эти тематические области, во-первых, традиционно привлекают большое количество участников обсуждения, во-вторых, эти участники без учёта степени реальной своей осведомлённости уверены в собственной экспертной непогрешимости. Последнее связано и с исторически сложившейся в России низкой степенью доверия к научному знанию, в целом, и с уверенностью в бесполезности филологов и некомпетентности медиков, в частности. Нужно отметить, что в современных исследованиях часто говорится о принципиальной неготовности аудитории воспринимать истинное научное знание, различать идеи научные и антинаучные¹⁹³. Это хорошо видно на примере как раз медицинского и лингвистического научно-популярных дискурсов. Чтобы убедиться в справедливости этого утверждения, можно вспомнить споры, возникающие вокруг всех попыток реформирования русского языка¹⁹⁴ или вокруг проблемы вакцинации против коронавируса¹⁹⁵. Неудивительно, что в основе таких гипермедiateкстов лежит полемическое изложение.

Номинативные цепочки в репрезентации смысловых позиций акторов в дискурсе

Смысловая позиция участников в полемическом диалоге становится понятной при семантическом анализе составных элементов номинативных цепочек. Основным строительным материалом таких цепочек становятся синонимы и перефразы ключевой номинации гипермедiateкста, передающей предмет спора. Синонимы выступают в своей прагматической функции –

¹⁹³ См., например: Шаяхметова Л. А. Лженаука: философский взгляд // Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2. С. 31–36; Fackler A. When Science Denial Meets Epistemic Understanding Fostering a Research Agenda for Science Education // Science & Education. 2021. № 30. С. 445–461.

¹⁹⁴ Малышев А. А. Новые правила русской орфографии: взгляд филологов-экспертов с позиции возражения // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 1 (47). С. 46–52; Прокофьева Н. А., Щеглова Е. А. Речевые формы выражения возражения в научно-популярном лингвистическом дискурсе // Современный дискурс-анализ. 2022. № 2 (30). С. 44–52 и др.

¹⁹⁵ Ефремов В. А. Речевое поведение антиваксеров: риторический и юридический аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. № 21(3). С. 90–100; Шилихина К. М. «Ваксеры» и «антиваксеры»: научно-популярный дискурс и конкуренция стратегий убеждения в агональной коммуникации // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации. СПб., 2022. С. 173–183 и др.

«выражение эмоционально-экспрессивной оценки выражаемого явления»¹⁹⁶. Нередко задействованы в дискурсивных номинативных цепочках и родовидовые отношения.

В качестве примера сравним номинативные цепочки двух текстов о «Словаре русского языка коронавирусной эпохи», в которых точки зрения авторов противоположны:

1) *Словарь русского языка коронавирусной эпохи – Словарь чумы XXI века – коллективный труд ≠ научный труд – лингвистическая гнущность* (<https://journal.learnoff.com/83356.html>);

2) *Словарь русского языка коронавирусной эпохи – словарь эпохи ковида – комплексный обед: закуски, первые блюда, вторые блюда, напитки, десерты* (<https://dzen.ru/media/zenmag/kovidiata-golonosiki-i-zumrusalki-vyshel-slovar-russkogo-iazyka-koronavirusnoi-epohi-611e0d90945d7f24e3bb8aef>).

Разница позиций авторов выражается в подборе эквивалентов номинации словарного издания: нейтральное *словарь эпохи ковида* как отрицательное *Словарь чумы XXI века*. Обе номинативные цепочки замыкаются метафорическими перефразами основной номинации, которые также демонстрируют разницу позиций: *лингвистическая гнущность – комплексный обед*. По отношению друг к другу элементы номинативных цепочек вступают в отношения антонимии и/или конверсии (об этом ниже).

Для того чтобы утвердить свою точку зрения, предъявить её неподготовленной аудитории, авторы медицинских каналов повторяют ключевую номинацию, дополняют её разнообразными синонимическими заменами, часть их которых может содержать оценочный компонент в значении, тем самым создаётся изотопическая сетка не просто для отдельно взятого текста, но для дискурса в целом. Так, например, в дискурсе о вакцинации, актуализирующемся в медицинской научно-популярной коммуникации с завидной периодичностью в связи с активным продвижением позиции антиваксеров, помимо многочисленных вариантов номинирования вакцинации и вакцины возникает слово с положительно оценочной коннотацией *защита*. Рассмотрим номинативную цепочку, лежащую в основе текста врача-гинеколога «Вакцинация от ВПЧ: 5 главных вопросов»: *вакцинация от ВПЧ – вакцинация против ВПЧ – вакцина против ВПЧ – ВПЧ-вакцина – защита от ВПЧ*. Последний элемент появляется в самом конце публикации после значительной подготовки аудитории к восприятию точки зрения врача: *защита от ВПЧ хороша, но не абсолютна. Однако по аналогии с другими прививками — привитые хотя и могут заболеть, но у них практически не бывает тяжелого течения заболевания или осложнений* (https://vk.com/bogdashevskaya_oksana?w=wall-211351958_1513). Этот текст – один из многих медицинских текстов о необходимости вакцинации, которые являются ответом на позицию антиваксеров. И эта цепочка номинаций отдельно взятого текста – типизированный ответ им от профессионального

¹⁹⁶ Богданова Л. И. Стилистика русского языка и культура речи. Лексикология для речевых действий. М., 2016. С. 112.

сообщества, а совокупность текстов, содержащих такие типизированные цепочки, становится частью продвигающей знание траектории.

Семантика единиц номинативных цепочек в демонстрации смысловой позиции оппонентов

В номинативные цепочки входят не просто лексемы, образующие тематическую линию текста, но слова, являющиеся выражением узловых смыслов дискурса¹⁹⁷. Показательно, что в рамках обсуждения участники полемики демонстрируют различное понимание одних и тех же ключевых слов. В качестве примера можно привести ключевое для гипермедиа текста о поправках к закону о русском языке слово *реформа* ('преобразование, изменение чего-л.'¹⁹⁸). Нужно сказать, что эта номинация в принципе неоднозначно воспринимается, когда используется по отношению к языку. Носители языка, как правило, настороженно относятся к любым изменениям в языковой системе, считая их порчей. Но, казалось бы, в поправках речь идёт именно о сохранении. Однако авторы некоторых возражающих текстов используют как раз эту лексему с потенциально отрицательно оценочным коннотативным зарядом (ср. *Возможна ли реформа русского языка?* – название поста на канале «Ловец слов» <https://dzen.ru/a/Y26hnl0bsQPutMHQ>).

В то же время официальные СМИ предпочитают в своих новостных материалах использовать нейтральные единицы, такие как *проект, законопроект, закон*. Эту своего рода уловку считают и другие акторы полемики, по-разному реагируя на неё в зависимости от своей позиции: реформа – 'неуместное вмешательство' (*Нельзя людей в массовом порядке заставить использовать одни слова и не использовать другие. Это не только нереально сделать, но и вредно... Так что, видимо, придётся признать, что правы языковеды — реформа языка невозможна* <https://dzen.ru/a/Y26hnl0bsQPutMHQ>); реформа – 'защита, сохранение' (в комментариях можно увидеть коррекцию номинации: *Аккуратная, осторожная очистка русского языка от излишних заимствований с внедрением тщательно подобранных заменяющих слов русского происхождения – никакая не реформа русского языка, а обычная забота о нём, которой занимались Ломоносов и Карамзин и которая должна проявляться постоянно* <https://dzen.ru/a/Y26hnl0bsQPutMHQ>). Можно сказать, что фактически употребление лексемы демонстрирует контекстуальную энантиосемию. Аналогичную ситуацию можно увидеть и в употреблении других слов, несущих опорные смыслы в этой полемике, например, *сохранение, защита* ('запрет' – 'свободное развитие').

Иногда работа авторов с ключевыми словами идёт через негатию. Выше мы наблюдали, как автор полемического текста, включая в номинативную цепочку с отрицанием коллокацию *научный труд* (научный в значении

¹⁹⁷ Щеглова Е. А. Функционирование ключевых слов в новостном медиадискурсе // Проблемы современной русистики. 2019. № 4 (8). С. 53–63.

¹⁹⁸ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стр. М., 1999.

‘основанный на принципах науки, отвечающий требованиям науки’¹⁹⁹ с потенциальной коннотацией ‘внушающий уважение’), фактически отказывает «Словарю русского языка коронавирусной эпохи» в научной значимости: *Вот только не торопитесь относить этот коллективный труд к научному* (<https://journal.learnoff.com/83356.html>).

Антонимия элементов номинативных цепочек

К какой бы из многочисленных трактовок антонимии мы не обратились, при анализе дискурса следует подразумевать расширенное понимание этого лингвистического явления, в основе которого лежит понятие о противоположении²⁰⁰, что по большому счёту относится в том числе и к конверсии. Именно это даёт широкие возможности для применения анонимов в качестве риторического ресурса²⁰¹. Очевидно, что антонимы должны быть одним из основных лексических ресурсов полемического изложения. Действительно, они часто входят в состав номинативных цепочек, предъявляя разницу смысловых позиций оппонентов. Антонимичными являются и оценочные лексические единицы, часто сопутствующие каждому элементу номинативной цепочки. Например, в споре о целесообразности внесения поправок в закон о русском языке можно видеть следующие антонимические пары: *развитие – деградация* (языка), *живой – мёртвый* (язык), *иностраннный – русский* и т. д.: *Не существует «свободное развитие». Бывает свободная деградация. Развитием всегда управляет или Ваня, или Джонни, или Си, или Реджеп и т.д.* (<https://dzen.ru/a/Y26hnl0bsQPutMHQ>). На примере оппозиции *живой – мёртвый* можно увидеть, насколько непримиримы могут быть ценностные позиции оппонентов в полемике. Так, сторонники охранительной позиции иногда доходят до абсурда, фактически признавая в своём желании сделать русский язык мёртвым:

Пользователь 1: *Не развиваются только мёртвые языки, типа латыни. Всё живое развивается и меняется... И я сейчас тоже могу спросить: «Вы хотите, чтобы русский язык стал мёртвым?»*

Пользователь 2: *да я хочу чтобы мой язык был консервативным...* (смягчает это «признание» лишь условная синонимическая замена *мёртвый* = *консервативный*) (<https://dzen.ru/a/Y26hnl0bsQPutMHQ>).

Антонимы в полемическом изложении оказываются и средством воздействия при демонстрации собственной позиции. В этом случае авторы используют антонимическую пару в едином контексте таким образом, чтобы один её элемент воспринимался как единственно верный, а второй был дискредитирован, отрицался: *Врачи просто не умели ее [металлокерамику – Е. Щ.] делать и сочиняли сказки для того, чтобы объяснить пациенту, почему*

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Подберезная Л. И. Подходы к определению понятия «Антоним» в лингвистике // *Философия права*. 2009. № 3. С. 98–102.

²⁰¹ См., например: Кориюкина Е. С. Риторические возможности лексических антонимов // *Вестник ННГУ*. 2011. № 6-2. С. 309–313; Ветрова О. С. Антонимы как лексико-стилистическое и текстообразующее средство языка (на примере произведений Д. С. Лихачева) // *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2016. № 3(12). С. 116–118 и т. д.

пластмассовый съёмный протез лучше, чем металлокерамический мост. А пациенты таким образом пытались оправдать отказ от качественного протезирования в пользу быстрого и дешевого (о вреде пластиковых протезов <https://dzen.ru/a/ZPRTm9ZDrka3dRMz?referrerclid=1400&>). Благодаря оценочным прилагательным *качественный – быстрый, дешёвый*, антонимичными становятся и основные номинации *пластмассовый съёмный протез – металлокерамический мост*.

Чем с большей очевидностью отрицается один элемент антонимической пары, тем с большей определённой устанавливается другой. Взаимозависимость между понятиями, стоящими за лексемами, входящими в антонимическую пару, оказывается в основе воздействия при использовании антонимов: *Зато производство женских половых клеток у девочки окончательно завершается еще до рождения — новых клеток уже точно не будет, а «старые» стремительно расходуются* (о вреде моды на отложенное материнство https://vk.com/bogdashevskaya_oksana?w=wall-211351958_1185)

Лексика оценочной семантики

Как мы уже видели по предыдущим примерам, важным лексическим ресурсом полемики является лексика оценочной семантики с различными значениями – как общеоценочными, так и частнооценочными (в особенности интеллектуальными, нормативными и телеологическими)²⁰². Оценочная лексика дополняет номинативные цепочки, уточняет позицию актора, добавляет изложению эмоциональности и экспрессии: *Этот клинический бред когда-то придумали абсолютно безграмотные люди для оправдания отказа от лечения металлокерамикой* (о вреде пластиковых зубных протезов <https://dzen.ru/a/ZPRTm9ZDrka3dRMz?referrerclid=1400&>). Оценочное прилагательное с наречием, выражающим крайнюю степень интенсивности признака полностью, дискредитирует позицию противоположной стороны. Отдельного упоминания заслуживает оценочная номинация-определитель, квалифицирующая обсуждаемое явление, – *клинический бред*. Подобное обсуждалось выше при обращении к лексике с семантикой несогласия.

Такие дискредитирующие противоположную позицию номинации, которые демонстрирует полную невозможность принятия точки зрения оппонента, характерны для полемики: *Залеплять дырки в зубе без обработки кариозной полости, удаления всех поражённых тканей и подготовки стенок полости разными специальными клеями – абсолютно бессмысленное занятие* (о рекламе пломб для самолечения <https://dzen.ru/a/ZLvSFtY5iWDoLJQ6?referrerclid=1400&>). Иногда, как этом случае, существительное, лежащее в основе номинации-определителя, само по себе оценочного значения не имеет, однако его имеет атрибут – вновь это прилагательное с наречием-интенсификатором. Обратим внимание, что для

²⁰² Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Отв. ред. Г. В. Степанов. М., 1988.

медицинского дискурса особое значение будут иметь лексические единицы со значением утилитарной и телеологической оценки.

Несостоятельность противоположной позиции может быть продемонстрирована с помощью лексики, квалифицирующей отношение автора к реакции на стимул (демонстрации предмета спора оппоненту): *В нашей стране, где лобби антипрививочников весьма значительно, любые вопросы, связанные с вакцинацией, провоцируют дикий хохливар и стоны... Что уж говорить о применении вакцин во время беременности, когда медикаментозную нагрузку принято минимизировать* (о необходимости вакцинации беременных https://vk.com/bogdashevskaya_oksana?w=wall-211351958_1554). Использование в качестве оценочных лексических единиц разговорных и жаргонных элементов, не свойственных как конкретному автору, так и научно-популярному дискурсу в целом, лишь усиливает оценочный потенциал высказывания.

Как уже отмечалось, в номинативные цепочки входят оценочные номинации, выступающие в качестве синонимов к основным. Примечательно, что такие лексические единицы притягивают к себе и другие оценочные лексемы, что поддерживает их собственное оценочное значение: *Петербургские лингвисты сварганили «Словарь чумы XXI века». РАН одобряет. К вопросу об этике в лингвистических исследованиях* (<https://journal.learnoff.com/83356.html>). Употребление глагола *сварганить* (сов. от *варганить* 'делать, готовить что-л.', стилистические пометы «прост. пренебр.»²⁰³) закономерно при выборе в качестве синонимической номинации к названию словаря «Словарь чумы XXI века».

Лексические единицы с семантикой несогласия

В исследовательских работах часто встречается утверждение о том, что в основе языковой формы полемического высказывания лежит лексика с семантикой несогласия²⁰⁴. Однако следует заметить, что такие лексические средства также подчиняются общим закономерностям развёртывания номинативных цепочек в дискурсе. Так, особое, ядерное, положение среди такой лексики занимает, по нашим наблюдениям, лексика негации²⁰⁵: *Нельзя людей в массовом порядке заставить использовать одни слова и не использовать другие. Это не только нереально сделать, но и вредно* (о поправках, внесённых в закон о сохранении русского языка <https://dzen.ru/a/Y26hnl0bsQPuMhQ>). Однако традиционные средства негации не существуют в изоляции и подкрепляются другими лексическими средствами: как в этом случае предикатив *нельзя* и отрицательная части *не* усиливаются и акцентуализируются с помощью антонимической пары

²⁰³ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999.

²⁰⁴ Например: Чернова П. А. Языковая форма и функции полемического высказывания: дисс. ... к. филол. н. Санкт-Петербург, 2009.

²⁰⁵ Щеглова Е. А. Формы возражения в медийном диалоге о новых лексикографических проектах // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации. СПб., 2022. С. 161–172.

использовать – не использовать, одни – другие, а также оценочных наречий *нереально, вредно* вкуче с союзным образованием-акцентуатором *не только... но и...*.

Ситуативно лексикой, выражающей несогласие, могут стать лексические единицы с временным и пространственным значением. Так, в том же гипермедиаексте о поправках к закону для авторов полемических суждений было важно установить сходства и различия настоящей ситуации с предыдущим опытом: *Если с 2005-го года эта статья так и не заработала, я просто не вижу оснований, почему заработает в этот раз. С чего вдруг эта версия законопроекта вдруг станет рабочей? Какие возможности регулирования здесь существуют?* (<https://dzen.ru/a/Y5DK3e4byCm1bakd>). Автор подчёркивает вторичность настоящего положения дел по сравнению с предыдущему, что реализуется с помощью темпоральной лексики в совокупности с усилительными частицами и указательными местоимениями (уже было: *с 2005-го... так и не* – ничего нового: *не вижу... в этот раз, эта версия, вдруг, здесь*).

Экстралингвистические факторы, под воздействием которых складывается гипермедиаекст в каждом конкретном случае, определяет и круг лексики, которая будет дополнительно к лексическим средствам негации выражать несогласие. Например, само содержание поправок к закону о русском языке, касающихся использования иноязычной лексики, «вынуждает» авторов к гипертрофированному использованию синонимических замен заимствованного слова на русскоязычное: *Лингвисты или, если использовать русский аналог, языковеды категорически отвечают — нет* (<https://dzen.ru/a/Y26hnl0bsQPutMHQ>). Или демонстрировать возражающую позицию, показывая несостоятельность подобных замен: *Если мы говорим о Московской Думе, например, то раньше депутаты назывались там гласными. Но является ли сегодня «гласный» в значении «депутат» общеупотребимым? Наверное, нет* (<https://dzen.ru/a/Y5DK3e4byCm1bakd>).

В медицинском дискурсе важно показать адресату разницу между расхожим медицинским заблуждением и доказанным медицинским фактом, отсюда использование лексики и фразеологии с соответствующими значениями (*байка, сказка, старая песня, легенда, заблуждение, иллюзия* и под.): *Ну и вишенкой на торте является старая добрая байка о том, что металлокерамика — тяжёлая, зубы не выдерживают ее тяжести и расшатываются... Поэтому когда мне начинают петь в тысячу первый раз эту песню про «тяжёлые мостики», меня уже даже не тошнит, а просто выворачивает наизнанку!* (блог врача-стоматолога https://dzen.ru/a/ZPRTm9ZDrka3dRMz?referrer_clid=1400&); *Часто приводят аргумент, дескать, «в Европе все рожают после сорока, и ничего», но отсутствие проблем за бугром — не более чем распространённая иллюзия* (блог гинеколога https://vk.com/bogdashevskaya_oksana?w=wall-211351958_1185). Дополняют возражение и эмоционально-экспрессивные средства: например, фразеологизм *вишенка на торте*, синонимы,

используемые в противительной конструкции в функции усиления, уже даже не тошнит, а просто выворачивает наизнанку.

Выводы

Современная научно-популярная коммуникация немислима без полемического изложения как в силу свойств самого предмета речи – научного знания, так и вследствие изменений свойств этой коммуникации – состав и количество акторов, технологические особенности распространения информации и пр. Полемичность экстралингвистически обусловлена невозможностью примирения позиций участников, несоответствием их ценностных систем. Отсюда и особенности отбора лексики при речевой демонстрации своей позиции оппоненту.

Как показало наше исследование, арсенал лексических средств, выстраивающих полемическое изложение, шире, чем принято полагать. Он не ограничивается исключительно лексикой с семантикой несогласия. В основе полемического изложения лексические средства, имеющие текстообразующую функцию, и шире – способные выстраивать дискурсивные связи. Мы предлагаем для описания возражения как коммуникативного действия использовать понятие номинативной цепочки, расширив его за пределы текстовой категории и сделав категорией дискурсивной, а следовательно, динамически развёртывающейся вместе с дискурсом. Такие номинативные цепочки как структуры более высокого уровня организуют традиционно выделяемые системные связи лексических единиц – синонимы, антонимы, гипонимы и гиперонимы, сочетаемость. Отслеживание самих номинативных цепочек в совокупности образующих их лексических элементов и сопутствующих им лексических средств (лексика оценочной семантики и семантики несогласия) поможет выявить линии продвижения знания в медиадискурсе, а также – в перспективе – влиять на траектории этого продвижения.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Коммуникативная реакция на истинностное значение высказывания другого // Логический анализ языка: ассерция и негация. М., 2009. С. 5–10.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Отв. ред. Г. В. Степанов. М.: Наука, 1988.

Богданова Л. И. Стилистика русского языка и культура речи. Лексикология для речевых действий. М.: Флинта, 2016.

Ветрова О. С. Антонимы как лексико- стилистическое и текстообразующее средство языка (на примере произведений Д. С. Лихачева) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2016. № 3(12). С. 116–118.

Вывроцева Е. В. Распространение научного знания в интернет-пространстве: коммуникативный ресурс возражения // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 1(17). С. 38–45.

Дускаева Л. Р. Векторы прагматического анализа в медиалингвистике // Медиалингвистика. 2009. № 6(1). С. 4–18.

Дускаева Л. Р. Речевые практики возражения в текстообразовании научно-популярной медиакommunikации // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации. СПб.: Медианапир, 2022. С. 94–108.

Ефремов В. А. Речевое поведение антиваксеров: риторический и юридический аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. № 21(3). С. 90–100.

Загидуллина М. В. Коммуникативные практики научного сообщества в аспекте медиатизации науки // Журналистика – медиалогия – наставничество. Минск, 2021. С. 294–295.

Иванова Е. М. Функционально-семантическая характеристика текстовых номинативных цепочек и блоков номинативных цепочек в повести Михаила Булгакова «Собачье сердце»: дисс. ... к. филол. н. СПб., 1993.

Каминская Т. Л., Ерохина О. В. Экспертный медиаконтент: создание и использование в современных медиа // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. № 1. С. 24–40.

Корокина Е. С. Риторические возможности лексических антонимов // Вестник ННГУ. 2011. № 6-2. С. 309–313.

Мальшев А. А. Новые правила русской орфографии: взгляд филологов-экспертов с позиции возражения // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 1(47). С. 46–52.

Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990.

Подберезная Л. И. Подходы к определению понятия «Антоним» в лингвистике // Философия права. 2009. № 3. С. 98–102.

Прокофьева Н. А., Щеглова Е. А. Речевые формы выражения возражения в научно-популярном лингвистическом дискурсе // Современный дискурс-анализ. 2022. № 2(30). С. 44–52.

Редькина Т. Ю. Кореференция // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. М., 2019. С. 139–142.

Рысакова П. И. Стратегии научной популяризации в цифровой медиасреде // Медиалингвистика. 2022. № 9(4). С. 309–329.

Словарь по логике. М., 1998.

Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999.

Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М., 2004.

Чернова П. А. Языковая форма и функции полемического высказывания: дисс. ... к. филол. н. Санкт-Петербург, 2009.

Шяхметова Л. А. Лженаука: философский взгляд // Вестник ПГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2. С. 31–36.

Шилихина К. М. «Ваксеры» и «антиваксеры»: научно-популярный дискурс и конкуренция стратегий убеждения в агональной коммуникации // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации. СПб., 2022. С. 173–183.

Ширинкина М. А. Типология тематических номинаций в деловой переписке // Социо- и психолингвистические исследования. 2018. № 6. С. 95–101.

Щеглова Е. А. Формы возражения в медийном диалоге о новых лексикографических проектах // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации. СПб., 2022. С. 161–172.

Щеглова Е. А. Функционирование ключевых слов в новостном медиадискурсе // Проблемы современной русистики. 2019. № 4(8). С. 53–63.

Fackler A. When Science Denial Meets Epistemic Understanding Fostering a Research Agenda for Science Education // Science & Education. 2021. №30. С. 445–461.

Введение

Синтаксические особенности экспликации возражения в целом относятся к сфере речевой техники. Категория *возражение* является полифункциональной по своему речевому потенциалу. Возможно, она имеет статус зонтичной категории. Дать одно определение, которое годилось бы на все ситуации научного исследования, вряд ли возможно. В рамках исследования, посвящённого синтаксическим особенностям экспликации возражения, мы формируем представление о содержании категории *возражение* на основе теории диалога М. М. Бахтина, который при анализе текста художественного произведения использует понятие «точка зрения»: «...доминантой при изображении окружающей действительности является та точка зрения, с которой взирает на этот мир герой»²⁰⁷. Точке зрения у Ф. М. Достоевского, творчество которого анализировал М. М. Бахтин, соответствует «цельная позиция личности», поскольку, как пишет М. М. Бахтин, «Достоевский, говоря парадоксально, мыслит не мыслями, а точками зрения, сознаниями, голосами»²⁰⁸. Кроме номинации «точка зрения» как смежные используются «смысловая точка зрения»²⁰⁹, «смысловая позиция»²¹⁰, «смысловая инстанция»²¹¹.

Точка зрения, по М. М. Бахтину, наделяется смыслом только тогда, когда вступает в диалогические отношения с другой точкой зрения: «Диалогическое общение и есть подлинная сфера жизни языка. Вся жизнь языка, в любой области его употребления (бытовой, деловой, научной, художественной и др.), пронизана диалогическими отношениями»²¹².

Что касается экстраполяции идей теории диалогичности М. М. Бахтина в сферу публицистической речи, то одна из наиболее удачных попыток принадлежит Л. Р. Дускаевой. Автор оперирует термином «смысловая позиция» и, что для нас принципиально важно, обращает внимание на диалогичность как собственно диалога, так и медийного монолога: «Непосредственно диалогичность выражается тогда, когда и стимулирующая, и реагирующая смысловые позиции эксплицированы. Так бывает не только в собственно диалогических текстах, но и в монологических»²¹³.

В качестве диалогических единиц медийных текстов мы будем рассматривать диалогические циклы в том понимании, которое вкладывает

²⁰⁶ Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ: проект № 22-18-00184 «Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакоммуникации»

²⁰⁷ Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970 гг. М., 2002. С. 30.

²⁰⁸ Там же. С. 105.

²⁰⁹ Там же. С. 75.

²¹⁰ Там же. С. 95.

²¹¹ Там же. С. 210.

²¹² Там же. С. 205.

²¹³ Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. СПб., 2012. С. 32.

в них Л. Р. Дускаева²¹⁴: «...в цикле отражается фрагмент развертывания речевого взаимодействия»²¹⁵.

В классическом диалоге на первом, поверхностном, смысловом уровне диалогического цикла мы видим две смысловые позиции. Одну занимает первый коммуникатор, вторую смысловую позицию – второй коммуникатор:

– *Если вы один в мире занимаетесь этим червячком, то никто цитировать вас не будет, если вообще вашу статью опубликуют, и все ваши отчетные показатели летят к черту.*

– *Это да, но ведь можно заниматься не просто этим червячком, а провести, например, его сравнение с другими известными червячками, которыми занимаются другие исследователи* (<https://hij.ru/read/23400/>).

Оба коммуникатора являются реальными субъектами речи, каждый из которых имеет свою речевую партию.

Будем называть **возражением** критическую реакцию субъекта речи, занимающего одну смысловую позицию, по отношению к смысловой позиции, которую занимает его собеседник, второй субъект речи. В теории диалогичности медийных текстов Л. Р. Дускаевой такие циклы называются полнокомпонентными²¹⁶.

Легко заметить, что на глубинном уровне в репликах могут быть отмечены и другие, внешние по отношению к участникам диалога, смысловые позиции, такие как, например: *сравнение с другими известными червячками, которыми занимаются другие исследователи*. Степень чёткости идентификации субъектов, занимающих смысловые позиции второго уровня, а следовательно, и возможность их идентификации читателями, может быть различной. Эти смысловые позиции могут быть стопроцентно осознаваемыми, чётко выраженными, но могут быть и такими, какие сможет отметить лишь небольшая, наиболее квалифицированная часть аудитории.

Принципиально важно подчеркнуть, что сам факт наличия таких глубинных смысловых позиций обусловлен принципиальной диалогичностью речемыслительной деятельности, которая проявляется на всех её уровнях: «Диалогические отношения возможны не только между целыми (относительно) высказываниями, но диалогический подход возможен и к любой значащей части высказывания, даже к отдельному слову, если оно воспринимается не как безличное слово языка, а как знак чужой смысловой позиции, как представитель чужого высказывания, то есть если мы слышим в нем чужой голос. Поэтому диалогические отношения могут проникать внутрь высказывания, даже внутрь отдельного слова, если в нем диалогически сталкиваются два голоса (микродиалог, о котором нам уже приходилось говорить)»²¹⁷.

²¹⁴ Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. С. 10.

²¹⁵ Там же. С. 37.

²¹⁶ Там же. С. 101.

²¹⁷ Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970 гг. М., 2002. С. 206.

Глубинные смысловые позиции характеризуются тем, что субъект, их занимающий, не определён и, соответственно, не имеет своей речевой партии. Как следствие, квалифицировать его как возражение с такой же уверенностью, как квалифицируется возражение первого, трудно, или невозможно.

Говоря о возражении, мы должны соотнести его с категорией функциональных типов речи²¹⁸. В отличие от классических базовых функциональных типов речи, таких как описание, повествование или рассуждение, возражение не имеет типовой речевой формы. В зависимости от конкретной речевой ситуации возражение может строиться и в виде комментария, и в виде описания или какой-то другой речевой формы. Возражение как речевое действие квалифицируется как возражение не на основе его соотнесённости с основными функционально-смысловыми типами речи как базовыми типами речемыслительной деятельности. Его специфика определяется особым коммуникативным намерением субъекта речи, суть которого в том, чтобы выразить критическое отношение к предыдущему высказыванию другого субъекта, связанного с ним отношениями диалогического цикла.

Возражение – это коммуникативный статус речевой формы, а не функциональный тип речи, характеризующийся постоянными, свойственными только ему, лексико-грамматическими и семантическими параметрами. По-разному выглядит возражение и в коммуникативно-содержательном плане. Это может быть отрицание, несогласие, опровержение, негативная оценка, протест, отказ и др.

В то же время это разнообразие не означает, что возражение лишено маркёров, отмечающих этот коммуникативный статус высказывания – выражение критического отношения к смысловой позиции, занимаемой другим субъектом в диалогическом цикле. Гипотеза нашего исследования в том и состоит, что такие маркёры существуют. А цель, которую мы ставим перед собой, заключается в том, чтобы выявить синтаксические маркёры возражения и классифицировать их.

Обратим внимание на возражение в монологической речи. Монолог представляет собой речевую партию одного и того же субъекта речи. По мере развития содержания монолога субъект речи может менять смысловые позиции. Эти смысловые позиции принято часто называть точками зрения. Так, Б. А. Успенский в фундаментальном исследовании «Поэтика композиции» анализирует данную категорию в аспекте проблемы композиции, рассматривая «точку зрения» в плане идеологии, фразеологии, психологии, в плане пространственно-временной характеристики²¹⁹. Нас в данной работе точка зрения интересует как знак чужой (по отношению к автору монолога) смысловой позиции.

²¹⁸ Наше понимание этой категории изложено в работе: Коньков В. И. Грамматика медиатекста: морфология речевых действий // Медиалингвистика славянских стран: монография / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой; отв. ред. Л. Ю. Иванова. М., 2020. С. 67–92.

²¹⁹ Успенский Б. А. Поэтика композиции. М., 1970.

Что касается субъектного плана, то чужая точка зрения, с одной стороны, может иметь чётко обозначенного субъекта, которого можно легко идентифицировать по имеющимся в тексте данным:

*Сотрудники Института биологии интеллекта Общества Макса Планка вместе с коллегами из других научных центров Германии и Франции с помощью функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ) и инфракрасной камеры наблюдали за спящими голубями. (Птиц специально тренировали спать, не обращая внимания на аппаратуру вокруг.). В целом, как говорится в статье в *Nature Communications*, то, что происходит в мозге у птиц во время быстрого и медленного сна, похоже на то, что происходит у зверей (<https://www.nkj.ru/news/48230/>).*

С другой стороны, субъект чужой точки зрения (смысловой позиции), появляющейся в монологе, может быть обозначен только в содержательном плане, поскольку текст не содержит формальных данных, позволяющих его точно и однозначно идентифицировать:

*Считается, что в быстром сне, или REM-сне, мозг смотрит сновидения, повторяя в них то, что происходило с индивидуумом наяву. На самом деле сновидения сняты и в медленном сне, но, в общем, сейчас **есть вполне надёжные доказательства, что спящий мозг перебирает в памяти недавние события** (<https://www.nkj.ru/news/48230/>).*

С этой целью достаточно часто используются сложноподчинённые предложения с придаточным изъяснительным. Диалогические циклы, представленные в монологической речи, Л. Р. Дускаева называет свёрнутыми²²⁰.

Говоря о синтаксических маркёрах возражения в диалогических и монологических текстах, в полнокомпонентных и свёрнутых диалогических циклах в сфере научно-популярной медиакоммуникации, мы должны определить границы этой сферы в функционально-речевом аспекте. Выбирая текстовый материал для анализа, мы ориентировались на тексты, в которых основной речевой массив формируются специалистами, профессионально работающими в сфере популяризации научного знания. Это представители той или иной сферы научной деятельности, профессиональные исследователи, или журналисты, работающие в сфере популяризации научного знания.

Отличительной особенностью этих двух типов речевых субъектов является владение научной терминологией той сферы знания, о которой идёт речь в тексте, и, соответственно, наличие специальных знаний.

Очевидно, что учёный и журналист существенно отличаются друг от друга по своему речевому потенциалу. Исследователь несравненно более, чем кто-либо, глубоко владеет терминологией, а характер понимания объекта и предмета исследования существенно превосходят научный потенциал журналиста. В то же время журналист владеет навыками работы с массовой аудиторией и с отдельными её сегментами, он профессионал в сфере воздействующей речи и информационных технологий в медийной среде. Но

²²⁰ Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. С. 38.

при всех этих различиях речевые потенциалы исследователя и журналиста в возражении позволяют опираться на интеллектуальную составляющую в их речевом взаимодействии. Речь идёт о сути дела: о научных объектах, теориях, точках зрения, научном контексте. Поэтому для анализа мы выбирали публикации, ориентируясь на издания классического типа, как, например, журналы «Наука и жизнь», «Наука и химия», независимо от того, существуют ли они в коммуникативной среде традиционных СМИ или в коммуникативной среде Интернета. Анализировались как тексты научно-популярного стиля, так и тексты публицистического стиля, написанные на научную тему.

Совершенно иную коммуникативно-речевую ситуацию мы имеем, если обращаем внимание на комментарии читателей к публикациям обозначенного типа. Если говорить об этих комментариях в плане их содержания, то обсуждение проблемы подменяется бытовым разговором на предложенную тему дилетантского уровня, когда термин прочитывается как общеупотребительное слово. Возражение как интеллектуальный отклик на предшествующее высказывание подменяется выражением эмоциональной реакции на характер публикации в целом, на тему как таковую, на предшествующие реплики другого читателя или, что встречается достаточно часто, на личность читателя или автора. Вот комментарии на форуме журнала к редакционной публикации «Одиноки ли мы во вселенной?» (Наука и жизнь. 2006. № 4; <https://www.nkj.ru/forum/forum7/topic3937/messages/>). Орфография, пунктуация и все прочие особенности авторского текста полностью сохранены.

Гость «rokko» 31.12.2011

, и ты-брут? это я к апологетам взеземного разума. да неужели у тебя не хватает мозгов, чтобы хорошенько ими пошевелить и увидеть-мы одиноки во вселенной! если бы было иначе, то, во-первых, давно был бы снят сам вопрос -одиноки-ли мы во вселенной, но он-то не снят, мать вашу въеб! значит, все-абсолютно все-так называемые факты очевидцев-лохотронная ложь. в том числе и нашумевший, а точнее сказать-дутый-фильм об операции инопланетянина. уже есть опровержение, в к.п. -очень здорово, логически, наглядно показано и доказано, что это не более, чем постановка, что тела этих «марсиан» -мастерски сделанные куклы. здесь напрашивается другой вопрос, не менее сакральный, кому и зачем необходима вся эта ложь? я же и отвечу -миром правит ложь. а точнее, лживые. люди. это они распространяют в сми всякого рода чудеса, начиная с библейских. им это выгодно.

Ему отвечает гость «Байкал» 31.12.2011:

Цитата Гость rokko пишет: мы одиноки во вселенной!

Сильно сказано... Костя-морячок не осмелился «сказать за всю Одессу» - Вы же вещаете за всю Вселенную что «велика и безгранична». Завидую Вашей осведомленности (источником столь сногшибательной информации не поделитесь?). А по мне - то, что ОНИ не не идут с нами на контакт как раз-таки и доказывает их существование. Ибо они умнее и не желают связываться с такими беспределщиками как мы [смайл «широкая улыбка»]

[смайл «широкая улыбка»]. И вообще - с Новым Годом Вас и чтоб мы не были одиноки в космосе и по жизни! Удачи, здоровья и всех благ!

Мы видим, что перед нами совершенно другой тип диалогической речемыслительной деятельности, чем тот, который был описан нами выше в базовых терминах покомпонентного и свёрнутого диалогических циклов, являющихся результатом поставленного аналитического размышления. Здесь мы имеем дело с письменной речью, погружённой в *здесь* и *сейчас*. Теория этого типа письменной речи успешно разрабатывается группой алтайских исследователей под руководством Д. Н. Голева в рамках теории естественной письменной русской речи, базовыми признаками которой являются: «погружение письменной речи в речевую действительность, прямое отражение звукового дискурса, спонтанность письменного мышления»²²¹. Данный текст, неряшливо оформленный в лексико-грамматическом, орфографическом и пунктуационном отношении, содержащий в том числе и ненормативную лексику, является кластическим образцом современной естественной письменной русской речи. Принятый в данной работе подход к анализу возражения в аспекте выявления синтаксических маркёров возражения, к этой разновидности русской речи неприменим.

После краткого теоретического введения попытаемся выявить синтаксические маркёры возражения как в диалогических, так и в монологических текстах.

Экспликация возражения в полнокомпонентных диалогических циклах (диалогический текст)

Ещё раз подчеркнём, что в этом разделе мы рассматриваем возражение в аспекте взаимодействия двух равноправных в структуре коммуникативной ситуации субъектов речи, каждый из которых занимает свою смысловую позицию и имеет свою речевую партию.

В медийной среде коммуникативный статус участников диалога может как быть равноправным, так и существенно отличаться друг от друга. Последнюю ситуацию мы имеем в интервью. Журналист в этом жанре чаще всего воспроизводит чужую точку зрения. Интервьюируемый же обычно – это лицо, имеющее высокий профессиональный статус. Он имеет право на свою точку зрения, свою смысловую позицию.

В самом простом случае возражение маркируется с помощью союза *но*, одного или в сопровождении усилительной частицы.

Мнение – противительный союз НО с конкретизатором ВЕДЬ, подчёркивающим возражение, усилительная частица ЖЕ:

– Так что упадок нынешнего уровня науки во многом объясняется тем, что произошел распад обязательного знания.

²²¹ Голев Д. Н. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 5. С. 16.

– *Но ведь есть же студенты, способные правильно выстроить обучение...* (<https://www.kommersant.ru/doc/3169063>).

Однако анализ исследуемых в этом разделе типов текста показывает, что маркеры возражения представляют собой двуместную конструкцию. Вторая часть маркера возражения, содержащаяся в реплике возражающего, опирается на один из элементов предшествующей реплики.

Вопрос в предшествующей реплике – опорный компонент в возражении, содержащий слово со значением отрицания или его функциональный заместитель:

– Александр Леонидович, каждый день нас информируют о значительном снижении количества заболевших, разрешено не носить маски в общественных местах. **Неужели ковид полностью побеждён?**

– **Нет,** это совсем не так (https://www.nkj.ru/open/43758/?sphrase_id=5353559).

– Проблемы с образованием вы объяснили, а что же современная математическая наука? Она тоже пала жертвой гуманитарных подходов?

– **Нет.** Проблема в том, что математика стала слишком отдаляться от естественных наук, то есть на самом деле от реальности (<https://www.kommersant.ru/doc/3169063>).

– Распознавание изображений... Можете рассказать, как устроена их работа?

– К сожалению, **нет.** До сих пор математического объяснения работе нейронных сетей не существует (<https://www.kommersant.ru/doc/2982428>).

Это слово со значением отрицания в возражении может быть с поверхностного уровня уведено в глубину синтаксической конструкции, например, оно в этом случае размещается не в главной, а в придаточной части сложноподчинённого с придаточным изъяснительным:

Она [машина] сама поняла, как надо, и, если её не остановить, она будет писать текст вечно, не останавливаясь.

– **А есть в этом тексте смысл?**

– Знаете, когда начинаешь читать, то лишь через пару страниц понимаешь, что смысла там **нет**, хотя написано все складно (<https://www.kommersant.ru/doc/2982428>).

Значение отрицания закреплено за словом-предложением *Нет* и отрицательной частицей *не* как элементами языковой системы. Но в речи их функцию могут выполнять и те элементы языковой системы, которые сами по себе не являются носителями значения отрицания, но могут получать его в соответствующем контексте.

– С прививками понятно, а что делать с масками, лучше продолжать носить?

– Как раз наоборот! Если вы защищены вакциной, вы не должны соблюдать эпидограничения, носить маски, по той простой причине, что у вас высокий уровень антител (https://www.nkj.ru/open/43758/?sphrase_id=5353559).

Грубо говоря, любой человек в любой момент времени будет знать, где вы находитесь и что делаете.

– Вы имеете в виду работу спецслужб?

– Ни в коей мере! Это происходит само по себе (https://www.nkj.ru/open/43758/?sphrase_id=5353559).

Были выявлены следующие двухместные маркёры возражения.

Вопрос в предшествующей реплике – **конструкция с актуализированным оценочным компонентом:**

*– Много было разговоров про искусственное происхождение вируса, а сейчас интерес к этой теме подогрелся сообщениями о секретных американских лабораториях. **Что думаете по этому поводу?***

*– Пока не появится человек, который лично стоял со свечой и всё это видел, **все разговоры на эту тему останутся только конспирологическими теориями*** (https://www.nkj.ru/open/43758/?sphrase_id=5353559).

Достаточно часто возражение носит неполный характер. Говорящий частично соглашается с собеседником, но существенно дополняет его.

Двуместный союз НЕ ТО ЧТО... А с повтором лексического компонента.

– И это всерьез изменит работу инженера?

*– **Не то что работу инженера, а** в каком-то смысле может совершенно грандиозным способом изменить картину мира, потому что позволит людям непрофессиональным или не совсем профессиональным делать довольно непростые вещи* (<https://www.kommersant.ru/doc/2982428>).

Неполное возражение

Неполное (частичное) возражение, которое содержит неполное (частичное) согласие, встречается достаточно часто. Ввиду двухчастной смысловой структуры (согласие плюс возражение) неполное возражение обладает повышенной способностью к генерированию последующего текста.

Неполный синтаксический параллелизм с контекстуальными антонимами:

*– **Но все же есть какой-то принцип**, который лежит в основе этих систем?*

*– **Есть некоторый подход**, основанный на работе сетей с большим количеством уровней, которые некоторым таинственным образом умеют тренироваться* (<https://www.kommersant.ru/doc/2982428>).

Контекстуальные синонимы – противительный союз ТОЛЬКО со словом с отрицательно-оценочным значением:

*– Сергей Петрович, ваша статья о том, что серьезный кризис коснулся как образования, так и самой науки, наделала много шума 16 лет назад. **Что изменилось за это время?***

*– **Динамика есть, только она, к сожалению, отрицательная*** (<https://www.kommersant.ru/doc/3169063>).

Реплика стимул – слово-предложение НЕТ с избирательно противительным союзом А ВОТ. Повтор, контекстуальные синонимы:

– *Выходит, американцы решают проблему методом, который чем-то напоминает советскую схему: мехмат МГУ тоже ведь набирал в аспирантуру со всей страны...*

– ***Нет**, в аспирантуру университет брал только тех, кто отучился в МГУ, **а вот** Академия наук (Математический институт им. Стеклова) действительно набирала со всего Союза...*
<https://www.kommersant.ru/doc/3169063>.

Частичному возражению может предшествовать частичное согласие.

Констатация факта – конечно, НО:

– *Но ведь есть же студенты, способные правильно выстроить обучение...*

– ***Конечно, но** в целом суть проблемы – в распространении гуманитарного подхода к физико-математическому образованию*
<https://www.kommersant.ru/doc/3169063>.

Реплика-стимул – противительный союз в неполном возражении:

– *Знаете, сегодня математику не так просто разделить на прикладную и фундаментальную. Сам Андрей Николаевич Колмогоров, ведущий математик второй половины XX века, открыл ворота для громадного количества работ в прикладных областях. <...>*

– ***Тем не менее**, когда говорят о современной прикладной математике, чаще всего в голову приходит так называемая проблема Больших данных...*
<https://www.kommersant.ru/doc/2982428>.

Встречаются довольно значительные по объёму фрагменты, где образуются цепочки из неполных возражений, содержащие более двух компонентов.

– *Понимаете, чтобы стать математиком, **нужно всерьез много что выучить**, а нынешнее поколение **это не устраивает**: наука должна доставлять удовольствие, считают они. [Первый шаг] **Это, без сомнения, так:** должна. **Но** удовольствие не отменяет трудностей. [Второй шаг] Математику, как и теоретическую физику, учить тяжело. Вот это современные ученые делать не хотят.*

– ***Тем не менее** сегодня наука продолжает давать довольно серьезные результаты, в том числе в математике. [Третий шаг] Все знают, например, про доказанную Григорием Перельманом гипотезу Пуанкаре.*

– *Таланты есть, но и они сегодня другие. [Четвёртый шаг] Например, Гриша Перельман опубликовал замечательную работу. Но это всего одна работа! [Пятый шаг] <https://www.kommersant.ru/doc/3169063>.*

Риторические приёмы в ситуациях возражения

В некоторых случаях в полнокомпонентных циклах участники коммуникации делают установку на проявление речевого мастерства,

используя с этой целью отдельные риторические приёмы. Возражение строится с ориентацией на речевой материал предшествующей реплики.

Неполное возражение оформлено как **неполная параллельная синтаксическая конструкция с лексическим повтором**:

– *Растительный леглоббин тоже содержит железо, как и человеческий?*

– *Да, но не просто железо* (<https://hij.ru/read/23400/>).

Синтаксический параллелизм плюс антитеза:

– *А как вы относитесь к научно-техническому прогрессу под названием ГМО?*

– *Я не против ГМО, но я и не супер «за»* (<https://hij.ru/read/23400/>).

Экспликация возражения

в свернутых диалогических циклах (монологический текст)

Свёрнутые диалогические циклы в монологических научно-популярных текстах, которые преимущественно направлены на изложение научного знания, развиты слабо. По крайней мере, такой результат мы получили при анализе небольших по объёму публикаций в журнале «Наука и жизнь». Что, впрочем, не удивительно. Авторами журнала являются преимущественно исследователи, которые в силу природы своего речевого опыта не нацелены на активную речевую работу с аудиторией. Диалогические свёрнутые циклы немногочисленны и незамысловаты.

Более чем какие-либо другие конструкции годятся для обозначения той виртуальной смысловой позиции сложноподчинённые предложения с придаточным изъяснительным. При этом субъект, занимающий эту позицию, часто даётся в очень обобщённом виде. В приводимых ниже примерах мы видим типичную ситуации возражения, которая оформлена двухместным маркёром: сложноподчинённое предложение с придаточным изъяснительным или его функциональный аналог – отрицательное высказывание или противительный союз или их функциональные аналоги.

При этом никто не гарантирует, что степень его инфекционности, то есть возможность передаваться от одного человека к другому, тоже уменьшилась. **Это совсем не так**

(https://www.nkj.ru/open/43758/?sphrase_id=5353559).

Если анализировать сложившуюся ситуацию, то все думали, что мы столкнёмся с чем-то похожим на грипп А. От него есть диагностика, есть вакцины и какое-то лечение. Инфекционисты прекрасно знают симптоматику. Но мы столкнулись с похожим, но совсем другим вирусом со своей клиникой и эпидемиологией. И к этому мы не были готовы (https://www.nkj.ru/open/43758/?sphrase_id=5353559).

Кажется, что усы-вибриссы должны помочь слонам в бережных манипуляциях хоботом. Однако, как пишут в Communications Biology сотрудники Гумбольдтовского университета в Берлине и Лейбницевского

института зоологии и дикой природы, со слововыми вибриссами не всё так очевидно (<https://www.nkj.ru/news/48244/>).

Как известно, птичий мозг заметно отличается от мозга млекопитающих. Тем интереснее оказывается, что физиология сна у птиц и зверей схожа (<https://www.nkj.ru/news/48230/>).

Проверку выполнили **сотрудники Калифорнийского университета в Беркли, которые пишут в Nature, что да, фотосинтез начинается с одного фотона. На самом деле, более корректно тут следует говорить, что одного фотона достаточно для возбуждения светособирающего комплекса** (https://www.nkj.ru/news/48250/?sphrase_id=5776776).

В больших по объёму публикациях со сложными в содержательном плане (наличие различных точек зрения на ту или иную проблему, ситуацию и т. д.) аналитическими построениями, возражение встречается чаще и выглядит более разнообразным.

Вопросительное предложение – отрицательное предложение с вводным словом:

Но все же почему люди стареют, почему не живут полноценной жизнью лет по триста? И можно ли каким-то образом повлиять на процессы старения? К сожалению, исчерпывающих ответов на все эти вопросы пока нет (<https://scfh.ru/papers/dolgoletie-ot-fantaziy-k-tekhnologiyam-prodleniya-zdorovoy-zhizni/>).

Вопросительное предложение – отрицательное предложение с вводным словом:

Почему закон Гомпертца – Мейкхэма не работает после 80 лет? Кстати сказать, на самом деле никто точно не знает, отказывает он или нет (<https://scfh.ru/papers/dolgoletie-ot-fantaziy-k-tekhnologiyam-prodleniya-zdorovoy-zhizni/>).

Три смысловые позиции, каждая из которых выражена сложноподчинённым предложением с придаточным изъяснительным:

Есть подозрения, что начиная с 1950-х гг. вероятность смерти для очень старых людей стала уменьшаться, но статистики до сих пор спорят, действительно ли это так. В любом случае очевидно, что для надежного анализа кривых выживания нужно иметь очень много данных (<https://scfh.ru/papers/dolgoletie-ot-fantaziy-k-tekhnologiyam-prodleniya-zdorovoy-zhizni/>).

Констатация факта – отрицательное предложение с союзом ОДНАКО:

Существует много легенд о людях, которые якобы жили сотни лет. Однако информация о проживших более 120 лет не подтверждена надёжными документами (<https://scfh.ru/papers/dolgoletie-ot-fantaziy-k-tekhnologiyam-prodleniya-zdorovoy-zhizni/>).

Четыре смысловые позиции: *некоторые; биохакеры и продавцы «волшебных» препаратов; самый простой и весомый аргумент; вторая*

теория. Два сложноподчинённых предложения с придаточным изъяснительным, отрицательное предложение:

Некоторые верят, что старение – не случайный, а запрограммированный процесс. <...> **Эту теорию очень любят биохакеры и продавцы «волишебных» препаратов, обещающие бессмертие уже сегодня, но не ученые. Самый простой и весомый аргумент против нее – тот факт, что примеры отказов такой программы неизвестны.** <...> **Вторая теория, более правдоподобная, предполагает, что старение вызывается накоплением повреждений биомолекул и клеточных структур в результате воздействия множества повреждающих факторов** (<https://scfh.ru/papers/dolgoletie-ot-fantaziy-k-tekhnologiyam-prodleniya-zdorovoy-zhizni/>).

Представляет интерес инверсия возражения в структуре свёрнутого диалогического цикла. Сначала идет возражение, а затем уже то, чем оно обусловлено. При этом маркёры возражения самые традиционные: вопросительное предложение и сложноподчинённое с придаточным изъяснительным:

Но есть ли на молекулярном или клеточном уровне мишени, особенно чувствительные к старению?

В конце прошлого века многим казалось, что на эту роль подходят теломеры, особые участки на конце хромосом, которые утрачиваются после определенного числа клеточных делений (<https://scfh.ru/papers/dolgoletie-ot-fantaziy-k-tekhnologiyam-prodleniya-zdorovoy-zhizni/>).

Предложение с вводным словом, указывающим на источник сообщения – предложением с противительным союзом НО и отрицанием:

Китайский супердолгожитель Ли Цинъюнь прожил около 250 лет, судя по его собственным утверждениям о месте и годе рождения, но этому нет документальных подтверждений (<https://scfh.ru/papers/dolgoletie-ot-fantaziy-k-tekhnologiyam-prodleniya-zdorovoy-zhizni/>).

Возражение может вводиться только одним **сложноподчинённым с придаточным изъяснительным:**

Молодые же мышцы, получавшие кровь от старых, дряхлели и жили недолго – они явно страдали от чего-то, находившегося в старческой крови.

Критики обратили внимание на то, что сам по себе такой эксперимент в принципе не является простым обменом кровью (<https://scfh.ru/papers/dolgoletie-ot-fantaziy-k-tekhnologiyam-prodleniya-zdorovoy-zhizni/>).

Возражение может вводиться **только одним союзом:**

Примером может служить компания Alkahest, основанная нейробиологом из Стэнфорда Т. Уисс-Кореом, которая работает над созданием средств для лечения болезней Альцгеймера, Паркинсона и послеоперационных нарушений работы мозга на основе фракций белков плазмы крови молодых доноров. Правда, убедительных данных о действенности такой плазмы против возрастных заболеваний пока нет

(<https://scfh.ru/papers/dolgoletie-ot-fantaziy-k-tekhnologiyam-prodleniya-zdorovoy-zhizni/>).

Маркёрами являются два сложноподчинённых предложения с придаточным изъяснительным вместе с антонимами **ДАВНО** и **СЕЙЧАС**:

Давно подмечено, что повышенная физическая активность благоприятно сказывается на здоровье моза и регенерации мышц вне зависимости от возраста. *Сейчас* ученые проверили, может ли этот эффект быть связан с изменением содержания в крови каких-либо белков (<https://scfh.ru/papers/dolgoletie-ot-fantaziy-k-tekhnologiyam-prodleniya-zdorovoy-zhizni/>).

Маркёры возражения: предложение, указывающее на субъект первой смысловой позиции – отрицательное предложение:

Возглавляющая компанию Э. Пэрриш в апреле 2016 г. наделала много шума, объявив о проведенном над собой эксперименте. <...> Итоги пока не впечатляют: судя по изображениям Пэрриш «до и после», омоложение достигнуто косметикой и фотошопом... (<https://scfh.ru/papers/dolgoletie-ot-fantaziy-k-tekhnologiyam-prodleniya-zdorovoy-zhizni/>).

Маркёры возражения: предложение, указывающее на субъекты первой смысловой позиции – противительный союз **ЖЕ**:

*Ученые любят сообщать о своих победах, а журналисты любят сенсации. Так и возникают броские заголовки: «Ожидается создание эффективных геронпротекторов для человека!», «С помощью нового подхода увеличили жизнь червям в 10 раз!» **В действительности же** радоваться могут разве что червяки* (<https://scfh.ru/papers/dolgoletie-ot-fantaziy-k-tekhnologiyam-prodleniya-zdorovoy-zhizni/>).

Маркёры возражения: два сложноподчинённых предложения с придаточным изъяснительным и противительный союз **ВСЁ ЖЕ**:

*На сегодня всем ясно, что универсального средства от старости в ближайшее время придумать не получится. **И все же есть те, кто уверен, что** жизнь человека можно научиться значительно продлевать уже сейчас* (<https://scfh.ru/papers/dolgoletie-ot-fantaziy-k-tekhnologiyam-prodleniya-zdorovoy-zhizni/>).

Маркёр возражения – противительный союз НО:

*Сейчас медики могут долгое время сохранять жизнь тяжело болеющим и страдающим людям, **но** гуманно ли это?* (<https://scfh.ru/papers/dolgoletie-ot-fantaziy-k-tekhnologiyam-prodleniya-zdorovoy-zhizni/>).

Свёрнутые циклы в диалогическом тексте

Рассмотрим свёрнутые циклы в диалогическом тексте. Автор формирует виртуальную смысловую позицию большей частью с целью более убедительного воздействия на слушателя или читателя. Воспользуемся для анализа данной разновидности возражения текстом интервью Т. В. Черниговской «Номо semioticus – человек, порождающий смыслы»,

опубликованном на сайте «Научная Россия» (13.09.2022. <https://scientificrussia.ru/articles/homo-semioticus-celovek-porozdausij-smysly-intervu-s-tatanoj-cernigovskoj>).

Анализируя речь Т. В. Черниговской в плане формирования содержания текста, мы сразу же сталкиваемся с тем, что в грамматике называется противопоставлением и сопоставлением. Чтобы и то и другое могло быть квалифицировано как возражение, необходимо наличие двух смысловых позиций, соотносимых с разными речевыми субъектами, неважно, реальные ли они или виртуальные. Главное, чтобы они были обозначены, чтобы их можно было квалифицировать, как это имело место в предыдущих разделах нашей работы.

Работая в сфере популяризации научного знания преимущественно с устной речью, Т. В. Черниговская постоянно отходит от классического речемыслительного канона возражения. Её текстовое «я» часто не равно реальному «я» автора, а конструируется в своих очертаниях таким образом, чтобы успешно воздействовать на слушателя в данной конкретной коммуникативной ситуации:

Суть возражения, если иметь в виду особенности речемыслительной деятельности Т. В. Черниговской, состоит в исключении варианта, когда правомерна лишь одна из смысловых позиций. Её возражение говорит нам о том, что возможна и другая смысловая позиция, которая вовсе не является отрицанием первой, а является другим взглядом на суть дела, демонстрирует сложность устройства окружающего нас мира:

Я не могу влезть вам в голову и узнать, о чем вы думаете. С другой стороны, у людей есть множество способов это показать. Творчество, наука, письменность, набор символических систем дают нам инструменты, с помощью которых другие люди могут нас понять.

Здесь две смысловые позиции: субъект первой представлен словом Я, субъект второй – словом ЛЮДИ. Формально отношения между ними представлены вводным словом С ДРУГОЙ СТОРОНЫ. Это вводное слово является функциональным заместителем союза НО, о чём говорит тот факт, что во фрагменте отсутствует обязательное С ОДНОЙ СТОРОНЫ. При этом мы видим, что субъект ЛЮДИ включает в свой объём субъект Я. Возражение содержательно является не критическим отношением к первой смысловой позиции, а дополнительным взглядом на обсуждаемую ситуацию.

Аналогичный в плане нетрадиционного истолкования возражения пример:

Мы можем лишь предположить, что у курицы мозг небольшой, а значит, и не очень сложный. Следовательно, курица вряд ли обладает воображением. Но в действительности подтвердить или опровергнуть это мы не в состоянии.

Первое МЫ представляет смысловую позицию и субъекта речи из мира гипотетического, второе МЫ – смысловую позицию и субъекта речи из мира реального. Смысл возражения опять-таки состоит в том, что возможен и тот и

другой вариант истолкования общеизвестного факта. При этом, заметим, формальные показатели возражения здесь те же, что были отмечены нами ранее: сложноподчинённое предложение с придаточным изъяснительным и его функциональный заместитель, противительный союз НО.

Выводы

Возражение в полнокомпонентных и свёрнутых диалогических проанализировано на основе жанров интервью и аналитическая статья. Как самостоятельный жанр анализировались также комментарии пользователей.

Установлено, что существуют синтаксические маркёры возражения. Практически все они носят двуместный характер. Наиболее часто встречаются следующие маркёры: вопросительное предложение – конструкция с отрицательным значением; сложноподчинённое предложение – конструкция с отрицательным значением.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970 гг. М., 1963.

Голев Н. Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 5. С. 12–30.

Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. СПб., 2012.

Коньков В. И. Грамматика медиатекста: морфология речевых действий // Медиалингвистика славянских стран: монография / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой; отв. ред. Л. Ю. Иванова. М., 2020. С. 67–92. (Серия «Язык в координатах массмедиа»)

Успенский Б. А. Поэтика композиции. М., 1970.

Экспликация коммуникативных сценариев возражения в онлайн-диалоге²²²

В научно-популярной коммуникации диалог строится на столкновении старого (устоявшегося) и нового, известного (входящего в область интересов) и неизвестного (расширяющего знаниевый диапазон коммуниканта), достоверного (подтвержденного экспертами) и недостоверного (опирающегося на неполные или неподтвержденные данные). Результатом такого столкновения становится возражение как «коммуникативное сопротивление информации»²²³, которое эксплицируется в различных формах. Становится очевидным, что возражение предполагает не только «выражение несогласия с чем-либо»²²⁴, но и мотивированность, обоснованность такого несогласия, что проявляется в приведении опровергающих доводов. Это диктует необходимость изучения, в первую очередь, языковых средств репрезентации возражения²²⁵, позволяя описать лексико-грамматическое своеобразие высказываний и текстов, содержащих возражения.

Опыт изучения научной литературы демонстрирует устойчивый интерес исследователей к различным аспектам возражения. В первую очередь, раскрывается содержание и объем понятия, в связи с чем возражение предстает как отдельное высказывание – коммуникативный ход, выражающий оценку другого высказывания²²⁶, как особая форма организации высказываний или текстов – речевой жанр²²⁷, как самостоятельное действие, отражающее намерение адресанта, – речевой акт²²⁸, а также как дискурсивное событие, включающее иницирующие и реактивные речевые действия²²⁹. Остается

²²² Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ: проект 22-18-00184 «Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакоммуникации».

²²³ Диалог-спор в научно-популярной коммуникации: коллективная монография / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой, отв. ред. Ю. М. Коняева. СПб., 2022. С. 98.

²²⁴ Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. М., 1999.

²²⁵ Любимова Н. С. Особенности языковых средств репрезентации речевого жанра «возражение» // Вопросы лингвистики и литературоведения. 2009. № 3. С. 4–10; Щеглова Е. А. Лексические средства возражения в дискуссии о сохранении русского языка // Медиалингвистика: Материалы докладов участников VII Международной конференции. СПб., 2023. С. 282–287.

²²⁶ Саенко О. А. Коммуникативный ход возражения в современном французском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005.

²²⁷ Кнорц О. В. «Возражение» в кругу близких речевых жанров: интегральные, дифференциальные признаки и особенности функционирования // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2019. № 1(5). С. 71–76; Любимова Н. С. К вопросу о речевом жанре «возражение» в современном русском языке // Вопросы лингвистики и литературоведения. 2008. № 4. С. 38–42; Фетина Н. А. Этикетный речевой жанр возражения: содержание и формальное выражение в аспекте обучения русскому языку как иностранному (на материале произведений писателей русской прозы) // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания в иностранной аудитории. Орёл, 2020. С. 357–368.

²²⁸ Лужная М. М. Косвенные речевые акты согласия, несогласия, возражения в обиходном русскоязычном общении // Гуманитарные технологии в современном мире. Калининград, 2018. С. 290–293; Муран О. В. Прагма-дидактический потенциал речевого акта «возражение» в русском научно-филологическом дискурсе // Актуальные проблемы языкознания. 2018. Т. 1. С. 397–402.

²²⁹ Кунаева Н. В. Дискурсивное событие возражения как объект социопрагматического анализа // Язык, коммуникация и социальная среда. 2008. № 6. С. 55–62.

открытым вопрос о функциональной специфике возражения, которое воспринимается и как негативная реакция²³⁰, и как способ защиты²³¹.

Форма коммуникации предполагает изучение особенностей экспликации возражения как в монологических текстах²³², так и в диалогическом общении²³³. При этом в монологическом и диалогическом общении дифференцируются формы представления возражения. Описаны основные виды возражений в монологическом тексте: несогласие с устаревшим мнением или воззрением, неодобрение и критика отдельных аспектов научной концепции, выражение недоверия к каким-либо идеям, отрицание истинности воззрений, коррекция исследовательских идей или познавательных действий, отказ от действий, противопоставление другим взглядам и др.²³⁴ В диалогической коммуникации наиболее частотны скепсис, критическая оценка и полемика²³⁵.

При этом возражение – это сложная полиактная структура, характеризующаяся диалогичностью и полисубъектностью, что закономерно ведет к изучению специфики возражения не только в контексте монологической и диалогической коммуникации, но и в полилогическом общении, отличающемся не только количественными параметрами, но и открытостью структуры, автосемантической, ролевым статусом субъектов коммуникации, характером речевого взаимодействия между ними и т. д.²³⁶

Принимая во внимание гипертекстовость и интерактивность возражения, в полилогической коммуникации мы рассматриваем его через отдельные ситуации, которые возникают в процессе взаимодействия коммуникантов с текстом, транслирующим научное знание. Эти ситуации образуют устойчивые речевые формы взаимодействия, демонстрирующие типизированные сценарии передачи нового знания. Такой подход требует уточнения основных форм возражения, а также описания типовых сценариев взаимодействия участников в полилоге.

Методика анализа и описание материала

²³⁰ Саенко О. А. Возражение как негативная реакция в коммуникативной ситуации несогласия // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии. Иркутск, 2012. С. 427–431.

²³¹ Кучко И. В. Возражение как средство защиты ответчика // Интернаука. 2021. № 45-3(221). С. 7–8.

²³² Мальшев А. А. Речевые практики возражения в научно-популярных медиатекстах Аси Казанцевой // Медиалингвистика: Материалы докладов участников VII Международной конференции. СПб., 2023. С. 237–242.

²³³ Дускаева Л. Р., Иванова Л. Ю. Возражение как разновидность диалогического взаимодействия в медиакоммуникации // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: Сборник научных статей. В 2-х частях / Редколлегия: В. А. Белозорович (гл. ред.) [и др.]. Гродно, 2022. С. 195–200.

²³⁴ Диалог-спор в научно-популярной коммуникации: коллективная монография / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой, отв. ред. Ю. М. Коняева. СПб., 2022. С. 98.

²³⁵ Иванова Л. Ю. Формы возражения в поле вовлеченности в научно-популярной медиакоммуникации // Медиалингвистика: Материалы докладов участников VII Международной конференции. СПб., 2023. С. 223–228.

²³⁶ Яковлева Э. Б. Полилог – третья форма речи? // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 82–89.

При моделировании ситуаций, в которых эксплицируется возражение, мы применяем методику анализа коммуникативного сценария, позволяющую в комплексе проследить взаимосвязи между содержательно-смысловой и речевой составляющей диалогической коммуникации. Опираясь на понятие сценария как типизированной структуры действий, событий, понятий и проч., включающей в себя ряд взаимосвязанных элементов²³⁷, коммуникативным сценарием мы называем речевую последовательность коммуникативных действий, обладающих определенной интенциональностью (индивидуальным авторским замыслом)²³⁸. Однако в полилогической коммуникации речь идет об интенциональности нескольких субъектов, что, безусловно, вносит коррективы в определение. Таким образом, в полилоге коммуникативный сценарий представляет собой интенционально обусловленную последовательность коммуникативных действий нескольких субъектов, взаимодействующих в определенной ситуации для реализации общей цели.

Для выявления ситуаций возражения изначально были выбраны крупнейшие научно-популярные сообщества в социальной сети ВКонтакте, ориентированные на массовую аудиторию: «Наука и жизнь»²³⁹ (ок. 200 тыс. участников), «Занимательная физика»²⁴⁰ (ок. 100 тыс. участников), Naked Science²⁴¹ (ок. 570 тыс. подписчиков), «Кот Шрёдингера»²⁴² (ок. 60 тыс. подписчиков) и др. Далее методом сплошной выборки было отобрано 528 постов (включая комментарии пользователей), опубликованных в сообществе «Занимательная физика» за август-сентябрь 2023 года. Сообщество популяризирует науку, публикуя посты, с одной стороны, информирующего характера (об экспериментах, опытах, новостях из области естественной науки и технологий и т. д.), с другой, активизирующие умственную активность пользователей (головоломки, логические задачи и проч.). Контактостанавливающая реплика – «С нами вы посмотрите на мир с другой стороны»²⁴³ – соответствует заявленной популяризаторской миссии сообщества, что, в то же время, провоцирует и появление возражений пользователей, не всегда готовых принять на веру опубликованные данные.

Из полученного массива данных мы отобрали треды²⁴⁴, которые образуют полилогические циклы «сообщение – возражение – реакция на возражение», включающие в себя стимулирующую реплику – пост сообщества, реплику-возражение пользователя, а также реакцию на это возражение другого

²³⁷ См.: Minsky M. Form and content in computer science // Journal of the Association for Computing Machinery. 17 (2). 1970. Pp. 197–215; Шляхов В. И. Речевая деятельность: Феномен сценарности в общении. М., 2013; Schank R. Script theory. URL: <http://www.instructionaldesign.org/theories/script-theory.html> и др.

²³⁸ Дускаева Л. Р. Интенциональность речевой деятельности журналиста: онтология и структура // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. №2. 2012. С. 253–260.

²³⁹ Наука и жизнь. URL: https://vk.com/naukaizhizn_vk.

²⁴⁰ Занимательная физика. URL: <https://vk.com/zanfizika>.

²⁴¹ Naked Science. URL: <https://vk.com/nakedsci>.

²⁴² Кот Шрёдингера. URL: https://vk.com/kot_sch.

²⁴³ Занимательная физика. URL: <https://vk.com/zanfizika>

²⁴⁴ Тредом мы называем связанную последовательность сообщений в онлайн-коммуникации сообщества. См.: Dускаева Л. Etiquette Line of Online Communication in the Community // Speech Etiquette in Slavic Online Communities. Cham, 2021. Pp. 51–75.

пользователя (или пользователей). Таким образом, материал для глубокого анализа образуют 52 треда, соответствующие обозначенным параметрам²⁴⁵.

Алгоритм анализа включает в себя следующие шаги:

- выявление и типологизация ситуаций возражения в полилоге;
- определение конститутивных признаков ситуаций;
- описание цепочки действий, выстраивающих коммуникативные сценарии и выявление каузальной связи между действиями;
- определение лингвистических маркеров возражения в полилогической научно-популярной коммуникации.

Такой алгоритм позволяет выделить основные коммуникативные сценарии, дифференцировать ситуации возражений в каждом случае, а также сделать вывод о специфике развертывания возражения в полилогическом общении²⁴⁶.

Анализ материала

Наблюдение показывает, что наиболее частотными коммуникативными сценариями репрезентации возражения, функционирующими в полилогической медиакоммуникации, являются «Запрос дополнительной информации» (33 треда из 52) и «Коррекция ошибочных сведений» (19 тредов из 52), различающиеся, в первую очередь, характером эпистемической модальности: в первом случае возражение основано на сомнении в каких-либо характеристиках научного знания, во втором – на уверенности возражающего в ошибочности данных. Обратимся к каждому сценарию и покажем особенности развертывания полилога, опирающегося на научные факты как стимул для общения.

Коммуникативный сценарий

«Запрос дополнительной информации»²⁴⁷

Сценарий «Запрос дополнительной информации» выстраивается последовательностью коммуникативных действий: 1) сообщение нового знания; 2) указание на его неполноту / нецелесообразность; 3) дополнение первоначальной информации для ее уточнения / подтверждения целесообразности. Коммуникативный сценарий распадается на две разновидности по предмету сомнения и характеру оценочности.

²⁴⁵ Обращая внимание на особенности выстраивания диалога, мы, однако, не оцениваем достоверность транслируемой в постах и комментариях информации, поскольку целью ставим не поиск достоверной информации, а изучение закономерностей полилогической медиакоммуникации. Именно поэтому мы оставляем без оценки смысловой компонент суждений коммуникантов, исследуя лишь их речевую организацию.

²⁴⁶ О развертывании возражения в монологическом тексте, а также в гипермедиаатексте см.: Коняева Ю. М. Репрезентация экспертного мнения в новостном научно-популярном медиаатексте // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации. СПб., 2022. С. 75–83; Коняева Ю. М. Коммуникативный сценарий развертывания возражения в научно-популярном медиадискурсе: коррекция нового знания // Динамика медиасистем. 2023. Т. 3, № 1. С. 176–182.

²⁴⁷ При демонстрации примеров диалогов незначительные ошибки комментаторов, не влияющие на характер коммуникации, исправлены (прим. – Ю. К.). При этом в отдельных случаях, когда нарушение норм имеет принципиальное значение для развертывания диалога, сохранена орфография и пунктуация авторов, о чем делается дополнительная пометка.

В первом случае новое знание стимулирует мыслительную активность адресатов, которые в процессе узнавания замечают его противоречия и лакуны и указывают на **неполноту** информации. В этой связи возражение выступает инструментом познания мира. Цель возражающего субъекта – найти истину, углубить собственные знания, поэтому общение характеризуется нейтральной тональностью, а результатом мыслится устранение изначально возникших сомнений. Диалогообразующей становится модальность сомнения, которая высвечивается уже в первом действии, поддерживается во втором и нейтрализуется в третьем.

Первый речевой блок представляет собой сообщение научного знания в виде поста в научно-популярном сообществе²⁴⁸. Пост состоит из двух частей – фото или видео и сопровождающего вербального компонента. В видео наглядно демонстрируется научное знание, показан ход эксперимента и др., что направлено на повышение достоверности научных данных. Сопровождающий текст при этом используется для акцентирования наиболее важных фрагментов визуального ряда, а также для контактоустановления. Рассмотрим пример текста стимулирующей реплики:

*Декартовы водолазы: **увеличение** давления на воду **сжимает** воздушные пузырьки в маленьких стеклянных флаконах, наполняя их водой и заставляя тонуть*

***Принцип Паскаля гласит, что любое изменение** давления на закрытую жидкость (например, **нажатие** на резиновую крышку) равномерно **передается каждой части жидкости** — физика гидравлических тормозов! **Названо в честь физика и философа Рене Декарта** (https://vk.com/zanfizika?w=wall-217667960_41637).*

Новое знание опирается на известное, что демонстрирует подчеркнутая нейтральность изложения материала, характерная для текстов научного стиля. Научные факты вводятся глаголами в форме настоящего вневременного (*сжимает, передается*), а также отглагольными существительными (*увеличение, изменение, нажатие*). Для демонстрации абстрактности частотны лексемы с семантикой неопределенного количества (*любое изменение, каждой части*). Автор сообщения намеренно абстрагируется от источника информации, используя безличные и неопределенно-личные конструкции как маркер авторитетности (*Принцип Паскаля гласит, названо*). Таким образом сообщение, передавая научный факт, вводит гипотетического собеседника в смысловое поле, подготавливая не просто к получению новой информации, но и к ее осмыслению.

При этом автор поста намеренно провоцирует сомнение у адресата, вплетая в текст специальные маркеры, в частности, противоречащие друг другу факты, невооруженным взглядом видимые внимательному читателю (*принцип Паскаля гласит – названо в честь физика и философа Рене Декарта*). В совокупности с безоценочным изложением информации это становится

²⁴⁸ Дускаева Л. Р. Речевая организация метатекста телеграм-поста // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2023. № 1. С. 30–65.

основным стимулом для возражения во втором коммуникативном действии – указании на неполноту информации:

Принцип Паскаля, а названо в честь Декарта. Почему?

Почему-то этот опыт раньше назывался "картезианский водолаз". Неужели в 90-е так Декарта осквернили? (https://vk.com/zanfizika?w=wall-217667960_41637)

Адресат выражает недоумение с помощью вопросительных предложений (*Почему?; Неужели в 90-е так Декарта осквернили?*), неопределенных местоимений (*почему-то*), модальных частиц (*неужели*), сопоставительных конструкций (*принцип Паскаля, а названо в честь Декарта*) и др. При этом возражение побуждает вступать в диалог тех, кто может прояснить противоречия, дополнить информацию, а также уточнить некоторые ее аспекты.

Ответить на такое возражение может как эксперт, так и любой пользователь, который, как и возражающий субъект, стремится понять и принять новое знание. Например, как в ответе на возражение выше:

Думаю, что всё дело в происхождении учёного и его фамилии. По латыни он именуется как Renatus Cartesius. Это во-первых, во-вторых, у французских дворян было принято использовать приставку "де", что означало из такого-то поместья (https://vk.com/zanfizika?w=wall-217667960_41637).

Вступающий в коммуникацию третий участник предстает как человек размышляющий, пытающийся выйти за рамки излагаемого, задействуя при этом фоновые знания. Он может сомневаться в правоте излагаемого, демонстрируя свою неуверенность модальными конструкциями (*думаю, что...*), модальными словами со значением последовательности мыслей (*во-первых, во-вторых*). Дополнение первоначально изложенной информации для ее уточнения демонстрирует поиск правильных ответов на поставленные вопросы. Результатом совместных усилий становится обогащенное новыми деталями научное знание, которое при дальнейшем общении может дополняться, уточняться, корректироваться, обрастая новыми подробностями и стремясь к всё большей полноте и достоверности.

Взаимодействие между вторым и третьим речевыми блоками может принимать и другие формы. В частности, возражение как предположение чаще всего оформляется в виде вопроса, а ответная реплика демонстрирует смысловую и грамматическую связь между репликами (*как – так же как*):

– *А как эта система поведёт себя под нагрузкой?*

– *Так же как синхронный двигатель.* (https://vk.com/zanfizika?w=wall-217667960_42080)

Гипотеза, в отличие от предположения, содержит аргументацию, поэтому оформляется в форме сложноподчиненного предложения с семантикой условия, а в качестве реакции предполагает объяснение, т. е. указание условий, при которых высказанное предположение не может оказаться истинным. В этом случае активизируются маркеры рассуждения:

– Если пружина была бы жёстче, то она могла бы нижним витком и вверх подпрыгнуть... ☹️

– Для этого надо было удерживать в натянутом состоянии с обеих сторон, а не свободно висящей. А в данном исполнении более жёсткая пружина упала бы, несколько не меняя своего размера по длине... (https://vk.com/zanfizika?w=wall-217667960_48085).

Скепсис как критически-недоверчивое отношение к чему-либо²⁴⁹ использует сомнение как способ высветить возможные противоречия, поэтому изначально возражение ориентируется на противопоставление изложенному в посте (*но*), а реакция на возражение предполагает противопоставление уже возражению (*как раз-таки не, а и др.*):

– **Но в итоге**, силы гравитации его приземлили...

– Гравитация как раз-таки не остановит, а трение подшипника и сопротивление воздуха – да (https://vk.com/zanfizika?w=wall-217667960_48954).

Если сомнение связано с целесообразностью нового знания, т. е. соответствием поставленной или намеченной цели, практической пользой²⁵⁰, то целью возражающего субъекта становится стремление понять практическую ценность научных данных. Сомнение в целесообразности чаще всего оформляется в виде конструкции с вопросительным наречием *зачем* в значении ‘с какой целью? для чего?’, направленной на уточнение практической ценности проведенного эксперимента. Нередко семантика наречия подчеркивается невербальными символами – смайликами и эмодзи, выражающими сомнение.

Другой способ демонстрации сомнения в целесообразности использует репрезентацию телеологической оценки нового знания:

– **Идея хорошая, но сколько эти шайбы стоят будут?!?**

– Дорого. Но эти шайбы не для бытового использования. Их применяют в соединениях, где надёжность и гарантия самоотвинчивания жизненно необходимы – на мостах, в поездах, на промышленном оборудовании. (https://vk.com/zanfizika?w=wall-217667960_48067)

Возражение во втором речевом блоке принимает форму недоверия к транслируемой информации, поскольку возражающий затрудняется дать телеологическую оценку научному факту, одновременно и принимая возможность его существования (*идея хорошая*), и сомневаясь в эффективности (*но*). На последнее указывают и вопросительное по цели высказывания предложение, и противительный союз *но*, и вопросительное местоимение *сколько*. Колебания возражающего подчеркиваются даже графически – чередованием вопросительных и восклицательных знаков в конце предложения (?!?).

Для разрешения противоречий в третьем речевом блоке привлекается коммуникативное действие объяснения, призванное убедить адресата в практической пользе научного знания. В коммуникацию вступает, как правило, эксперт, способный дать взвешенную прагматическую оценку. Эксперт

²⁴⁹ Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. М., 1999.

²⁵⁰ Там же.

возражает собеседнику, демонстрируя свою компетентность, спорит с ним, наглядно высвечивая беспочвенность возникших сомнений. Коммуникативное действие оформляется в утвердительное высказывание, может включать разноуровневые средства убеждения адресата: противопоставления, вводимые противительными союзами (*дорого – но не для бытового использования*), осложняющие конструкции, уточнения и т. д. (*в соединениях, где...; на мостах, в поездах, на промышленном оборудовании*). Результатом такого сценария развития полилогической коммуникации становится изменение отношения к научному знанию, обращение к тем аспектам научного знания, которые изначально не были учтены.

Коммуникативный сценарий «Коррекция ошибочных сведений»

В отличие от описанных выше разновидностей, полилоги, развивающиеся по коммуникативному сценарию «Коррекция ошибочных сведений», изначально демонстрируют неприятие новой информации в силу убежденности адресата в ее ошибочности. Сценарий выстраивают следующие коммуникативные действия: 1) сообщение новой информации; 2) указание на ее ошибочность; 3) признание / опровержение ошибки. Этот сценарий полилога характеризуется модальностью уверенности, из-за чего важным становится определение квалификации возражающего субъекта, позволяющей выделять варианты полилогического взаимодействия. Рассмотрим наиболее частотные случаи.

Исправление ошибки разворачивается в ситуации, когда представленная в стимулирующей реплике информация подвергается оценке с точки зрения ее достоверности. Адресат-эксперт, как правило, не оценивает новизну информации, априори ему известной, поэтому оценивается точность передачи сведений, их соответствие области научного знания. Возражение появляется в том случае, когда адресат уверен, что обнаружил ошибку, поэтому обоснованно указывает на нее автору поста и всем потенциальным участникам полилога. Целью общения, направленного на выстраивание конструктивного полилога, становится исправление допущенной ошибки, расширение знаниевого диапазона. Рассмотрим пример такого полилога:

– [Видео] *На видео видно, как падает пружина в замедленной съемке*

Нижняя часть пружины начнёт падать только тогда, когда до неё дойдёт информация, что верхний конец никто не держит, поскольку отсутствует сила упругости (в покое уравновешены сила упругости и тяжести, поэтому нижний конец не падает на землю в состоянии, когда пружину держат).

Пока есть сила упругости, нижний конец не падает. Как только сила упругости исчезает (пружина сжалась) — нижняя часть падает вместе со всем остальным.

– *Автор плохо знаком с физикой. Как только отпускают пружину, её центр масс начинает двигаться вниз с ускорением свободного падения. Оба конца под действием силы упругости движутся к центру масс, т. е.*

участвуют в двух видах движения относительно Земли. Верхний конец движется с большим ускорением, чем нижний, поскольку масса пружины не нулевая (верхняя часть растягивается больше, чем нижняя). Итак: нижний конец участвует в двух противоположно направленных движениях: вверх к центру масс и вниз вместе с центром масс. Поэтому он выглядит малоподвижным. Когда пружина сжимается и сила упругости не компенсирует уже ускорение свободного падения центра масс, движение нижнего конца становится заметным и нам.

– Здоровья таким комментаторам

– Выучу ваш ответ наизусть

– Сурово раскатал, в букваре такого не сыщешь.
(https://vk.com/zanfizika?w=wall-217667960_48085).

Стимулирующая реплика в первом речевом блоке представляет собой объяснение нового знания и включает вербальный и визуальный компоненты. Автор передает новое знание в виде фрагмента информации, отличающегося авторитетностью, для чего прибегает к научному стилю изложения. Это проявляется в стремлении к абстрактности, логичности и точности изложения. Абстрактность выражена использованием конкретной лексики в обобщенно-отвлеченном значении (*пружина, конец*), абстрактной лексики (*информация, сила упругости и тяжести*), на морфологическом уровне – глаголами в настоящем вневременном (*падает, отсутствуют, держат* и проч.) и т. д. Логичность изложения подчеркивают конструкции и обороты речи с каузативной семантикой, средства передачи последовательности мыслей (*только тогда, когда..., пока – как только* и др.), а также контактоустанавливающие конструкции апелляции к визуальному компоненту (*на видео видно*). Уточняющие конструкции в скобках демонстрируют внимание автора к деталям в стремлении наиболее понятно разъяснить новое научное знание массовой аудитории, не оставив поводов для возражения.

Однако, как показывает наблюдение, авторами постов в научно-популярных сообществах далеко не всегда становятся ученые. Чаще всего это журналисты или иные популяризаторы науки, которые не всегда являются экспертами. Поэтому обобщенность информации превращается в очевидный маркер возражения. Ошибки в объясняющем посте, как правило, связаны с неполнотой информации, которой владеет автор, а возражающий субъект же не сомневается в наличии ошибки, а убежден в своей правоте, на что и указывает в реагирующей реплике. Возражение становится способом скорректировать данные, противодействуя распространению неточного научного знания. Экспертность возражающего субъекта прослеживается в рассудительной манере изложения, обстоятельности объяснений, четком оформлении рассуждения. Реплики поста и возражающая переключаются друг с другом за счет лексической соотнесенности, в связи с чем возражение «выигрывает» на фоне стимулирующей реплики по причине более убедительной аргументации, более точной детализации научных фактов, столкновения противоположных точек зрения (*автор плохо знаком с физикой – становится заметным и нам*),

вербализации причинно-следственной соотнесенности (*т. е., так, поэтому, когда и проч.*) вместо представленной в посте временной семантики (*тогда, когда; пока есть, как только и др.*) и т. д.

Реплика возражающего субъекта, ярко продемонстрировавшего свою осведомленность, нередко получает в качестве реакции – в третьем речевом блоке коммуникативного сценария – одобрение или подтверждение правоты – в виде лайков, различных реакций, ответных комментариев, оформленных равноуровневыми языковыми средствами в зависимости от индивидуальных интенций говорящего: от нейтрально-одобрительного *выучу ваш ответ наизусть*, где одобрение подчеркивается формой местоимения, или благодарного *Здоровья таким комментаторам* , в котором одобрение поддерживает совокупность эмодзи, до оценочного *сурово раскатал*, в котором просторечие создает шутливо-одобрительную тональность.

При этом автор возражения изначально не опускается до оскорблений, нацеливаясь не на разрушение коммуникации, а на исправление недостоверных сведений. Возражение в такой разновидности диалога направлено на реализацию просветительской функции, помогающей распространять достоверное научное знание.

Другой способ коррекции направлен на **обесценивание** научного знания, лишения его значимости, важности, нужности²⁵¹. Эту разновидность отличает квалификация возражающего субъекта. Не являясь экспертом в определенной области научного знания, автор возражения, однако, уверен в своей правоте, не имеющей под собой научного обоснования. Здесь мы сталкиваемся с деструктивной формой научной популяризации, в которой явно прослеживается стремление к самовыражению, а не к распространению достоверного научного знания:

– [Видео] **Наглядный эксперимент, демонстрирующий то, что любые два предмета в вакууме, будут падать с одинаковой скоростью.**

– *Ерунда. С советской школы ещё известно, что сила свободного падения равна массе тела помноженного на постоянный коэффициент свободного падения $=9.8$ и умноженный на высоту. Высота и коэффициент (9.8 м/с) значения постоянные, значит на силу влияет только масса тела. У шарика, при визуальном восприятии, масса тела всяко больше чем у пера и это видно в моменте старта он резво стартует и обгоняет перо. В падении из-за большей массы вектор силы у шарика больше чем у пера, **по этому он всяко разню при свободном падении должен обгонять перо. Силу притяжения никто не отменял***²⁵²

– *Тут все верно показано. Дело в том, что гравитация не есть сила в привычном понимании, это выглядит как сила, а на самом деле другое явление. **Почитайте** общую теорию относительности.* (https://vk.com/zanfizika?w=wall-217667960_44835)

²⁵¹ Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. М., 1999.

²⁵² Сохранены авторские орфография и пунктуация как важная часть демонстрации речевых компетенций говорящего.

Сообщение новой информации в первом речевом блоке не содержит маркеров сомнения, новое знание наслаивается на общеизвестные факты (*любые два предмета, с одинаковой скоростью* и др.), разъясняя новизну проблемы и представляя таким образом как доказанный факт (*наглядный эксперимент*).

Второе коммуникативное действие содержит возражение, указывающее на ошибку, при этом адресат претендует на достоверность собственных данных, облекая свои умозаключения в форму рассуждения: используются отсылки к авторитетам (*с советской школы еще известно*), изъяснительные конструкции с союзом *что*, предложения с каузативной семантикой (*поэтому*). Однако очевидным становится, что возражающий чрезмерно эмоционален: это превращает его суждения в мнения, не имеющие научной ценности. Эмоции высвечивают излишнюю категоричность суждений (*Силу притяжения никто не отменял*), субъективность оценки научного знания (*ерунда, всяко разное* и др.), заставляя и других участников коммуникации сомневаться, отвергать. Нельзя не заметить, что такой тип возражения довольно частотен и вносит в коммуникацию деструктивное начало. Маркерами обесценивания в таких репликах становятся междометия с семантикой ‘не заслуживает внимания, не имеет значение’: *бред, ерунда, чушь, вздор, чепуха, вранье, бред, галиматья, ахинея, ересь, пурга, наедалово* и т. д.

Особенно значимым становится поиск способов реагирования на возражение-обесценивание, направленных на санацию общения – его коммуникативное «оздоровление»²⁵³. Автор или эксперт опровергает высказанное возражение, используя узкоспециальную терминологию или объясняя разницу между синонимичными научными понятиями (*гравитация не есть сила в привычном понимании – выглядит как сила, а на самом деле* и др.). Ответ на фоне эмоционального возражения отличается взвешенностью оценок, он оформляется с соблюдением норм научной речи, что на контрасте воспринимается как аргумент в пользу достоверности первоначальных данных. Ярким маркером возражения становится демонстрация речевой грамотности отвечающего субъекта (при сопоставлении с многочисленными ошибками возражающего в предыдущей реплике): носитель экспертного мнения должен выглядеть безупречно, не допуская даже элементарных ошибок.

Возражение в этой разновидности коммуникативного сценария становится инструментом обесценивания научного знания, которое за счет множества критических комментариев теряет свою новизну и актуальность. В связи с этим основной задачей популяризатора становится поиск способов нейтрализации возражения.

Выводы

На основе выделенных ситуаций возражения мы определили, что наиболее частотны в полилогической научно-популярной коммуникации сценарии «Запрос дополнительной информации» и «Коррекция ошибочных

²⁵³ Speech Etiquette in Slavic Online Communities / Ed. L. Duskaeva. Cham, 2021. P. 63.

сведений», которые отличаются друг от друга характером эпистемической модальности, способом репрезентации нового знания, авторитетностью источников информации, уровнем экспертности возражающего субъекта, индивидуальными интенциями коммуникантов и др. параметрами.

Коммуникативный сценарий «Запрос дополнительной информации» формирует модальность сомнения, присутствующая в виде недоумения, предположения, гипотезы, скепсиса, недоверия и т. д. Характер сомнения делит полилоги на апеллирующие к неполноте научного знания или к его нецелесообразности. Результатом общения, нацеленного на устранение сомнений, становится уточненное, более полное, а, следовательно, и более достоверное научное знание.

Коммуникативный сценарий «Коррекция ошибочных сведений» выстраивается на убежденности (обоснованной или ложной) возражающего субъекта в ошибочности научного знания. Опираясь на квалификацию возражающего субъекта, мы можем выделить разновидности полилога, направленные на исправление ошибки (если возражающий является экспертом), либо на обесценивание научного знания (когда субъект лишь мыслит себя экспертом).

Описанные коммуникативные сценарии, распространенные в полилогической научно-популярной коммуникации, демонстрируют различные формы возражения, представляя типизированные формы популяризации научного знания. При этом умение распознавать возражения в полилогическом общении и соответствующим образом на них реагировать способствует реализации просветительской функции научно-популярной коммуникации, а также нейтрализации деструктивных эффектов, приводящих к обесцениванию научного знания.

ЛИТЕРАТУРА

Выровцева Е. В. Распространение научного знания в интернет-пространстве: коммуникативный ресурс возражения // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 1(47). С. 38–45.

Диалог-спор в научно-популярной коммуникации: коллективная монография / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой, отв. ред. Ю. М. Коняева. СПб., 2022.

Дускаева Л. Р. Интенциональность речевой деятельности журналиста: онтология и структура // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 2. С. 253–260.

Дускаева Л. Р. Речевая организация метатекста телеграм-поста // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2023. № 1. С. 30–65.

Дускаева Л. Р., Иванова Л. Ю. Возражение как разновидность диалогического взаимодействия в медиакommunikации // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: Сборник научных статей. В 2-х ч. Гродно, 2022. С. 195–200.

Иванова Л. Ю. Формы возражения в поле вовлеченности в научно-популярной медиакommunikации // Медиалингвистика: Материалы докладов участников VII Международной конференции. СПб., 2023. С. 223–228.

Кнорц О. В. «Возражение» в кругу близких речевых жанров: интегральные, дифференциальные признаки и особенности функционирования // Вестник Сибирского

государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2019. № 1(5). С. 71–76.

Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986.

Коняева Ю. М. Коммуникативный сценарий развертывания возражения в научно-популярном медиадискурсе: коррекция нового знания // Динамика медиасистем. 2023. Т. 3, № 1. С. 176–182.

Кунаева Н. В. Дискурсивное событие возражения как объект социопрагматического анализа // Язык, коммуникация и социальная среда. 2008. № 6. С. 55–62.

Кучко И. В. Возражение как средство защиты ответчика // Интернаука. 2021. № 45-3(221). С. 7–8.

Лужная М. М. Косвенные речевые акты согласия, несогласия, возражения в обиходном русскоязычном общении // Гуманитарные технологии в современном мире. Калининград, 2018. С. 290–293.

Любимова Н. С. К вопросу о речевом жанре «возражение» в современном русском языке // Вопросы лингвистики и литературоведения. 2008. № 4. С. 38–42.

Любимова Н. С. Особенности языковых средств репрезентации речевого жанра «возражение» // Вопросы лингвистики и литературоведения. 2009. № 3. С. 4–10.

Мальшиев А. А. Речевые практики возражения в научно-популярных медиатекстах Аси Казанцевой // Медиалингвистика: Материалы докладов участников VII Международной конференции. СПб., 2023. С. 237–242.

Муран О. В. Прагма-дидактический потенциал речевого акта «возражение» в русском научно-филологическом дискурсе // Актуальные проблемы языкознания. 2018. Т. 1. С. 397–402.

Саенко О. А. Возражение как негативная реакция в коммуникативной ситуации несогласия // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии. Иркутск, 2012. С. 427–431.

Саенко О. А. Коммуникативный ход возражения в современном французском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005.

Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. М., 1999.

Фетина Н. А. Этикетный речевой жанр возражения: содержание и формальное выражение в аспекте обучения русскому языку как иностранному (на материале произведений писателей русской прозы) // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания в иностранной аудитории. Орёл, 2020. С. 357–368.

Шляхов В. И. Речевая деятельность: Феномен сценарности в общении. М., 2013.

Щеглова Е. А. Лексические средства возражения в дискуссии о сохранении русского языка // Медиалингвистика: Материалы докладов участников VII Международной конференции. СПб., 2023. С. 282–287.

Яковлева Э. Б. Полилог – третья форма речи? // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 82–89.

Minsky M. Form and content in computer science // Journal of the Association for Computing Machinery. 1970. № 17 (2). Pp. 197–215.

Shank R. Script theory. URL: <http://www.instructionaldesign.org/theories/script-theory.html>.

Speech Etiquette in Slavic Online Communities / Ed. L. Duskaeva. Cham, 2021.

Речевое действие возражения в научно-популярной коммуникации как репрезентация коммуникативной резистентности²⁵⁴

Постановка проблемы

Популяризация научных открытий сегодня становится задачей, требующей нетривиальных интеллектуальных и коммуникативных усилий со стороны популяризатора. Научную информацию все сложнее адаптировать для неподготовленной аудитории: узкая специализация научных открытий неизбежно заставляет создателей научно-популярного контента имплицировать большие объемы общенаучных и частнонаучных данных, одновременно вынуждая подогревать интерес упрощениями и аналогиями из обыденного опыта. Нельзя не заметить, что научная тематика набирает популярность, особенно в сетевой среде²⁵⁵. При этом ориентированность на интересы аудитории стимулирует популяризаторов задействовать средства диалогичности²⁵⁶ и в условиях сетевого общения чутко реагировать на запросы, сформулированные представителями аудитории в комментариях. В центре нашего интереса – межтекстовая диалогичность субъектов научно-популярной медиакommunikации (адресанта и адресата) в сетевой среде, возникающая в процессе разъяснения научных открытий или новостей.

Учитывая особенности материала научно-популярной медиакommunikации и характеристики аудитории, популяризаторы вынуждены действовать на упреждение, предусматривая, какие части сообщения могут встретить коммуникативное «сопротивление» в виде непонимания. Если учитывать, что понимание представляет собой «субъектно-субъектные отношения, которые проявляют свою специфику в диалоге»²⁵⁷, то и истоки непонимания следует также искать в диалоге – в экспликации несовпадений, расхождений, противоречий, смысловых сдвигов. Основная цель нашего исследования – с помощью медиалингвистического анализа в смысловом сцеплении текстов обнаружить речевые показатели непонимания и установить коммуникативные причины демонстрации непонимания.

²⁵⁴ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-18-00184 «Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакommunikации»

²⁵⁵ Жохов С. Б. Научно-популярные издания в среде новых медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 4 (38). С. 142–150.

²⁵⁶ Басовская Е. Н., Воронцова Т. А. Современный научно-популярный радиодискурс: принцип диалогичности // Медиалингвистика. 2022. № 9(4). С. 431–445. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.409>; Дускаева Л. Р. Речевая организация метатекста телеграм-поста // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2023. № 1. С. 30–65. URL: <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2023.3065>.

²⁵⁷ Васильев В. А. Объяснение и понимание в социально-гуманитарном познании // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 1. С. 101. URL: <https://doi.org/10.34823/SGZ.2020.1.51292>.

История вопроса

Исследование понимания как мыслительной операции производилось и производится в философии²⁵⁸, в частности в герменевтике²⁵⁹, и рассматривается с точки зрения его включенности в процесс взаимодействия двух сознаний. Причем понимание – это не только и не столько работа воспринимающего сознания. Наоборот, по замечанию В. А. Подороги, «когда я читаю, не я понимаю, а меня понимают (читаемый текст не нуждается моей понимающей процедуре)»²⁶⁰, что значит, что установка на Другого руководит адресантом, поскольку, по выражению М. М. Бахтина, «второе сознание, сознание воспринимающего, никак нельзя элиминировать или нейтрализовать»²⁶¹. Таким образом, понимание имеет социальную природу, оно «не дается нам непосредственно, но обсуждается и вырабатывается в диалоге и, следовательно, социально конструируется»²⁶².

Наше исследование нацелено на установление речевых характеристик противоположного пониманию явления в коммуникации – непониманию. Для анализа непонимания как отрицательного результата разъяснения научного открытия необходимо понятие коммуникативной резистентности – «умения / способности адресата противостоять определенным типам коммуникативного воздействия, оказываемого на него адресантом»²⁶³. Исследователи отмечают, что «сопротивление» может носить как осознанный характер, так и определяться внешними коммуникативными барьерами²⁶⁴.

В герменевтике отмечается диалогическая взаимообусловленность процессов понимания и объяснения, причем для понимания важна эмоционально-оценочная составляющая и связанная с ней интерпретативная работа сознания, в то время как процедура объяснения есть рационально-логическое языковое выражение сущности предмета²⁶⁵. Сразу оговоримся, что речевая процедура объяснения в нашем исследовании понимается как один из компонентов разъяснения научного открытия. Если объяснение представляет собой терминологическую единицу в философии и лингвистике, то разъяснение пока не обладает строгой дефинитивной очерченностью, что позволяет

²⁵⁸ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988; Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998; Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993.

²⁵⁹ Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избр. работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391; Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Филос. работы. Ч. 1. М., 1994; Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.

²⁶⁰ Подорога В. А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: С. Киркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, М. Пруст, Ф. Кафка. М., 1995. С. 23.

²⁶¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 285.

²⁶² Загидуллин Ж. К., Иванов Д. В., Труфанова Е. О. Сознание: объяснение, конструирование, рефлексия / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М., 2016. С. 90.

²⁶³ Задворная Е. Г. О феномене коммуникативной резистентности // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Минск, 19–20 марта 2020 года / Редакционная коллегия: О. Г. Прохоренко (отв. ред.), О. В. Дубровина, А. И. Головина, А. О. Долгова, О. И. Копач, Н. А. Куркович, Л. М. Блиноква, Е. А. Дичковская, В. В. Воронович, Е. Э. Жевнерович. Минск, 2020. С. 9.

²⁶⁴ Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2012; Задворная Е. Г. О феномене коммуникативной резистентности.

²⁶⁵ Васильев В. А. Объяснение и понимание в социально-гуманитарном познании // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 1. С. 101. URL: <https://doi.org/10.34823/SGZ.2020.1.51292>.

привлекать к анализу разнородные средства, объединяемые общей популяризаторской интенцией сделать научное открытие понятным.

В лингвистике логическая процедура объяснения рассматривается в научной, художественной, публицистической и официально-деловой речи в качестве речевого жанра²⁶⁶ или функционально-смыслового типа речи, для которого обязательны два компонента – сообщение о явлении и комментарий о его причинах, модифицируемые в соответствии с целями функциональных разновидностей литературного языка²⁶⁷. Будучи «типом текста, создаваемым в условиях информационного неравенства адресанта и адресата с целью проинформировать собеседника об объективной сути какого-либо предмета, явления, процесса действительности в такой форме, чтобы он понял предложенную информацию»²⁶⁸, объяснение нацелено на другое сознание так, чтобы внутри последнего запустился процесс рефлексии. В филологической герменевтике от взаимодействия с текстом культуры ожидается три варианта понимания как мыследействования – семантизация, когнитивное понимание, распределительное понимание²⁶⁹. При этом обращение к научному дискурсу заставляет уточнить сферу действия рефлексивной работы сознания, направленного на объект действительности, отбросить психологическое понимание как постижение внутреннего мира других людей и сконцентрироваться на понимании «педагогическом» (усвоение имеющихся знаний) и «научно-теоретическом»²⁷⁰.

Отмечено, что в научно-популярной сфере объяснение адаптируется адресантом к коммуникативным и интеллектуальным возможностям гипотетического адресата посредством лексических и синтаксических средств, компенсирующих лакуны и дозирующих информацию²⁷¹, посредством диалогизации дискурса в монологической и диалогической медиакommunikации²⁷², а также коммуникативно-стратегическими средствами –

²⁶⁶ Шкурина Н. В. Объяснение и определение: специфика текстовой организации // Филологический класс. 2014. № 4(38). С. 50–53.

²⁶⁷ Луковникова О. Ю. Объяснение в научной и эстетической сферах функционирования языка. Дисс. ...канд. филол. наук. Пермь, 2006. Трошева Т. Б. Объяснение // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет; Под ред. А. П. Сквородникова. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск, 2014. С. 353–355.

²⁶⁸ Функционально-смысловые единицы речи: типология, исходные модели и принципы развертывания / под ред. К. А. Роговой. СПб., 2017. С. 159.

²⁶⁹ Колосова П. А., Крюкова Н. Ф., Львова Ю. А., Оборина М. В., Чебанов С. В. Семинарий по филологической герменевтике. Тверская школа / Общ. ред. Н. Ф. Крюкова. Тверь, 2021.

²⁷⁰ Штофф В. А. Объяснение и понимание как методологические процедуры // Философские основания науки. Вильнюс, 1982.

²⁷¹ Вознесенская И. М. Прагматика объяснения (выразительные средства в научно-популярных текстах) // Филологический класс. 2015. № 2(40). С. 5–29.

²⁷² Басовская Е. Н., Воронцова Т. А. Современный научно-популярный радиодискурс: принцип диалогичности // Медиалингвистика. 2022. № 9(4). С. 431–445. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.409>;

Дускаева Л. Р. Речевые практики возражения в текстообразовании научно-популярной медиакommunikации // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации: коллективная монография / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой, отв. ред. Ю. М. Коляева. СПб., 2022; Шестерина А. М. Приемы актуализации метапрограмм в научно-популярном секторе видеоблогинга // Медиалингвистика, 2022. № 9(4). С. 404–413. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.407>.

аттракцией и модализацией²⁷³. Указанные средства речевой адаптации не гарантируют стопроцентного понимания со стороны участников дискурса вовлеченности, то есть потребителей контента. В связи с этим актуализируется вопрос о подключении средств других семиотических систем, которые могут участвовать в передаче и выработке «ментальных репрезентаций»²⁷⁴ в процессе разъяснения научных открытий. Визуальный код в составе научно-популярного текста рассматривается в аспекте проблем научной визуализации, которая не только обеспечивает наглядность, но и способствует лучшему усвоению, а значит и пониманию, полученной информации²⁷⁵.

Непонимание в науке может возникать как по причинам гносеологического характера, так и мировоззренческой ориентации: «компонентом непонимания является направленность научного и социального интересов и шире – мировоззрения, с позиций которого рассматривается новое знание в науке»²⁷⁶. Непонимание научно-популярного текста оказывалось в центре внимания лингвистических исследований, нацеленных на выявление причин его сложности, в том числе экспериментальным путем²⁷⁷. Однако живая речевая реакция потребителей научно-популярного контента, демонстрирующих непонимание, пока не становилась объектом исследования, что делает актуальным предпринятый нами анализ межтекстовых сцеплений.

Материал и методы анализа

В качестве материала исследования избран научно-популярный канал QWERTY, который еженедельно готовит видеовыпуски о новостях науки и технологий, размещая их на медиаплощадках YouTube и ВКонтакте. Создатели канала с более чем миллионом подписчиков подчеркивают ориентированность на новизну, свежесть материала, подкрепляя сообщения лексикой с семантикой новизны (*новинка, новый эффективный метод, первые результаты, разработать, придумать* и под.). Каждый выпуск «Новостей QWERTY», длящийся в среднем 15 минут, посвящен трем-четырем недавно опубликованным новостям науки, а также обсуждению лучшей новости предыдущего выпуска, которую выбрали зрители посредством голосования. Тематически сообщения охватывают такие научные сферы, как физика, математика, астрономия, медицина, биология и даже литература,

²⁷³ Киселев А. Ю. Адресные стратегии в научно-популярном дискурсе (на материале немецкого языка). Дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2012.

²⁷⁴ Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8–16.

²⁷⁵ Васильев В. Р., Волобой А. Г., Вьюкова Н. И., Галактионов В. А. Контекстная визуализация пространственных данных // Информационные технологии и вычислительные системы. 2004. № 4. С. 25–34; Ma K-L., Liao I., Frazier J., Hauser H., Kostis H.-N.: Scientific storytelling using visualization // Computer Graphics and Applications, 2012. Pp. 12–19; Nagel H. R. Scientific Visualization versus Information Visualization // Workshop on state-of-the-art in scientific and parallel computing, Sweden. Citeseer. 2006. URL: https://www.hpc2n.umu.se/sites/default/files/events/para06/papers/paper_213.pdf.

²⁷⁶ Основин А. Ю. Генезис и сущность понимания: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Самара, 1992. С. 12.

²⁷⁷ Богословская И. В. Алгоритм построения формулы сложности понимания научно-популярного текста // Вестник Забайкальского государственного университета. 2010. № 5. С. 28-32; Богословская И. В. Научно-популярный текст: сложность понимания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2001.

хронологически – опираются на наиболее свежие публикации в научных журналах.

Выбор эмпирического материала обусловлен не только содержательными особенностями, но и его мультимодальными характеристиками, которые позволяют предъявлять новости науки и разъяснять научные открытия с использованием соединения различных кодов предъявления информации²⁷⁸. К тому же исследователями уже отмечено, что «трансфер знания в научно-популярной интернет-коммуникации осуществляется во взаимодействии всех семиотических каналов, тем не менее решающую роль в процессе смыслообразования и смысловосприятия играет языковой код»²⁷⁹. Предъявление новостей популяризатором-ведущим сопровождается подробной визуализацией обсуждаемого явления – в виде рисунков, компьютерных симуляций и видеопрезентаций, что повышает результативность объяснения благодаря использованию этих возможностей мультимодальности. Средства визуализации, их наглядность и уместность в объяснении, обсуждают комментаторы канала, тем самым вовлекаясь в диалог о науке.

Методологической установкой исследования стала бахтинская идея о диалогичности как важнейшем свойстве человеческого сознания, развитая в трудах по функциональной стилистике (М. Н. Кожинной, Л. Р. Дускаевой), а также подход к анализу взаимно-ориентированных текстов как единого целого в научно-популярном дискурсе²⁸⁰.

Анализ материала

Разъяснение научных открытий и новостей науки в речи ведущего «Новостей QWERTY» происходит на основе объяснения, сопутствующей ему визуализации, а также средствами контактоустановления в виде активной адресации, модализации и использования вопросно-ответных комплексов. Для нашего исследования избраны речевые участки разъяснения, которые получили ответную реакцию непонимания в комментариях пользователей. Вариативность реакций непонимания может быть представлена, как минимум, в трех вариантах, вскрывающих их коммуникативную цель: а) заявить о непонимании как таковом; б) выразить мнимое непонимание для санации логических, стилистических или грамматических несоответствий; в) использовать непонимание как коммуникативный прием предъявления мировоззренческого возращения. Обратимся к материалу.

В выпуске 274 «Новостей QWERTY» повествуется об открытии, связанном с пересмотром размеров галактики Млечный Путь. Разъясняя суть научной публикации по теме, ведущий обращается к общеизвестным космологическим знаниям, подготавливая зрителя к опровержению данного старого знания с помощью темпоральной конструкции с инклюзивным

²⁷⁸ Kress G. What Is Mode? // A Handbook of Multimodal Analysis / ed. by C. Jewitt. L. - N. Y., 2009. Pp. 54–67.

²⁷⁹ Андреева В. А., Копчук Л. Б. Научная коммуникация 2.0: особенности представления научного контента на немецкоязычных научно-популярных YouTube-каналах // Научный диалог. 2020. № 12. С. 9–26.

²⁸⁰ Иванова Л. Ю. Речевая репрезентация межтекстовой диалогичности в медиадискурсе международных отношений. Дисс....канд. филол. наук. Тверь, 2018.

местоимением 1 лица мн. ч. *мы*: *Млечный путь мы всегда считали довольно крупной спиральной галактикой*. Далее выстраивается объяснение, которое опирается на иллюстрируемое описание явления темной материи, законов Кеплера и космического телескопа Гаяя – с визуализацией галактик, планетарных систем и космических приборов. Введение данных мультимодальных компонентов и терминологических единиц позволяет подвести к возражению, содержащемуся в опубликованной статье. Речевое воплощение возражения опирается на противопоставление нового знания старому, что выражено в использовании темпоратива в сочетании с противительным союзом **но недавно вышла статья**, а также в использовании ряда компаративов: *скорости внешних звезд нашей галактики гораздо меньше, чем у внешних звезд других спиральных галактик; ...внешние части Млечного Пути ведут себя больше как обычные внешние планеты обычной Звездной системы;... Да и масса нашей галактики тоже будет меньше, чем мы представляли*.

В комментарийном дискурсе этой новости появляются сигналы непонимания, которые апеллируют к конкретным участкам разъяснения. Так, комментатор *andrewworks834* указывает точный тайм-код ролика для возражения: (3:47) **В два раза? При отношении обычной материи к тёмной 1 к 6 получается 14 % и 86 % соответственно, а при отношении 1 к 3 – 25 % и 75 %. Я может, чего не понимаю, объясните пожалуйста**). Сигналом непонимания со стороны комментатора становятся, во-первых, подхват реплики ведущего переспросом (*В два раза?*); во-вторых, указание на саму проблему понимания (*может чего не понимаю*); в-третьих, прямая просьба объяснить непонятое (*объясните пожалуйста*). Тот факт, что комментатор предлагает свои подсчеты объемов темной материи, позволяет утверждать, что причиной непонимания стало качество объяснения, которое обнажило коммуникативную резистентность комментатора, чья рефлексия направилась не на усвоение нового знания, а на расчет общей массы галактики вместо расчетов ее пропорций.

Другой комментатор обнаруживает неспособность понять методы и систему подсчетов, которыми пользуются ученые. В ответ на сообщение о публикации новых данных этот пользователь демонстрирует непонимание с помощью принятой в интернет-среде аббревиатуры «хз», сокращения от «х** знает», используемого в качестве замены для «не знаю»: *Jungle_Fighter: я хз на каком принципе в теории у ученых на внешней зоне галактики вращение объектов должно быть ниже*. Коммуникативная резистентность выступает в неготовности понять предложенные ведущим математические и логические выкладки, что стимулирует возражения в рефлексии комментатора вместо понимания текста. Пользователь излагает имевшиеся у него знания, отказываясь от новых, и вводит свое возражение с помощью средств противительности – частицы *же* (в сочетании с наречием-местоимением *тут*, которое локализует проблемную часть высказывания; в сочетании с личным местоимением *они*, анафоричного по отношению к обсуждаемым понятиям),

союза не просто... но и: **Тут же** как бы роль играет не просто скорость вращения центра галактики, **но и** всех остальных объектов, присутствующих на последующих зонах галактики. Они же имеют магнитные поля, гравитацию <...> **Да и** в условиях космоса ускорение потерять сложнее, чем его приобрести за такое длительное время. Цепочка аргументов в пользу имевшегося знания завершается предложением с соединительным союзом *да и*, завершающем построение суждения, содержащего возражение. В этом суждении содержится слово *ускорение*, антонимичное тому, что использовано в речи ведущего, и сравнительная конструкция, призванная логически поддержать изложенное комментатором.

Вторая ситуация выражения непонимания связана с намерением комментатора вскрыть очевидные и неочевидные логические, грамматические или стилистические проблемы. Иными словами, пользователи демонстрируют мнимое непонимание, чтобы произвести коммуникативную санацию²⁸¹ – «оздоровить» общение в рамках научно-популярной медиакommunikации. В литературе намеренная демонстрация непонимания для коррекции речевого поведения собеседника получила название эпистемологической резистентности и была рассмотрена в рамках дискурса доминирования с этической точки зрения²⁸².

В «Новостях QWERTY» выпуск 272 представляет новость об особенностях работы вкусовых рецепторов у кошек, которые едят рыбу. Визуализация новости содержит видеоряд с котятами и кошками, а также статичное изображение формул органических соединений, используемое для иллюстрации способа активации кошачьих рецепторов. Примечательно, что противопоставленность старого и нового знания в данном сообщении поддерживается и противопоставлением с контактоустанавливающей целью: *Вокруг средневекового хаоса хочется прям вот мимимишных новостей. А кто милый? Милые котики! И ученые недавно выяснили, почему же кошки так охочи до рыбы.* Контактное установление здесь основывается на предположении автора о том, что гипотетический адресат желает получать не политизированные, а добрые новости, которые в подводке к сообщению ведущий обозначает, используя разговорное прилагательное *мимимишный* – «вызывающий умиление и восторг». Последующая диалогизация закрепляет контакт (что подтверждается одобрительными комментариями) и позволяет начать разъяснение. Однако разъяснение встречает непонимание со стороны комментатора, который видит противоречия в изложении и обосновывает их низким качеством объяснительной части: @user-kn8nl4lv5y: *за кошек не понятно. У них «сбой» с аминокислотами всегда был (начало объяснения) или после Египта начался (заключительное предположение)? Так происходит,*

²⁸¹ Duskaeva L. R. Speech Etiquette in Online Communities: Medialinguistics Analysis // Russian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 24. № 1. Pp. 56–79. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-1-56-79>.

²⁸² Pohlhaus G. Jr. Wrongful Requests and Strategic Refusals to Understand // Feminist Epistemology and Philosophy of Science: Power in Knowledge / Heidi E. Grasswick (ed.), Netherlands, 2011. Pp. 223–40; Shahvisi A. Resisting wrongful explanations // Journal of Ethics and Social Philosophy. Vol. 19, № 2. Pp. 168–191. <https://doi.org/10.26556/jesp.v19i2.1202>.

когда факт не до конца понимаешь, но пытаешься объяснить)((Как видим, комментатор, заявляя непонимание просторечным сочетанием *за + сущ.*, указывает на диссонлирующие композиционные части высказывания, названные антонимично (*начало объяснения, заключительное предположение*), в которых содержатся и контекстуальные антонимы – *всегда и после*. Санирующий смысл выражения непонимания раскрывается в сентенциальном высказывании комментатора, построенном по однокомпонентной модели предложения с обобщенным невербализованным субъектом и с предикатом во 2 лице, ед. ч., осложненным противительностью (*не до конца понимаешь, но пытаешься объяснить*). В данном случае эпистемическая резистентность обращена к профессионально-речевой компетентности популяризатора.

Другой пример санирующего непонимания представлен в комментарии к новости из выпуска 266 о замедлении времени вблизи квазаров. В новости с помощью объяснения и видеовизуализации разъясняются новые данные, позволяющие в очередной раз подтвердить теорию относительности благодаря результатам, полученным в процессе систематизации материалов 25-летнего наблюдения за активными центрами далеких галактик: *Оказалось, что наблюдаемые параметры квазаров, разбросанных по всей вселенной на разных расстояниях от Земли, в том числе их переменность и светимость, можно объяснить гораздо точнее, если в модель, описывающую их поведение, добавить параметры замедления времени*. Ведущий противопоставляет новое знание старому, используя компаратив (*гораздо точнее*), а также модальный компонент с семантикой новизны *оказалось*. Комментатор, выражающий непонимание в ответ на эту новость, разграничивает участки разъяснения – те, что позволили усвоить информацию, понятные, и те, что требуют прояснения: @Зарим: *Чем дальше объект, тем быстрее удаляется. Это понятно. А эффект замедления времени у квазаров обусловлен просто одним фактом своего удаления или именно УСКОРЕННЫМ удалением?* Коммуникативная санация обнаруживается по противительному союзу *а* в начале предложения и по альтернативному вопросу с союзом *или*, в котором комментатор графически выделяет вариант возможного корректного разъяснения. Коммуникативная резистентность, повлекшая санирующие шаги, в данном примере обусловлена недостаточной информативностью речевой части разъяснения.

Третья обнаруженная ситуация выражения непонимания связана с намерением того или иного комментатора заявить о собственной позиции в обсуждаемой области. В ответ на упомянутую уже весть о пересмотре размеров Млечного Пути в выпуске 274 «Новостей QWERTY» один из пользователей раздражается очередью риторических вопросов, демонстрирующих его осведомленность в проблеме, и сразу открывает коммуникативную цель возражения, эксплицированную глаголом *подискутировать*: @Hrunwald: *Владимир, позвольте с Вами подискутировать <...> Один физик со скрипкой, друг Бора, посчитал, что пространство и время суть одно. Изменя одно, изменяешь другое. Чёрные дыры, где время останавливается. Не значит ли это, что гравитация ЧД не даёт некой массе покинуть себя?*

Приходим ли мы к выводу, что время обладает массой? Можно назвать эту массу тёмной материей, тёмной энергией, сути не меняет. Можем ли мы сказать, что мы ничего не знаем об устройстве вселенной, несмотря на размышления Эйнштейна и Мичио Каку? Единственным элементом, выбивающимся из цепочки, призванной продемонстрировать познания, становится вопрос, выражающий притворное непонимание: *Одного не пойму. Почему вселенная расширяется с ускорением?* Заметно, как риторические вопросы, оформляющие возражение, вбирают в метатекст отрицательные (*не*) и усилительные (*ли*) частицы, а также инклюзивное *мы*, демонстрируя характерный для лекционной речи способ демонстрации доказательства. Тем контрастнее выглядит использование глагольной формы 1 лица ед. ч. (*не пойму*), отсылающей к личности говорящего, в вопросе, призванном подвергнуть критике новость о вселенной. Очевидно, что в данном случае коммуникативная резистентность обусловлена мировоззренческим диссонансом – тем, что автор придерживается иных исходных позиций, нежели создатели «Новостей QWERTY», и стремится это выразить.

Другой пользователь неверное понимание обнаруживает в речи ученых и популяризаторов, а верным считает свой подход к объяснению скорости звезд: @Lecsys: *Имхо все дело в неверном понимании эффекта красного смещения и его ассоциация с эффектом Доплера. Точнее то, что все красное смещение записывается исключительно на эффект Доплера. Отсюда и неверное вычисление скоростей звёзд в галактиках, и придуманная в качестве суущности, объясняющей расхождения, «тёмная материя».* Используя характерную для интернет-среды сочетание *имхо* (русифицированная версия аббревиатуры ИМО ‘In My Humble Opinion’) для подчеркнутого выражения субъективной модальности, комментатор демонстрирует неприятие теории темной материи и тех, кто ее придерживается, в номинативных предложениях с отглагольными существительными с семантикой мыслительной деятельности (...*все дело в неверном понимании ...*, ...*неверное вычисление...*) и страдательных конструкций, позволяющих не вербализовывать носителей иного мнения. Негативная оценочность формируется прилагательными с префиксом *не* (*неверный*) и прилагательного *придуманый*, которое в рамках научно дискурса с его ориентацией на рациональность и доказательность может передавать только отрицательное отношение. Таким образом, обвинение в непонимании выступает как маркер коммуникативной резистентности такого участника общения, который не готов менять мировоззренческие установки, которые в этом вопросе и в собственно научной среде сегодня не унифицированы²⁸³.

Результаты

Вариативность реакций непонимания рассмотрена на участках сцепления популяризаторского мультимодального разъяснения и ответа на него в

²⁸³ Гвишвили Г. В. Темная энергия и «сверхсильный» антропный принцип // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 72–78.

комментариях. Подход показал свою продуктивность благодаря точной фиксации объяснительных процедур, которые вызвали возражение в виде непонимания, высказанного в комментарийных репликах. Полученное разъяснение может как отражать ситуацию снижения рефлексивного потенциала воспринимающего сознания, которое оказывается неспособным интерпретировать и понять полученные знания, так может и указывать на невысокое качество самого популяризаторского текста. В обоих случаях рассматривается возникновение коммуникативной резистентности, которая появляется либо в силу образовательных несоответствий, либо по причине противоречивости или непоследовательности самого разъяснения, пусть и поддержанного мультимодально, либо по причине мировоззренческих расхождений.

Высказанное непонимание есть такой вид возражения, который обнажает проблемность в усвоении полученной научно-популярной информации. Но есть в нем и позитивный момент: фиксация непонимания выступает первым шагом к достижению понимания, причем с обеих сторон – как популяризаторской, так и воспринимающей. Взаимонаправленность разъяснения и понимания стимулирует популяризатора науки принимать во внимание коммуникативные и ценностные установки гипотетического адресата, а последнего – корректировать познавательную активность при столкновении с новым знанием.

Представление открытий и свежих научных публикаций – это разъяснение, включающее процедуру объяснения, сопровождаемого визуализацией, и основанного на следующих противопоставлениях: 1) старого знания и нового, причем последнее выражается в использовании антонимичных темпоративов – существительных, наречий с временным значением; 2) «дискомфортных» политических новостей и «релаксирующих» научных, что выражается в использовании средств контактоустановления, модализации, подчеркивающих жизнеутверждающую силу науки в противопоставление деструктивности политической. Важную роль в разъяснении играет визуализация, на которую опираются пользователи при знакомстве с новым знанием, причем некоторые проблемы с пониманием часто связаны именно с этим информационным кодом: *Почему на примерах это так выглядит?; зачем смотреть атом, смутили картинки*. Обращение исследователей к данной части разъяснения остается перспективным направлением в изучении непонимания.

В исследовании непонимание научно-популярного текста рассмотрено как «высказанная рефлексия»²⁸⁴, то есть такая рефлексия комментаторов, которая позволяет обратить взор на проблемные или малофункциональные части разъяснения. Данная комментарийная активность может быть представлена, как минимум, в трех вариантах, вскрывающих коммуникативную цель пользователя: а) заявление о непонимании как таковом; б) выражение

²⁸⁴ Колосова П. А., Крюкова Н. Ф., Львова Ю. А., Оборина М. В., Чебанов С. В. Семинарий по филологической герменевтике. Тверская школа / Общ. ред. Н. Ф. Крюкова. Тверь, 2021.

много непонимания для санации логических, стилистических или грамматических несоответствий; в) использование непонимания как коммуникативного приема для предъявления мировоззренческого возражения. Непонимание первого варианта использует вопросы-переспросы, отсылающие к конкретным участкам объяснения, противительные частицы в сочетании с локативными наречиями (*тут же, здесь же, там же*), отсылающие к противоречивому вопросу, или личными и указательными местоимениями (*они же, эти же*), отсылающими к данным старого знания, вступившего в противоречие с новым. Все эти средства вкпе с просьбой объяснить высвечивают причины коммуникативной резистентности, состоящие в несовпадении образовательных бэкграундов.

Во втором случае непонимание, высказанное представителем аудитории, вскрывает его стремление получать занимательные, но при этом объективные и достоверные факты из мира науки, так что пробелы в разъяснении подвергаются коммуникативной санации с его стороны. Объектом санации становятся сообщения с очевидными логическими или стилистическими огрехами. Комментаторы, заявляя о своем непонимании, выделяют композиционные части сомнительного высказывания либо прибегают к графическому выделению элементов новости – тех, что вызвали непонимание, а за ним и сомнение. Средствами поддержки непонимания выступают антонимичные элементы со значением времени. Таким образом, высказанное непонимание обнажает эпистемическую резистентность, которая может определяться стремлением корректировать полученную информацию в силу некачественности разъяснения.

Третий вариант высказанного непонимания можно считать коммуникативной уловкой для выражения возражения в рамках смыслового позиционирования. Комментаторы прибегают к выражению мнимой непонятливости, чтобы полемизировать с популяризатором, излагать свою версию понимания мира, что характеризует коммуникативную резистентность как «сопротивление», вызванное мировоззренческими причинами. Комментаторы в таких случаях пытаются перейти из коммуникативно слабой позиции просвещаемого адресата в сильную – наставительную, учительскую. Данная тенденция проявляется в применении синтаксических конструкций, характерных для жанра проблемной лекции, а также в модальных высказываниях, связанных с оценкой знаний популяризатора.

Выводы

В условиях широкого распространения научных шоу и популяризаторских ресурсов в интернете растет вовлеченность пользователей в популяризаторский медиадискурс, в котором возможно проявление возражающего реагирования со стороны адресата. Главной коммуникативной ценностью в рамках популяризаторского дискурса можно считать получение нового знания, которое не всегда усваивается беспроблемно, особенно в ситуации, когда разъясняется научное открытие или новое явление.

Высказанное непонимание, обусловленное отсутствием определенных знаний у комментатора или его мировоззренческой позицией, может дать положительный импульс для выработки эффективных способов и приемов изложения научного знания в популярной форме, позволяющей преодолеть коммуникативную резистентность адресата.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева В. А., Кончук Л. Б. Научная коммуникация 2.0: особенности представления научного контента на немецкоязычных научно-популярных YouTube-каналах // Научный диалог. 2020. № 12. С. 9–26.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Богословская И. В. Алгоритм построения формулы сложности понимания научно - популярного текста // Вестник Забайкальского государственного университета. 2010. № 5. С. 28–32.

Богословская И. В. Научно-популярный текст: сложность понимания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2001.

Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избр. работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391.

Басовская Е. Н., Воронцова Т. А. Современный научно-популярный радиодискурс: принцип диалогичности // Медиалингвистика. 2022. № 9 (4). С. 431–445. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.409>.

Васильев В. А. Объяснение и понимание в социально-гуманитарном познании // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 1. С. 92–101. URL: <https://doi.org/10.34823/SGZ.2020.1.51292>

Васильев В. Р., Волобой А. Г., Вьюкова Н. И., Галактионов В. А. Контекстная визуализация пространственных данных // Информационные технологии и вычислительные системы. 2004. № 4. С. 25–34.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Филос. работы. Ч. 1. М., 1994.

Вознесенская И. М. Прагматика объяснения (выразительные средства в научно-популярных текстах // Филологический класс. 2015. № 2(40). С. 15–29.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.

Гвишивили Г. В. Темная энергия и «сверхсильный» антропный принцип // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 72–78.

Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2012.

Дускаева Л. Р. Речевые практики возражения в текстообразовании научно-популярной медиакоммуникации // Диалог-спор в научно-популярной коммуникации: коллективная монография / под науч. ред. Л. Р. Дускаевой, отв. ред. Ю. М. Коняева. СПб., 2022.

Дускаева Л. Р. Речевая организация метатекста телеграм-поста // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2023. № 1. С. 30–65. <https://doi.org/10.30547/vesnik.journ.1.2023.3065>.

Загидуллин Ж. К., Иванов Д. В., Труфанова Е. О. Сознание: объяснение, конструирование, рефлексия / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М., 2016.

Задворная Е. Г. О феномене коммуникативной резистентности // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Минск, 19–20 марта 2020 года / Редакционная коллегия: О. Г. Прохоренко (отв. ред.), О. В. Дубровина,

- А. И. Головня, А. О. Долгова, О. И. Копач, Н. А. Куркович, Л. М. Блиноква, Е. А. Дичковская, В. В. Воронович, Е. Э. Жевнерович. Минск, 2020. С. 8–12.
- Жохов С. Б.* Научно-популярные издания в среде новых медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 4(38). С. 142–150.
- Иванова Л. Ю.* Речевая репрезентация межтекстовой диалогичности в медиадискурсе международных отношений. Дисс....канд. филол. наук. Тверь, 2018.
- Киселев А. Ю.* Адресные стратегии в научно-популярном дискурсе (на материале немецкого языка). Дисс. ...канд. филол. наук. Самара, 2012.
- Колосова П. А., Крюкова Н. Ф., Львова Ю. А., Оборина М. В., Чебанов С. В.* Семинарий по филологической герменевтике. Тверская школа / Общ. ред. Н. Ф. Крюкова. Тверь, 2021.
- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З.* К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 8-16.
- Луковникова О. Ю.* Объяснение в научной и эстетической сферах функционирования языка. Дисс. ...канд. филол. наук. Пермь, 2006.
- Основин А. Ю.* Генезис и сущность понимания: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Самара, 1992.
- Подорога В. А.* Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии: С. Киркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, М. Пруст, Ф. Кафка. М., 1995.
- Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.
- Трошева Т. Б.* Объяснение // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет; Под ред. А. П. Сковородникова. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск, 2014. С. 353–355.
- Функционально-смысловые единицы речи: типология, исходные модели и принципы развёртывания/ под ред. К. А. Роговой. СПб., 2017.
- Хайдеггер М.* Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993.
- Шестерина А. М.* Приемы актуализации метапрограмм в научно-популярном секторе видеоблогинга // Медиалингвистика, 2022. № 9(4). С. 404–413. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.407>.
- Шкуркина Н. В.* Объяснение и определение: специфика текстовой организации // Филологический класс. 2014. № 4(38). С. 50–53.
- Штофф В. А.* Объяснение и понимание как методологические процедуры // Философские основания науки. Вильнюс, 1982.
- Duskaeva L. R.* Speech Etiquette in Online Communities: Medialinguistics Analysis // Russian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 24. № 1. Pp. 56–79. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-1-56-79>.
- Kress G.* What Is Mode? // A Handbook of Multimodal Analysis / ed. by C. Jewitt. L. - N. Y., 2009. Pp. 54–67.
- Ma K-L., Liao I., Frazier J., Hauser H., Kostis H.-N.*: Scientific storytelling using visualization // Computer Graphics and Applications, 2012. Pp. 12–19.
- Nagel H. R.* Scientific Visualization versus Information Visualization // Workshop on state-of-the-art in scientific and parallel computing, Sweden. Citeseer. 2006. URL: https://www.hpc2n.umu.se/sites/default/files/events/para06/papers/paper_213.pdf
- Pohlhaus G. Jr.* Wrongful Requests and Strategic Refusals to Understand // Feminist Epistemology and Philosophy of Science: Power in Knowledge / Heidi E. Grasswick (ed.). Netherlands, 2011. Pp. 223–240.
- Shahvisi A.* Resisting wrongful explanations // Journal of Ethics and Social Philosophy . Vol. 19, № 2. Pp. 168–191. <https://doi.org/10.26556/jesp.v19i2.1202>.
- Zhao L.* Science Communication Language in Chinese New Media: Evolution, Characteristics and Trend // International Journal of Social Science and Humanity, Vol. 3, № 5, 2013. Pp. 434–439.

Глава 4. Мультиmodalность предъявления научного знания в медиа

А. В. Полонский

Научный текст в условиях сетевой публичности

Введение

В эпоху радикальных перемен, переосмысления ценностей, коммуникаций, понятий и текстов, чем и отличается настоящее время, необходимо проговаривание и обсуждение проблем, касающихся тех процессов, которые разворачиваются в разных сферах жизни и деятельности общества, определяя характер общественной мысли, способ опознавания реальности и тип доминирующих коммуникаций. Одной из таких сфер, где сегодня особенно ощутимы перемены, оказывается наука. В данной работе в фокусе исследовательского внимания находится научный текст, погруженный в «медийные обстоятельства»²⁸⁵ современной культуры.

Эмпирический материал, *послуживший* источником теоретических изысканий, составили опубликованные в период с 2012-го до 2023 г. монографии, статьи, доклады, тезисы и рецензии, то есть те разноформатные специализированные научные сообщения, которые подготавливаются исследователем с целью публичного предъявления результатов своего научного поиска и включения их в научный диалог с целью проверки и обсуждения. В исследовании использовались данные таких крупнейших электронных научно-информационных ресурсов, как (1) российская научная электронная библиотека eLIBRARY.RU, начавшая работу в 2005 г. и объединившая сегодня более 500 тыс. зарегистрированных в системе исследователей с 35 млн принадлежащих им публикаций; (2) российская научная электронная библиотека открытого доступа «КиберЛенинка» (созданная в 2012 г.), которая располагает около 3 млн научных публикаций и среди основных задач которой – популяризация науки и научной информации, обеспечение возможности воспользоваться содержащимися в публикациях научными знаниями и результатами исследований не только представителям экспертного научного сообщества, но и всем заинтересованным пользователям; (3) международная виртуальная библиотека «Академия Google», запущенная в 2004 г. и насчитывающая в настоящее время в своем фонде более 400 млн работ, опубликованных на разных языках и в разных странах; (4) ResearchGate – научно-информационная социальная сеть, основанная в 2008 г. и предоставляющая ее зарегистрированным участникам такие опции, как поиск по аннотации публикаций и обмен ими, отслеживание действий других пользователей, возможность быть с ними в диалоге, а также блокировать

²⁸⁵ Засурский Я. Н. Колонка редактора: медиатекст в контексте конвергенции // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 3.

взаимодействие и многое другое, что расширяет доступность и открытость научных результатов²⁸⁶.

Исследование проведено с использованием ряда методов, таких, как: метод статистического наблюдения и анализа данных, который позволил выявить количественные показатели, связанные с особенностями функционирования научного текста в современной культуре; качественный контент-анализ, обеспечивший возможность обнаружить уникальные особенности погруженного в медиасреду научного текста; коммуникативно-прагматический анализ и семантико-стилистический анализ, при помощи которых были выявлены реализуемые научным текстом, оказавшимся в контексте медиасреды, целевые установки, а также определены социально-психологические параметры автора, стратегии его речевого поведения и диалогового взаимодействия с аудиторией; включенное наблюдение и академическое общение как методы сбора данных, благодаря которым удалось получить актуальную картину, отражающую текущий опыт создания научного текста в совокупности интенций его автора в контексте культурно-психологической реальности *made in media*. Как справедливо замечает Л. Г. Кайда, «лишь сочетание разных типов анализа дает перспективу познания феномена»²⁸⁷. Примененные методы в их совокупности позволили получить полную, достоверную и объективную информацию о современном научном тексте и особенностях его функционировании в условиях медийной реальности.

Текст в дискурсе науки

Наука как способ целенаправленного и системного познания мира, как особым образом организованная социальная и познавательная деятельность, реализуемая посредством использования особых научных методов, формирует свой дискурс, в который вовлечено профессиональное сообщество исследователей, находящихся между собой в непрерывном информационно-дискуссионном взаимодействии и нацеленных на выработку путем наблюдения, исследований и экспериментов новых и объективных знаний о действительности, человеке и обществе, а также на систематизацию полученных знаний, на их наращивание в культуре и использование для решения разных проблем²⁸⁸.

В своих сущностных характеристиках дискурс науки²⁸⁹ определяется (1) типом познаваемого объекта, в качестве которого выступает

²⁸⁶ Семьякин Д. А., Кисляк Е. В., Сергеев М. А. Научные электронные библиотеки: актуальные задачи и современные пути их решения // Научная периодика: проблемы и решения. 2013. №2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-elektronnye-biblioteki-aktualnye-zadachi-i-sovremennye-puti-ih-resheniya>; Семьякин Д. А. Открытый доступ к науке: мифы и реальность // Университетская книга. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otkrytyy-dostup-k-nauke-mify-i-realnost>; Matthews D. [Do academic social networks share academics' interests?](#) // *Times Higher Education*. 2016.04.17.

²⁸⁷ Кайда Л. Г. Интемедийальное пространство композиции: Монография. М., 2013. С. 7.

²⁸⁸ Пружинин Б. И. Наука как профессия и как феномен культуры // Вопросы философии. 2019. № 8. С. 5–9; Касавин И. Т. Дилемма ученого: после Макса Вебера // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 17–21.

²⁸⁹ Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля речи сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972; Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Защита диссертации как жанр научного дискурса // Язык. Текст. Дискурс. 2010. № 8. С. 338–350; Мишланкина Н. А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск, 2010. С. 88; Кротков

действительность во всех ее формах, явлениях и процессах, (2) профессиональными компетенциями познающего субъекта (ученого, исследователя), его интенциями, ценностными диспозициями (мотивами), мировоззренческими установками, (3) типом задаваемых вопросов и методами поиска на них ответов, а также (4) стратегиями публичного экспертно-профессионального диалога, начинающегося с попытки осмысления уже существующих концепций, позиций, точек зрения и тех контекстов, в условиях которых они формулируются. Дискурс науки – многоаспектный феномен, это «не только среда, способ и средство познания и получения-передачи знаний, но и форма реализации самой научной деятельности посредством различных стратегий»²⁹⁰. Цель дискурса науки – аргументированно убедить экспертно-научное сообщество в значимости и истинности предъявленных фактов, гипотез, выводов, идей и концепций.

Формой публичного предъявления результатов научного поиска и включения их в публичный диалог как технологию обсуждения и верификации сформулированных положений и полученных в результате исследования данных является научный текст, который принимает разные жанровые формы, такие как монография, научная статья (в журнале или рецензируемом сборнике), тезисы, рецензия, диссертация, автореферат, доклад, справочник, учебник (учебное пособие), лекция, информационное сообщение о научном событии (конгрессе, конференции, коллоквиуме, мастер-классе) и т. п., и в котором содержится полученное и аргументированное знание об изученном фрагменте реальности. При этом научный текст всегда отражает как стиль эпохи – характерные для нее «способы мысли и пути говорения»²⁹¹, так и особенности автора – его мыслительные процессы, обнаруживаемые в характере суждений, умозаключений, аргументации, в совокупности приведенных фактов, в композиции предъявляемого текста и в его коммуникативно-речевых стратегиях, в том, что М. М. Бахтин определял как «активную позицию говорящего в той или иной предметно-смысловой сфере»²⁹².

Научный текст – это авторское, исходящее от исследователя (или коллектива авторов) и ориентированное на экспертное (экспертно-профессиональное) научное сообщество сообщение, в котором посредством совокупности теоретически и фактологически обоснованных утверждений последовательно раскрывается анализируемая предметная область. Автор научного текста стремится убедить экспертную аудиторию в актуальности, значимости и истинности высказанных суждений и в решении принять

Е. А., Кожемякин Е. А. Научный дискурс // Дискурс-Пи. 2013. № 3(13). С. 138–139; Ключникова Е. В. Вопросы научных коммуникаций: терминологический анализ, структура, классификация // ИнноЦентр. 2018. № 3(20). С. 1–9.

²⁹⁰ Мордовина Т. В., Воякина Е. Ю., Королева Л. Ю. Научный дискурс через призму социолингвистического подхода и когнитивной лингвистики // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2(75). С. 366.

²⁹¹ Николаи Ф., Афанасов Н., Тесля А. X Международная конференция «Способы мысли, пути говорения» Школы философии НИУ ВШЭ (НИУ ВШЭ, Москва, 22–23 апреля 2019 года) // Новое литературное обозрение. 2019. № 5(159). С. 432–444.

²⁹² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 263.

предложенную точку зрения, апеллируя при помощи фактов и *аргументов, сформулированных и отобранных в процессе исследования* к логике и рациональному мышлению адресата²⁹³. В его задачу входит также «регулирование восприятием реципиента научной информации (то есть принятие ее) и его возможным поведением по отношению к ней»²⁹⁴ с учетом ее научной ценности, значимости и востребованности в практике исследований.

В одной из работ И. А. Бодуэн де Куртенэ сформулировал мысль о том, что «нет неподвижности в языке. В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется»²⁹⁵. Эти слова в полной мере относятся и к науке, к научной деятельности, к научному тексту. Как заметил А. М. Пятигорский, «время изменяет тексты. Традиционные культуры сознательно или бессознательно (чаще первое) борются со временем за тексты, чтобы оно их не изменяло. Одним из основных методов этой борьбы было включение времени в текст, который тем самым становился {формой} существования времени» СНОСКА. Сегодня таким «включением времени в текст» являются факторы рынка и медиа. Не будет большим преувеличением сказать, что сегодня все «нравственные предписания» в обществе если и не формулируются в своем окончательном виде, то контролируются и корректируются, с одной стороны, рынком, действующим, как известно, на основе конкуренции, предпочтений потребителей и управления их вниманием, а с другой, – медиа, медиасредой, которая оказывается в фокусе содержательного, цифрового и сетевого перереформирования культурных норм и коммуникативных практик.

Медиатекст как символический атрибут современности

Сегодня медиа, совокупность разнородных (природных, антропогенных и социогенных) средств и технологий, обеспечивающих необходимый обществу полиформатный и многоаспектный обмен информацией, включаются в качестве обязательного параметра в сущностную формулу жизни, культуры, коммуникации и текста, обуславливая их новое, медийное качество. Как замечает Е. Л. Вартанова, «сегодня все инструменты коммуникации с аудиторией переходят в цифровую плоскость и там конкурируют между собой. И в этой плоскости уже невозможно отличить старые каналы от новых. Активно присоединяются к этой среде и социальные медиа <...> В эпоху цифровизации появляется новое понимание профессионализма»²⁹⁶.

²⁹³ Ракитина С. В. Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат дисс.... докт. филол. наук. Волгоград, 2007. 44 с.; Пантыкина М. И. О том, как написать научный текст: рекомендации Бруно Латтура // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2023. Т. 5, № 1. С. 41–47.

²⁹⁴ Дашкова С. Ю. Логико-прагматический анализ аргументации в научно-учебном тексте (на материале французского и русского языков): специальность 10.02.19 «Теория языка»: дисс... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 154 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/logiko-pragmaticheskii-analiz-argumentatsii-v-nauchno-uchebnom-tekste-na-materiale-frantsuzsk>.

²⁹⁵ Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963, Т. 1. С. 348.

²⁹⁶ Пересборка с позитивным уклоном // Ведомость. 28 апреля 2023 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/special/2023/04/28/peresborka-s-pozitivnim-uklonom-ltdckkn7m>.

Сформированная под воздействием медийного фактора реальность²⁹⁷ отличается повышенным вниманием к коммуникации, которая «из средства превращается в цель»²⁹⁸, к производству контента и его эффективности с учетом целевого задания, к публичности – открытости и активной (даже ажиотажной) включенности в публичную сферу виртуально-цифрового мира, к настройке на аудиторию, завоеванию ее не только внимания, но и лояльного расположения, к организации сетевых сообществ, к поиску, выбору и *собираению фолловеров* (или даже так называемых *суппортеров, то есть* преданных сторонников) и эффективному использованию их социально-коммуникативного потенциала, к коммуникативно-речевым стратегиям и к построению высказывания в соответствии с идеологическим контекстом и сформулированными коммуникативными целями, задачами и нормами, к медийным и коммуникативным решениям, которые гарантируют расширение целевых аудиторий, управление их вниманием, а также заметность (видимость), наблюдаемость (мониторинг, отслеживание и сортировку), узнаваемость, то есть «уровень <...> популярности и легкость восприятия <...> атрибутов»²⁹⁹ и востребованность предъявляемого (фокусного) объекта на фоне стремительной динамики *информационно-смыслового пространства общества и глобального мира*. Продуманные коммуникативная и медийная стратегии обеспечивают эффективный обмен информацией с целевыми аудиториями и получение от них ожидаемой обратной связи. В перенасыщенной медиа и информацией конкурентной среде важно всегда быть на виду, выделяться на общем фоне, обеспечивая положительный опыт информационного взаимодействия.

Современность – это результат конвертирования технологического, коммуникативного и содержательного потенциала медиа в качественно новую социальную, культурную и текстовую реальность, обуславливающие формирование качественно нового для культуры текста – медиатекста, в

²⁹⁷ Кузнецова Е. И. Медиареальность как коммуникативный медиум // Медиафилософия II: Границы дисциплины: материалы междунар. науч. конф., 21–22 ноября 2008 г. СПб., 2008. С. 67–79; Кожемякин Е. А. Современные медиадискурсы: специфика и проблема когерентности // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: I Международная научно-практическая конференция: Сборник научных работ, Белгород, 01–04 апреля 2014 г. / Под редакцией Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского, А. Г. Ходеева. Белгород, 2014. С. 57–62; Полонский А. В. Медиареальность: что мы можем сказать о ней сегодня? // Медиалингвистика: Материалы II Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02–06 июля 2017 г. / Ответственный редактор А. А. Мальшев. Вып. 6. СПб., 2017. С. 329–331; Полонский А. В., Глушкова В. Г. Культура и человек в условиях глобализации // Психологические знания в современном мире: материалы международной научно-практической и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов, Белгород, 07 апреля 2016 г. / Белгородский университет кооперации, экономики и права. Белгород, 2016. С. 268–274; Савчук В. В. Медиареальность – новая среда жизни. Культура и технологии. 2017. Т. 2. Вып. 1. <http://dx.doi.org/10.17586/2587-800X-2017-2-1-1-5>; Bolter J. D., Engberg M., MacIntyre B. Reality Media: Augmented and Virtual Reality. MIT Press, Cambridge (MA), 2021; Diodato R. Virtual Reality and Aesthetic Experience // Philosophies. 2022. № 7/2, pp. 1–8; Борычева А. А. Медиареальность и ее типология: социально-философский анализ // Гуманитарный вестник. 2023. № 1(99).

²⁹⁸ Анненкова И. В., Залоило М. В. Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: право, медиа и национальная идентичность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3(76). С. 144.

²⁹⁹ Аршинова М. А. Имидж бренда как результат его восприятия потребителем // Инновации и инвестиции. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-brenda-kak-rezultat-ego-vospriyatiya-potrebitелеm>.

производство и потребление которого вовлечены с многообразными целями и задачами самые разные и самые широкие социальные аудитории.

Медиатекст становится одной из ключевых форм существования современности, выражением ее сущности, ее символическим атрибутом. В этом выводе содержится и вопрос: затрагивает ли процесс медиатизации и научный текст? Меняются ли при этом его качественные характеристики?

Научный текст – made in media

XXI век – эпоха инноваций, переустройства многих практик, к которым привык человек. Это касается и научного текста: «В XXI веке научные тексты реализуются в различных коммуникационных средах и форматах, среди которых особое значение в силу своей доступности и относительного удобства потребления приобретают тексты, размещенные в сети Интернет. Для научных изданий и исследователей сегодня практической необходимостью становится присутствие в глобальной сети в формате сайтов, страниц в социальных сетях, размещение результатов научных исследований в открытом доступе в Интернете, ведение диалога с пользователями информационных ресурсов»³⁰⁰.

Сетевые научные ресурсы, в условиях которых оказывается современный исследователь, дают ему разные возможности, с одной стороны, публично предъявлять полученные ими и оформленные в виде научной публикации результаты, распространять свои публикации и получать обратную связь, а также отслеживать в режиме реального времени востребованность своих научных результатов, количество читателей, тип «встречной» реакции (количество обращений, просмотров, загрузок, прочтений, цитирований, рекомендаций, характер комментариев, оценок и т. п.), а с другой – позволяют участникам научной коммуникации осуществлять не только полнотекстовый поиск научных работ (по автору, ключевым словам, аннотациям, тематике, названию публикации или журнала, году выпуска), но и мониторинг работ, на основе сопоставления актуальных метаданных (количества цитирований, просмотров, скачиваний текста, уровня и качества оценочных реакций – комментариев, рекомендаций, отзывов, лайков, дизлайков) составлять рейтинги авторов, научных публикаций, исследовательских тем и метаязыка исследования.

Анализ собранного и обработанного эмпирического материала показал, что сегодня благодаря новым технологиям медиасреды, благодаря сетевым информационно-коммуникационным ресурсам, таким, в частности, как eLIBRARY.RU, «КиберЛенинка», «Академия Google» и ResearchGate, концепция которых строится на идее открытости научных коммуникаций, свободного и практически ничем не ограниченного обмена научными знаниями, использования сетевых ресурсов для осуществления широкого обмена информацией, для содержательного взаимодействия и сотрудничества,

³⁰⁰ Кожемякин Е. А., Дубровская Т. В. Научный интернет-текст как семиотический объект: постановка проблемы для мультимодального анализа // Динамика медиасистем. 2023. Т. 3. № 1. С. 165. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_50392165_73918130.pdf.

показал, что сетевая публичность, в условиях которой особую значимость получают практики наблюдения («слежения») и мониторинга исследовательской деятельности, а также обеспечения видимости научного текста на общем фоне и поиска средств, привлечения к нему внимания с целью повышения его востребованности и цитируемости, оказывает влияние на качество научного текста. Конечно, он сохраняет свой особый статус, оставаясь движущей силой позитивной динамики современного общества, сохраняет ключевые свойства: информационная насыщенность, теоретическая обобщенность, научная обоснованность и аргументированность, композиционная выстроенность, отражающая принципы развертывания исследовательской мысли и ее акцентированность, лингвостилистическая релевантность. Однако нельзя не заметить перемены, которые связаны с его включенностью в новые обстоятельства.

Под влиянием обстоятельств сетевой реальности и сетевой публичности³⁰¹ оказываются все участники (авторы и адресаты) научного дискурса. Благодаря сетевой публичности представители разных групп общественности получают доступ к научному тексту в аспекте не только его потребления, но и предьявления (обозначая свое авторство и исследовательский статус).

Под воздействием сетевой публичности меняются параметры автора научного текста, в качестве которого выступает уже не только представитель экспертно-научного сообщества, профессионально знакомый с принципами научной деятельности и планомерно разрабатывающий какую-либо проблемную сферу, исходящий в своих суждениях из позиций и знаний научного сообщества и в своем сообщении на него ориентирующийся. Сегодня в категорию авторов научного текста, выставляемого на публичное обсуждение, включаются представители гражданской науки, которые осуществляют исследовательскую деятельность не всегда в сотрудничестве или под руководством профессиональных ученых или под патронатом научных учреждений и которые, соответственно, необязательно знакомы с принципами научного исследования. Так, например, в e-library можно найти научные тексты зарегистрированных авторов, статус которых определяется как *любитель музыки* или *любитель творчества Волошина*.

Меняется и дискуссионная среда научного текста, которую формируют представители разных групп: (1) *ученые, преподаватели, лаборанты, аспиранты* и мотивированные в научно-исследовательском отношении *учащиеся*, то есть те, кто входит в состав научного сообщества; (2) *научные журналисты* – знатоки и популяризаторы науки; (3) *представители*

³⁰¹ Семенов Е. Е., Кузнецова Е. И. Публичность в эпоху цифровой реальности: философский аспект проблемы // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Т. 9. № 5А. С. 91–97; Вырвцева Е. В. Распространение научного знания в интернет-пространстве: коммуникативный ресурс возражения // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 1(47). С. 38–45; Сулейманова О. А., Водяницкая А. А. Academic recycling как новая реальность: проблема определения цифровой идентичности современного исследователя // Terra Linguistica. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/academic-recycling-kak-novaya-realnost-problema-opredeleniya-tsifrovoy-identichnosti-sovremennogo-issledovatelya>.

«гражданской» науки, то есть увлекающиеся научным поиском граждане, неспециалисты, любители; (4) *«случайные посетители»*, то есть те, кто по «заманчивому» поисковому слову (*мем, брутальный, шерить, фаббинг, гламур, душный* и т. п.) непреднамеренно, непредвиденно оказался на научном сайте.

Заметим при этом, что, хотя нет гарантии, что тот, кто ознакомится с научным текстом, корректно осмыслит содержащиеся в нем факты, суждения, выводы, однако каждый имеет равное со всеми право, подкрепленное равными же технологическими возможностями, на оперирование текстом (его загрузку, скачивание, просмотр, шеринг, то есть предоставление другому пользователю) и его оценку (рекомендацию, комментарий, «лайк», то есть отметку, обозначающую то, что публикация понравилась, или «дизлайк» – отметку непонравившейся публикации), что благодаря тем же сетевым технологиям оказывается и в поле зрения научного сообщества и что определяет особенности, с одной стороны, включения научного текста в публичный диалог и его востребованность в науке, а с другой – запускает процесс содержательной «пересборки» самого научного диалога, к которому подключаются (или имеют возможность подключиться) самые широкие аудитории.

Сетевая публичность и лавинообразный поток научной информации в медиасреде мотивируют исследователя на выбор тех коммуникативных стратегий, которые обеспечивают ему, с одной стороны, *возможность наблюдения за научной деятельностью других исследователей* и отслеживания отклика на собственный научный текст, а с другой – повышение уровня заметности научного текста и *позитивной интеллектуальной и эмоциональной вовлеченности в коммуникацию целевых аудиторий*. Автор научного текста, мотивированный обстоятельствами медиасреды и ее сетевой реальностью, стремится быть в актуальном контексте, «в топе», «в тренде», «примеряя» популярную тематику, включая в свои тексты броские слова и термины, обращаясь к широко востребованным и цитируемым научным текстам (в том числе за которыми стоят цитируемые авторы), чтобы оказаться максимально включенным в совместные научные проекты и в активный научный диалог, конвертируемый в ожидаемые наукометрические показатели – индекс цитируемости, то есть количество ссылок на публикацию, и индекс Хирша (h-индекс), отражающий не только продуктивность исследователя, но и, заметим, эффективность предъявления им результатов своей деятельности. Заметим, что *медиасреда, сетевая публичность требуют сегодня от исследователя, ученого того, к чему он традиционно относится с оправданной остороженностью*.

Как показывает анализ текстов, в целом коммуникативно-речевые стратегии участников научного дискурса, направлены на реализацию главной цели – получение объективного, научного знания. Сохраняется основная задача автора научного текста, заключающаяся в убедительной демонстрации объективности своих наблюдений и выводов, в доказательстве истинности своей точки зрения, что обуславливает высокий уровень смысловой нагруженности текста и наличие в нем элементов научной полемики. Однако нельзя не заметить, что в выборе проблемно-тематической области изучения

исследователь сегодня руководствуется не только ее значимостью в науке, важностью жизненного материала, своим научным опытом и собственными научными интересами, но и такими факторами, как популярность и мода. Мода как регулятор поведения людей проникает во все сферы жизни и деятельности общества. М. В. Грусман определил моду как «одну из форм массовой коммуникации, своеобразие которой определяется в периодическом изменении процесса интереса, установок и ценностных ориентаций определенных социальных слоев и групп по отношению к части собственных традиций, обычаев, привычек, изменений, происходящих под влиянием смены социальных, психологических и физических условий жизни»³⁰². Включенность исследователя в «модные тренды» выступает как гарантия его успеха и достижения высоких показателей его эффективности.

Исследователи справедливо замечают: «хотя, строго говоря, в науке не должно быть модных и немодных проблем (эта терминология чужда подлинной науке), однако в субъективном плане определенные темы являются на какое-то время наиболее значимыми, охотнее публикуемыми, наиболее грантовыми и диссертательными, в общем, так сказать, модными и востребованными на данный период времени. В начале нулевых годов модными и востребованными были такие темы как “административная реформа” (впоследствии оказалось, что это не что иное, как выстраивание вертикали власти), “глобализм”, “партийная система”, затем – темы “суверенная демократия” и “национальная безопасность”, сформулированные правительственным и президентским руководящим аппаратом, и “конституционализация”, “конституционная безопасность”, сформулированная научным сообществом»³⁰³. Сегодня взрывной рост популярности в науке демонстрируют такие проблемно-тематические сферы, как «феминизм», «гендер», «мода», «глянец», что подтверждается стремительным увеличением за период 2012–2022 гг. количества посвященных им работ (по данным eLIBRARY.RU, от 2 до 4 раз). Об этом свидетельствует растущая из года в год статистика включения номинирующих эти темы слов в название научных работ, а также в аннотации к ним или в ключевые слова. Отметим, что это те темы, которые сегодня активно поддерживаются идеологией модных брендов.

Нет сомнения в том, что не все публикации данной тематики обусловлены исключительно заинтересованным откликом на модный спрос или на актуальную повестку как средство рг-продвижения (комплекса решений, направленных как на повышение уровня заметности, наблюдаемости и узнаваемости, так и на стимулирование интереса аудитории), как средства создания нужной репутации и выстраивания нужных отношений между исследователем и окружающими его людьми, включая и научное сообщество,

³⁰² Грусман М. В. Мода как феномен культуры и средство социокультурной коммуникации: автореф. дис. ... ст. канд. культурологии. СПб., 2010. С. 12.

³⁰³ Боброва Н. А., Власова М. А. Актуальные, модные и новаторские темы в современной юриспруденции: тождественны ли понятия? // Пути повышения уровня правосознания и правовой грамотности в современном гражданском обществе: Материалы II Международной научно-практической конференции, Грозный, 30 апреля 2021 г. / Отв. редактор Л. А. Тхабисимова. Грозный, 2021. С. 41.

тем не менее отклик на модную тему, к которой приковано внимание широких аудиторий и которая вызывает эмоциональное переживание многих людей, представляющих не только экспертно-научное сообщество, здесь явно присутствует.

Автор научного текста (осознанно или неосознанно) использует разные «профитные», то есть нацеленные на получение просчитанного эффекта, возникающего из смысловых и стилистических решений, элементы, которые повышают уровень заметности научного текста и интереса к нему разных аудиторий (популяризации). Назовем некоторые из них:

1) **креативное, броское**, может быть, даже **сенсационное название текста** (как в хорошем рекламном тексте): *Русский язык – он и в тропиках русский язык* (2015); *Я бы в летчики пошел, организация авиационной подготовки обучающихся...* (2018); *To be or to be hip // Человек в мире...* (2012); *Научный текст в ненаучном освещении, или вредит ли публицистичность научности?* (2017); *Судьба злодейка (Печальная сказка о лесной Академии наук)* (2017); *Языковой вкус, речевое послевкусие* (2013);

2) **«модная» (трендовая) терминология**, включающая в том числе потенциальные «интригой» заимствованные слова и термины: *Токсичный и душный как коммуникативные характеристики человека* (2021); *О брутальности перевода* (2020); *Джоб-шеринг как новая форма использования рабочей силы* (2021);

3) **броские метафоры и метафорические сочетания**: *Калитка к знаниям. Замысел, возможности его исполнения...* (2021); *Мозг-компьютер как символ коэволюции человека и техники* (2022);

4) **парадоксально непривычные фразы**: *Лингвистические парадоксы, или Брутальный букет из носков для любимого* (2016);

5) **афористичные формулировки** (побуждающие к их цитированию): *Настоящее – метафора, порождаемая нашим счастьем и нашим проклятием* (2015).

Результаты исследования совокупности научных текстов, функционирование которых обособлено сетевой средой, позволяют с полным основанием говорить о новом типе медиатекста – научном медиатексте, под которым нами понимается: (1) включенная в «медийные обстоятельства» форма предъявления результатов интеллектуально-познавательной деятельности исследователя; (2) медийно обусловленное, широкодоступное разным социальным аудиториям специализированное авторское исследовательское сообщение, в котором посредством совокупности аналитически выверяемых, теоретически и эмпирически обосновываемых суждений раскрывается содержание определенной предметной области.

Выводы

Норма науки – это, безусловно, не история желаний, фантазий, продаж, продвижений и самопрезентаций, однако способ осуществления научной деятельности и ее текст сегодня меняются, испытывая воздействие реальности

made in media и принципов ее функционирования. Сегодня мы, с полным на то основанием, можем говорить о научном медиатексте, который выстраивается как на традиционных для науки принципах – объективности, истинности и аргументированности научного знания, так и на принципах заметности (явленности широкой общественности), наблюдаемости (включающей мониторинг, отслеживание и сортировку), узнаваемости (популярности и уровня восприятия атрибутов) и продвижения (комплекса решений, направленных на повышение заметности, наблюдаемости и узнаваемости, а также на стимулирование интереса аудиторий).

ЛИТЕРАТУРА

Анненкова И. В., Залоило М. В. Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: право, медиа и национальная идентичность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3(76). С. 140–155.

Аришинова М. А. Имидж бренда как результат его восприятия потребителем // Инновации и инвестиции. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-brenda-kak-rezultat-ego-vospriyatiya-potrebitelem>

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Боброва Н. А., Власова М. А. Актуальные, модные и новаторские темы в современной юриспруденции: тождественны ли понятия? // Пути повышения уровня правосознания и правовой грамотности в современном гражданском обществе: Материалы II Международной научно-практической конференции, Грозный, 30 апреля 2021 г. / Отв. редактор Л. А. Тхабисимова. Грозный, 2021. С. 40–48.

Бодуэн де Куртэнэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. т. 1. М., 1963.

Борычева А. А. Медиареальность и ее типология: социально-философский анализ // Гуманитарный вестник. 2023. № 1(99). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediarealnost-i-ee-tipologiya-sotsialno-filosofskiy-analiz>

Вывроцева Е. В. Распространение научного знания в интернет-пространстве: коммуникативный ресурс возражения // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 1(47). С. 38–45.

Грусман М. В. Мода как феномен культуры и средство социокультурной коммуникации. автореф. дис. ... ст. канд. культурологии. СПб., 2010.

Дашкова С. Ю. Логико-прагматический анализ аргументации в научно-учебном тексте (на материале французского и русского языков): специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссерт. на соискание ученой ... ст. канд. филол. наук. Кемерово, 2004. URL: <https://www.dissercat.com/content/logiko-pragmaticeskii-analiz-argumentatsii-v-nauchno-uchebnom-tekste-na-materiale-frantsuzsk>.

Засурский Я. Н. Колонка редактора: медиатекст в контексте конвергенции // Вестник Московского университета. Серия 0. Журналистика. 2005. № 2. С. 3–6.

Кайда Л. Г. Интермедиальное пространство композиции: Монография. М., 2013.

Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Защита диссертации как жанр научного дискурса // Язык. Текст. Дискурс. 2010. № 8. С. 338–350.

Касавин И. Т. Дилемма ученого: после Макса Вебера // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 17–21.

Клюшников Е. В. Вопросы научных коммуникаций: терминологический анализ, структура, классификация // ИнноЦентр. 2018. № 3(20). С. 1–9.

Кожмякин Е. А. Современные медиадискурсы: специфика и проблема когерентности // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: I Международная научно-практическая конференция: Сборник научных работ,

- Белгород, 01–04 апреля 2014 года / Под редакцией Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского, А. Г. Ходеева. Белгород, 2014. С. 57–62.
- Кожемякин Е. А., Дубровская Т. В.* Научный интернет-текст как семиотический объект: постановка проблемы для мультимодального анализа // *Динамика медиасистем*. 2023. Т. 3. № 1. С. 163–171. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_50392165_73918130.pdf.
- Кожина М. Н.* О речевой системности научного стиля речи сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972.
- Кротков Е. А., Кожемякин Е. А.* Научный дискурс // *Дискурс-Пи*. 2013. № 3(13). С. 138–139.
- Кузнецова Е. И.* Медиареальность как коммуникативный медиум // *Медиафилософия II: Границы дисциплины: материалы междунар. науч. конф., 21–22 ноября 2008 г.* СПб., 2008. С. 67–79.
- Мишанкина Н. А.* Метафора в науке: парадокс или норма? Томск, 2010.
- Мордовина Т. В., Воякина Е. Ю., Королева Л. Ю.* Научный дискурс через призму социолингвистического подхода и когнитивной лингвистики // *Мир науки, культуры, образования*. 2019. № 2(75). С. 366–369.
- Николаи Ф., Афанасов Н., Тесля А. Х.* Международная конференция «Способы мысли, пути говорения» Школы философии НИУ ВШЭ (НИУ ВШЭ, Москва, 22–23 апреля 2019 г.) // *Новое литературное обозрение*. 2019. № 5(159). С. 432–444.
- Пантыкина М. И.* О том, как написать научный текст: рекомендации Бруно Латура // *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия*. 2023. Т. 5, № 1. С. 41–47.
- Пересборка с позитивным уклоном // *Ведомость*. 28 апреля 2023 г. URL: <https://www.vedomosti.ru/special/2023/04/28/peresborka-s-pozitivnim-uklonom-ldtckkn7m>.
- Полонский А. В.* Медиареальность: что мы можем сказать о ней сегодня? // *Медиалингвистика: Материалы II Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02–06 июля 2017 г.* / Ответственный редактор А. А. Малышев. Вып. 6. СПб., 2017. С. 329–331.
- Полонский А. В., Глушкова В. Г.* Культура и человек в условиях глобализации // *Психологические знания в современном мире: материалы международной научно-практической и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов, Белгород, 07 апреля 2016 г.* / Белгородский университет кооперации, экономики и права. Белгород, 2016. С. 268–274.
- Пружинин Б. И.* Наука как профессия и как феномен культуры // *Вопросы философии*. 2019. № 8. С. 5–9.
- Пятигорский А. М.* Заметки об одной из возможных позиций философа // *Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание: метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке*. М., 1997. С. 3–54.
- Ракитина С. В.* Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста: специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат дисс. ... ст. доктора филол. наук. Волгоград, 2007.
- Савчук В. В.* Медиареальность – новая среда жизни. Культура и технологии. 2017. Т. 2. Вып. 1. <http://dx.doi.org/10.17586/2587-800X-2017-2-1-1-5>.
- Семенов Е. Е., Кузнецова Е. И.* Публичность в эпоху цифровой реальности: философский аспект проблемы // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2020. Т. 9. № 5А. С. 91–97.
- Семячкин Д. А.* Открытый доступ к науке: мифы и реальность // *Университетская книга*. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otkrytyy-dostup-k-nauke-mify-i-realnost>.
- Семячкин Д. А., Кисляк Е. В., Сергеев М. А.* Научные электронные библиотеки: актуальные задачи и современные пути их решения // *Научная периодика: проблемы и решения*. 2013. №2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-elektronnye-biblioteki-aktualnye-zadachi-i-sovremennye-puti-ih-resheniya>.

Сулейманова О. А., Водяницкая А. А. Academic recycling как новая реальность: проблема определения цифровой идентичности современного исследователя // Terra Linguistica. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/academic-recycling-kak-novaya-realnost-problema-opredeleniya-tsifrovoy-identichnosti-sovremennogo-issledovatelya>.

Bolter J. D., Engberg M., MacIntyre B. Reality Media: Augmented and Virtual Reality. MIT Press, Cambridge (MA), 2021.

Diodato R. Virtual Reality and Aesthetic Experience // Philosophies. 2022. № 7/2. pp. 1–8.

Matthews D. [Do academic social networks share academics' interests?](#) // [Times Higher Education](#). 2016.04.17.

Текстовое оформление научного знания в материально-технологической среде медиа³⁰⁴

Научное знание и медийные технологии: постановка проблемы

Современная материально-технологическая среда медиа оказывает существенное влияние на смысловые трансляционные процессы. Это аксиоматичное утверждение, в широком смысле относящееся к любой исторической форме коммуникаций и любым медийным технологиям – от бумаги до телевидения, от телеграфа до мессенджеров, – следует рассматривать не только с точки зрения алгоритмов влияния на способы передачи значений, но и в аспекте медиатехнологической детерминированности преобразований способов предъявления различных типов знания. То, что и как мы знаем об окружающем мире и его феноменах, безусловно, определяется характером репрезентации знания, медийными способами его предъявления, которые выступают своего рода посредниками между познающим субъектом и объективной реальностью. Так, не случайно в сегодняшней общественной повестке проблема фейков и манипуляции обсуждается настолько широко: дело в том, что так называемое «событийное знание» становится наиболее уязвимым вследствие специфичности современных способов предъявления информации – цифровых и виртуальных технологий создания и обработки изображения, монтажа, AR-технологий и т. п. С их помощью создание реалистичной визуальной модели фактов действительности является гораздо более доступной процедурой, а результат – более правдоподобным, чем в случае с традиционными медийными техниками, например, аналоговой фотографией. Известны также и позитивные эффекты влияния новейших технологий предъявления знания на его восприятие и усвоение: в образовательных практиках сегодня широко применяются интерактивные цифровые технологии (например, 3D-модели объектов, VR-симуляторы и т. д.), позволяющие обучающимся быстрее, нагляднее, глубже и полнее получать информацию об изучаемом объекте.

Однако, вопрос, как меняются способы предъявления других типов знания – не только «событийного» и образовательного – в новейших материально-технологических условиях, требует более глубокого и всестороннего изучения. Особую значимость имеет изучение трансформаций способов предъявления научного знания. Модифицируется ли научное знание в результате его погружения в интернет-среду? Как изменяется алгоритм передачи информации в научной коммуникации в новейших медийных условиях? Не происходит ли искажений в процессе передачи научной информации с помощью цифровых технологий и если они есть, то насколько они критичны для рецепции и интерпретации научного знания адресатами? Эти вопросы легли в основу нашего исследования.

³⁰⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00109, проект «Рецепция и интерпретация научного текста в интернете: мультимодальный подход», <https://rscf.ru/project/23-28-00109/>.

Трансформации «интерфейсов» научного знания

Научная коммуникация относится к тем типам социального взаимодействия, которые претерпевают минимальные структурные, содержательные и формальные трансформации с течением времени, что обусловлено неизменным характером базовых принципов, лежащих в основе науки. Принципы объективности, обоснованности, системности и аргументированности научных результатов обеспечивают временную константность правил и конвенций, регулирующих научный стиль, логические и терминологические параметры, композицию и обязательные элементы текста, описание научных источников, использование ссылок и т. д., а, следовательно, формируют и основные ожидания читателей относительно научного текста³⁰⁵.

В то же время сегодня мы можем наблюдать некоторые беспрецедентные изменения, касающиеся семиотической организации и прагматики научных текстов³⁰⁶. Под влиянием информационно-коммуникационных технологий, новых технических и материальных возможностей предъявления научного знания меняется не только характер организации научной коммуникации, но и способы рецепции и интерпретации научного знания.

Макс Шелер относил научное знание к «относительно искусственным» или «образовательным формам мировоззрения»³⁰⁷. Это означает, что формирование такого вида знания строится на своего рода общественном консенсусе как результат социальных конвенций относительного его критериев, способов производства и трансляции, и в этом аспекте, по мнению М. Шелера, и заключается принципиальное отличие науки от других – менее искусственных («относительно естественных») мировоззрений, например, мифа, народных верований или религии. Эта характеристика научного знания указывает на технологичность его формирования. Если «естественные мировоззрения» развиваются крайне медленно в силу их укорененности в «коллективном бессознательном», в рутинных нерационализируемых социальных практиках, то научное знание развивается исключительно в силу изменений фундаментальных рациональных правил (конвенций и технологий) его производства. Следовательно, изменение технологических условий научной коммуникации может повлечь за собой серьезные изменения в характеристиках знания, способах его предъявления и хранения.

М. Шелер отмечает: «каждый род знания вырабатывает свой особый язык и свой особый стиль для формулирования знания», а «науки ... – в особенности такие, как математика и естествознание, – вырабатывают чисто искусственную терминологию»³⁰⁸. Однако если под влиянием цифровых медиа на лексико-стилистическом уровне предъявления научного знания, как мы

³⁰⁵ Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. М., 2005.

³⁰⁶ Подробнее см.: Кожемякин Е. А., Дубровская Т. В. Научный интернет-текст как семиотический объект: постановка проблемы для мультимодального анализа // Динамика медиаисстем. 2023. Т. 3, № 1. С. 163–171.

³⁰⁷ Шелер М. Проблемы социологии знания. М., 2011. С. 62.

³⁰⁸ Там же. С. 63.

полагаем, изменения минимальны, то на уровне коммуникативно-прагматическом трансформации могут быть более существенными, и они могут определять в том числе характер интерпретации читателями научной терминологии и лексико-стилистических элементов научных текстов.

«Формулирование знания» – это процесс, который неизбежно предполагает процедуры придания научной информации материальной формы. Главным средством такой «материализации» знания, его предъявления традиционно является *текст*. Научные результаты излагаются в виде тезисов, статей, рецензий, обзоров, отчётов, монографий и т. д., имеющих текстовый характер организации. *Это инвариативная характеристика научной коммуникации в исторической перспективе.* Однако исторически обусловленными являются среда их «бытования», конкретные материально-технологические способы создания текстов и организации взаимодействия читателя с текстом («интерфейсы» научного знания): рукописные тексты, напечатанные на бумаге журнальные статьи и книги, аудио- и видеозаписи докладов, экранный текст в формате презентации, цифровой интернет-текст.

Осуществление научной коммуникации в интернет-среде делает возможным использование нехарактерных для «бумажной» коммуникации семиотических ресурсов и приводит к трансформации форматов взаимодействия реципиентов с текстом, предоставляя читателям материальные возможности для управления собственным восприятием и совершения действий в отношении текста.

Технологические возможности интернет-среды в совокупности образуют то, что можно обозначить скорее как материально-технологический микроконтекст текста: такие элементы интернет-среды, как гиперссылки, элементы прокрутки, внутритекстовой навигации, графические элементы и иконки, всплывающие подсказки и комментарии и т. п., не являются новейшими атрибутами или свойствами собственно текста, а составляют в совокупности своего рода «инструментальную оболочку», интерфейс, позволяющий читателю самостоятельно определять содержание и порядок действий в отношении текста, в том числе – научного.

В известной степени бумажный формат предъявления научного знания также обладает своими интерфейсными особенностями, определяемыми материальной природой носителя и выражающимися в следующих свойствах: линейной организованная композиция текста, структурированного строками, абзацами, параграфами, а также – страницами; неизменяемый характер репрезентации информации; двухмерность представления контента, обусловленная плоскостью бумажной страницы. Эти особенности интерфейса бумажного текста, как отмечают Д. А. Золотарев и Т. В. Белько³⁰⁹, позволяют воспринимать текст на бумажном носителе одномоментно и цельно, в рамках его физических границ, что относится ко всем типам бумажного текста, включая научные.

³⁰⁹ Золотарев Д. А., Белько Т. В. Сравнительный анализ особенностей восприятия текста на бумажном носителе и в интерактивной среде // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 2–1. С. 215–220.

В то же время «виртуальный» экранный текст, в силу присущих ему особенностей цифрового интерфейса и технической среды, принципиально не может быть воспринят пользователем / читателем как целостный линейный феномен. Для его комплексной рецепции необходима серия пользовательских действий (прокрутка, переход от страницы к странице, изменение масштаба и т. д.), направленных на то, чтобы определить границы текста. Д. А. Золотарёв и Т. В. Белько уточняют: «Классическая «книжная» форма <...> даёт большую степень наглядности в оценке целого <...> сама конструктивная форма [«бумажного» текста – Е. К.] информирует нас о том, где именно мы находимся, предоставляя возможность сравнения»³¹⁰. В то же время экранный текст, по мнению авторов, скорее похож на карту или схему, «не имеющей “физического” начала и конца»³¹¹.

С этой же особенностью связывается и такое свойство экранного текста, как неочевидность протекающих процессов, тогда как при взаимодействии с «бумажным» текстом все результаты наших манипуляций в отношении текста эмпирически очевидны³¹².

Эти, на первый взгляд, исключительно технические особенности могут быть фактором существенных трансформаций смысловых эффектов интеракции пользователей с ним. «Очевидность» границ и процессов взаимодействия с «бумажным» текстом не требует посредников в виде интерфейсных элементов, позволяющих организовать и визуализировать процедуры конвертации действий пользователя в результате манипуляций с текстом: мы «просто» перелистываем страницы, наш взгляд движется последовательно от начала строки к её концу и от строки к строке сверху вниз, а объём оставшихся для прочтения страниц или строк позволяет нам судить о том, какой объём информации нам ещё предстоит получить. Однако эти действия свидетельствуют о порядке формирования целостного представления о содержании (смысловой структуре) текста. Линейная организация предъявления научного знания предполагает последовательную – линейную, от элемента к элементу – реконструкцию комплекса значений в ходе непосредственного восприятия пользователем информации. Для того, чтобы получить целостное представление о содержании «бумажного» текста, мы должны без помощи вспомогательного инструментария пошагово «двигаться» от элемента к элементу, от начала к концу, при этом оценивая объём усвоенного и оставшегося для усвоения материала.

Аффордансы научного интернет-текста

«Неочевидность» границ и процессов взаимодействия с экранным текстом, напротив, требует от его составителей / редакторов использования определённых средств или инструментов, позволяющих организовать наши действия в отношении текста, в том числе «настроить» их – действий –

³¹⁰ Золотарев Д. А., Белько Т. В. Сравнительный анализ особенностей восприятия текста на бумажном носителе и в интерактивной среде // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 2–1. С. 218.

³¹¹ Там же.

³¹² Там же.

содержание, последовательность и интенсивность. Взаимодействие с экраным текстом предполагает использование целого комплекса элементов-посредников, позволяющих отображать или скрывать текст или его фрагменты, осуществлять навигацию по текстовой структуре, поиск нужной информации или места её расположения, менять его масштаб, возвращаться к определенным фрагментам и т. п. Эти действия в совокупности определяют сложный семиотический – смыслопорождающий – характер действий пользователя в отношении текста. Фактически, читатель цифрового экранного научного текста включается в систему технических и коммуникационных инструментов, участвующих в реконструировании содержания текста – научного знания. Материально-технологические ресурсы интернет-среды усиливают присущее научному тексту свойства, которое Бруно Латур определял как *стратифицированность*: «Разница между обычным текстом и научным заключается в стратифицированности последнего. Текст как бы состоит из множества слоев. Каждое утверждение ведет к ссылке либо на что-то за пределами текста, либо на какую-то другую часть текста, график, таблицу, рисунок, легенду, список. Каждый из этих объектов, в свою очередь, может вновь отсылать читателя к другим частям текста или к внешним источникам»³¹³. В условиях научной интернет-коммуникации крайне важным становится задача обеспечить её особыми ресурсами, позволяющими читателям осуществлять подобные операции перехода к источникам и фрагментам, управления ими, поиска информации.

В области социальной семиотики используется термин *аффорданс* (affordance), обозначающий такой материально выраженный семиотический ресурс, который предоставляет пользователю / реципиенту возможность совершения определённых действий с объектом в коммуникативной среде³¹⁴. Изначально распространённый в психологии³¹⁵, а также в дизайнерской и IT-сферах, этот термин сегодня достаточно широко применяется в коммуникативистике, маркируя всё многообразие средств, инструментов, операторов, используемых в интернет-коммуникации для совершения определенных действий в отношении текста.

Важно подчеркнуть, что аффордансы чаще всего рассматриваются в качестве *коммуникативной категории* и описываются как своего рода медиаторы между, с одной стороны, реципиентом или актором и, с другой стороны, – средой или даже другими акторами. Так, в биосемиотике аффордансы трактуются как возможности среды, с помощью которых можно удовлетворить потребности живого организма, исходя из возможностей

³¹³ Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб., 2013. С. 88.

³¹⁴ Kress G. Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication. N.Y., 2010.; Engberg J, Maier C. D. Multimodal Generic Trends of Harvard Business Review Knowledge Communication in and beyond Social Media Context: Exploiting Affordances, Neglecting Opportunities // Publications. 2022. № 10(1). Pp. 4-21; Evans Sandra K., Pearce Katy E., Vitak Jessica, Treem Jeffrey W. Explicating Affordances: a Conceptual Framework for Understanding Affordances in Communication Research // Journal of Computer-Mediated Communication. 2017. Volume 22, Issue 1. Pp. 35–52.

³¹⁵ Например: Ануфриева А. А., Горбунова Е. С. Аффордансы как часть процесса идентификации объекта в зрительном поиске // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19, № 2. С. 188–200.

последнего³¹⁶. Исследователи подчёркивают, что аффордансы в биосреде необходимы для обеспечения процесса *semiotic fitting* («семиотическая подгонка») ³¹⁷, то есть «целенаправленного» поиска живыми системами по определённым материальным признакам других живых систем, кооперация с которыми может приносить положительный эффект для их развития. Такими аффордансами в биосреде могут быть, например, обеспечение твёрдой опоры, укрытия от внешних опасностей или доступа к энергии. Понимая условность сопоставления биосемиотической трактовки аффорданса с взаимодействием пользователя с интернет-текстом, тем не менее отметим одну характерную для био- и социальной (в нашем случае – научной) коммуникации черту: некоторые материальные признаки позволяют коммуникантам определять возможности удовлетворения своих потребностей и соотносить свои действия с действиями других участников коммуникации. Так, размещение в научной интернет-статье кнопки «Поиск» будет совершенно точно ориентировать пользователя на удовлетворение потребности в быстром обнаружении интересующего его фрагмента текста или в целом в идентификации тематики текста. Из биосемиотических наблюдений мы можем заключить, что *аффорданс является материальным ресурсом, позволяющим соотнести потребности реципиента с медийным контентом*. К потребностям реципиента научных интернет-текстов мы можем отнести идентификацию содержания / тематики научного текста, поиск источников данных, определение главных идей, аргументов и контраргументов статьи, а также участие в обсуждении работы с автором и другими пользователями.

В философских работах аффордансы иногда рассматриваются как прагматическая функция среды³¹⁸, то есть они представляют собой такие свойства пространства или объектов, которые имеют значение не «сами по себе», а в соотношении с познающим субъектом или агентом действия. По утверждению Дж. Гибсона, аффорданс «в равной степени является и фактом окружающего мира, и поведенческим фактом»³¹⁹. Среды, насыщенные аффордансами, иногда обозначаются как «среда-интерфейсы»³²⁰, «они гомогенны и комплементарны агенту»³²¹. В этом проявляется социальная функция аффордансов – они не просто делают взаимодействие с объектом комфортным и прогнозируемым, но и фактически моделируют поведение пользователя. Применительно к научной интернет-коммуникации это обстоятельство имеет следующее выражение: *реципиент научного интернет-*

³¹⁶ Струговщикова У. С. Семиотические миры. Пример растений // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2023. № 3(37). С. 159–181.

³¹⁷ Струговщикова У. С. Семиотические миры. Пример растений; а также: Kull K. Semiotic Fitting and the Nativeness of Community // Biosemiotics. 2020. № 13. Pp. 9–19.

³¹⁸ Тестов Д. Ф., Володина А. В. К теории среды: постоптимальность и прагматика проектирования аффордансов // Полилог. 2021. Т. 5, № 3. <https://polylogos-journal.ru/s258770110017301-3-1/>

³¹⁹ Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988. С. 189.

³²⁰ Тестов Д. Ф., Володина А. В. К теории среды: постоптимальность и прагматика проектирования аффордансов // Полилог. 2021. Т. 5, № 3. <https://polylogos-journal.ru/s258770110017301-3-1/>

³²¹ Там же.

текста с большей вероятностью совершит те действия в отношении текста, которые моделируются с помощью аффордансов его интерфейса.

В то же время авторы выделяют категорию «фантомных аффордансов»³²², которые моделируют (стимулируют) определённые действия пользователя, но не обеспечивают желаемый результат. Наличие «фантомных аффордансов» может использоваться в качестве маркера качества интерфейса текста и, следовательно, работы читателя с ним.

В медиаисследованиях коммуникативно-технологический потенциал аффордансов медиаресурсов рассматривается в контексте реализации медийных функций. Так, А. Р. Медведева на материале культурно-просветительского медиаресурса выделяет следующие аффордансы, обеспечивающие траектории взаимодействия читателя с текстом: скроллинг, акцентирование, обзор, целенаправленный перенос, переключение³²³. Обратим внимание на вывод автора: «аффордансы интерфейса <...> являются не только базовым функционалом веб-сайта, но и материализацией самих способов работы с информацией в виртуальном аспекте»³²⁴. Экстраполируем этот тезис на практики работы читателя с научным интернет-текстом: полная, точная и релевантная с коммуникативной точки зрения настройка материально-технологической среды научных текстов в интернете позволяет моделировать эффективное взаимодействие реципиентов с научными материалами. И напротив – некорректное использование аффордансов существенно затруднит работу с текстом.

Можно выделить следующие семиотические элементы, побуждающие к совершению определенных действий, в зависимости от коммуникативных возможностей, которые они предоставляют:

– средства масштабирования текста и операторы перемещения между композиционными элементами текста позволяют *фокусироваться на элементах текста и последовательности их восприятия*. Аффордансы этого типа позволяют читателю работать со структурой текста (см. Рис. 1);

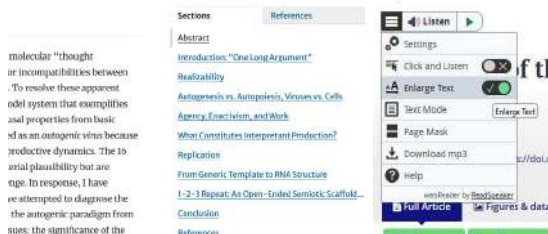

Рис. 1. Аффордансы работы со структурой текста: операторы перемещения между структурными элементами текста и изменения масштаба.

³²² Serada A. Phantom affordances in video games // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2019. № 4. Pp. 86–107.

³²³ Медведева А. Р. Аффордансы интерфейса культурно-просветительской журналистики (на примере сайта «Арзамас») // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2021. № 2(40). С. 118.

³²⁴ Там же. С. 119.

– кнопки разворачивания и сворачивания, всплывающие комментарии, ниспадающие меню позволяют *получить дополнительную внутритекстовую информацию* (см. Рис. 2);

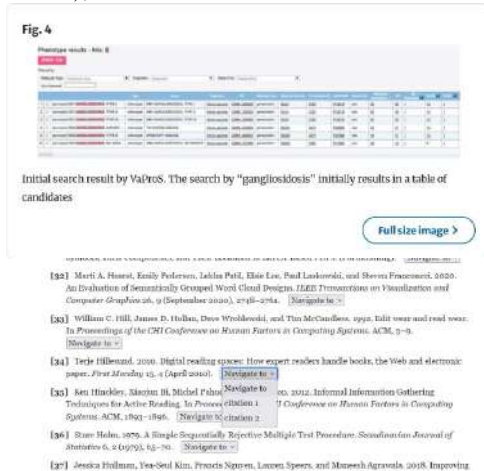

Рис. 2. Аффордансы работы с дополнительной внутренней информацией: разворачивание таблиц и внутритекстовые переходы.

– внешние гиперссылки, тэги, ссылки на источники ориентируют реципиента на *получение дополнительной внетекстовой информации* (см. Рис. 3).

Рис. 3. Аффордансы работы с дополнительной внешней информацией: ссылки на внешние источники.

Результаты экспериментов

Для того, чтобы уточнить гипотезу о влиянии аффордансов на характер, содержание и последовательность операций реципиента при работе с научным текстом коллектив лаборатории мультимодальных исследований НИУ «БелГУ» (А. В. Белоедова, Т. В. Дубровская, Е. А. Кожемякин и Я. И. Тяжлов) организовал и провёл эксперимент с участием двух групп: контрольной (R = 8) и экспериментальной (R = 8). Эксперимент представлял собой один из этапов исследования на тему «Рецепция и интерпретация

научного текста в интернете: мультимодальный подход». Задача данного этапа состояла в определении возможного влияния аффордансов интернет-среды научных статей на модели работы пользователя с текстом.

Для решения этой задачи мы подготовили два варианта научной статьи: первый текст содержал только вербальную информацию и представлял собой обычный линейный текст без экстралингвистических элементов и интерактивных операторов, а второй текст, аналогичный по содержанию, был «снабжён» такими аффордансами, как возможность развернуть или свернуть аннотацию, ключевые слова, заключение и список литературы, внешними гиперссылками, видеоматериалом, галереей фотографий по теме статьи.

Контрольная группа работала с первым вариантом научной статьи, представляющим своего рода экранный вариант традиционного «бумажного» текста, а экспериментальная группа – с текстом с аффордансами. Обе группы получили универсальное задание: прочитать текст и пересказать общее содержание статьи, найти определённые статистические данные в тексте и определение ключевого термина. В ходе исследования с помощью видеоокулографа фиксировались действия испытуемых.

Общие результаты эксперимента заключаются в следующем.

Испытуемые в контрольной группе работали с текстом в «классическом» режиме: их операции в силу отсутствия аффордансов были ограничены исключительно скроллингом текста. Представители экспериментальной группы достаточно активно использовали внетекстовые семиотические элементы для взаимодействия с текстом: помимо скроллинга читатели пользовались операторами разворачивания и сворачивания аннотации, ключевых слов, заключения и списка литературы, переходами по внешним ссылкам, просматривали видео и галерею фотографий, причём чаще всего прибегали к возможности просмотра заключения и перехода по внешней ссылке, а реже – к возможности прочтения аннотации, ключевых слов, списка литературы и просмотра видео.

Мы предполагаем, что такого рода активность и избирательность в использовании аффордансов в экспериментальной группе обусловлена содержанием задания со стороны исследователей: пересказать основное содержание текста. По всей видимости, возможность прочитать заключение, с точки зрения пользователей, позволяет решить эту задачу эффективнее. По результатам этого эксперимента мы можем заключить, что если основная интенция автора научной статьи, размещающего её в интернет-среде, заключается в стимулировании у читателя представления об общем содержании текста и основных результатах (без специального привлечения внимания к детальной информации, обстоятельствам и алгоритму исследования, а также второстепенным его результатам), то представляется целесообразным при организации интерфейса статьи особое внимание уделить аффордансам чтения заключения, при этом ограничить использование иных аффордансов, отвлекающих читателя от достижения этой цели. Такого рода

интенция характерна для изданий, публикующих обзорные материалы, дайджесты, небольшие материалы преимущественно тезисного характера.

В упомянутом выше нашем эксперименте была поставлена перед испытуемыми задача, касающаяся понимания общего содержания статьи и поиска в ней некоторых смысловых фрагментов. В то же время естественные (не лабораторные) практики чтения разными группами пользователей научных статей мотивированы не только необходимостью получить общее содержание об исследовательских результатах, но и другими читательскими интенциями, например, изучить эмпирический материал или получить доступ к исходным данным, представленным в статье.

В 2023 г. совместно с доцентами кафедры «Журналистика и социология» Тольяттинского государственного университета к. филол. н., доц. Л. В. Ивановой и к. филол. н. А. В. Куприяновой нами был организован и проведён эксперимент, направленный на изучение моделей взаимодействия читателей с интернет-текстами, содержащими цифровые данные. Перед испытуемыми была поставлена аналогичная задача – понять главную идею и общее содержание текстов. Уточним, что в силу жанровой специфики текстового материала (журналистские тексты, основанные на данных) они не содержали аннотацию и заключение, а основное содержание было представлено в формате количественных (цифровых) данных. В связи с этим в ходе эксперимента не удалось установить связь между интерпретацией содержания статьи и обращением к упомянутым структурным элементам, характерным для научного текста. Однако результаты исследования указывают на корреляцию между форматом представления данных и качеством их понимания и в целом вниманием к ним. Так, репрезентация статистической информации в виде интерактивной карты, предоставляющей возможность пользователю получить данные о том или ином регионе посредством наведения курсора на соответствующую область на карте, привлекла особое внимание испытуемых и стимулировала активное взаимодействие с данным аффордансом. Участники эксперимента отмечали, что способ подачи данных (интерактивная карта) побудил их получить дополнительную информацию по теме публикации, даже несмотря на то, что в целом данная тематика не входит в область их интереса. Таким образом, интенция пользователя получить доступ к исходным данным или более детальную информацию по проблеме публикации может быть реализована с помощью аффордансов работы с дополнительной информацией. Подобные аффордансы могут быть интерпретированы как жанровые параметры цифрового текста³²⁵, однако, на наш взгляд, они также характеризуют структурные и прагматические особенности технологической среды реализации текста, которые существенно влияют на характер его рецепции и интерпретации пользователем.

³²⁵ Иванова Л. В., Куприянова А. В. Метажанр в цифровом дата-дискурсе // Динамика медиасистем. 2023. Т. 3. № 1. С. 142–149.

Выводы

Основным средством предъявления научного знания является научный текст. Будучи детерминированным медийными процессами и объектами, текст реализуется в конкретной материально-технологической среде, ключевым элементом которой являются аффордансы – «посредники» между свойствами текста и его контекста и возможностями читателя / пользователя. Они активно используются в процедурах смыслотранслирования: с помощью аффордансов реципиент может самостоятельно выстраивать тематическую иерархию текстовых блоков (например, с помощью интерактивных элементов меню управления текстом оставляя визуально не воспринимаемыми фрагменты), получать или отказываться от получения релевантной тексту информации по желанию (например, с помощью аффорданса разворачивающейся таблицы с количественными данными).

Аффордансы прагматически неоднородны: некоторые из них позволяют совершать традиционные операции в отношении научного текста в новой для него среде (элементы прокрутки или структурное меню); другие – позволяют взаимодействовать с текстом в нетипичном для бумажного формата ключе (операторы разворачивания и сворачивания элементов текста, всплывающие комментарии, элементы анимации); некоторые аффордансы (например, тэги) устанавливают связь с другими текстами, «встраивая» объект восприятия в дискурсивную сеть.

Эти особенности инициированы не столько базовыми принципами научной коммуникации (хотя в известной степени они соотносятся с её ключевыми задачами), сколько процедурно-технологическими характеристиками интернет-среды и её принципами интерактивности, вовлеченности и реагирования. Будучи размещённым в интернет-среде, научный текст, безусловно, не теряет признаки научности и в целом определение его качества остаётся неизменным – оно оценивается соответствием традиционным конвенциям научной коммуникации. Однако научные тексты сталкиваются и с новыми требованиями: ожидается, что научный интернет-текст должен быть: 1) быстро и точно понят и 2) с ним должно быть удобно работать.

Требование понятности не ново для научной коммуникации, однако технологическая среда предлагает инструментарий для облегчения работы реципиента со смысловыми структурами текста. В то же время интерпретация научного интернет-текста, по всей видимости, определяется в том числе квалификацией и компетентностью реципиента, и в этом не наблюдается серьёзных изменений. Однако требование удобства («юзабилити») является абсолютно новым в отношении научных текстов, а некорректно установленные аффордансы или их недостаток могут стать серьёзным барьером взаимодействия читателя и текста.

В материально-технологической интернет-среде аффордансы обеспечивают принцип стратифицированности текста. С их помощью пользователи могут совершать навигацию между «слоями» (Б. Латур) и

внешним источникам текста, совершать определенные действия в их отношении. Уточним, что мы не склонны считать аффордансы акторными элементами сети научной коммуникации, следуя логике акторно-сетевой теории (Б. Латур, М. Коллон). Мы рассматриваем аффордансы не как элементы текста или активных субъектов коммуникации, а как элементы среды реализации текста. Это означает, что использование многих из них является обязательным условием совершения коммуникативных действий с текстом в интернет-среде. Из этого следует, что научный текст, сохраняя традиционные содержательные и структурные элементы, тем не менее, становится типичным интернет-объектом, в отношении которого формируются такие же коммуникативные ожидания, как и в отношении других интернет-текстов и объектов.

Итак, текстовое оформление научного знания в интернете имеет ряд существенных особенностей семиотико-прагматического характера: сохраняя свою традиционную композицию, жанрово-стилевые, лексико-семантические признаки, научный текст, тем не менее, реализуется в технологическом микроконтексте. Этот контекст состоит из семиотических ресурсов, позволяющих управлять восприятием текста. Аффордансы выступают в качестве «элементов, структурирующих материальную среду»³²⁶ научной коммуникации в интернете за счёт материального обеспечения конкретных действий реципиента в отношении текста. Технологически обязательный характер аффордансов в научной публикации обуславливает новое требование к научному тексту – удобство восприятия и взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

Ануфриева А. А., Горбунова Е. С. Аффордансы как часть процесса идентификации объекта в зрительном поиске // Российский психологический журнал. 2022. Т. 19, № 2. С. 188–200.

Волкова Н. А. Возвращение модусов существования Латюра к «радикальному эмпиризму»: от препозиций к аффордансам // Социология власти. 2019. № 2. С. 92–115.

Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.

Золотарев Д. А., Белько Т. В. Сравнительный анализ особенностей восприятия текста на бумажном носителе и в интерактивной среде // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 2–1. С. 215–220.

Иванова Л. В., Куприянова А. В. Метажанр в цифровом дата-дискурсе // Динамика медиасистем. 2023. Т. 3, № 1. С. 142–149.

Жожемякин Е. А., Дубровская Т. В. Научный интернет-текст как семиотический объект: постановка проблемы для мультимодального анализа // Динамика медиасистем. 2023. Т. 3, № 1. С. 163–171

Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб., 2013.

Медведева А. Р. Аффордансы интерфейса культурно-просветительской журналистики (на примере сайта «Арзамас») // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 2(40). С. 115–120.

Тестов Д. Ф., Володина А. В. К теории среды: постоптимальность и прагматика проектирования аффордансов // Полилог. 2021. Т. 5, № 3. <https://polylogos->

³²⁶ Волкова Н. А. Возвращение модусов существования Латюра к «радикальному эмпиризму»: от препозиций к аффордансам // Социология власти. 2019. № 2. С. 101.

journal.ru/s258770110017301-3-1/

Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. М., 2005.

Шелер М. Проблемы социологии знания. М., 2011.

Engberg J, Maier C. D. Multimodal Generic Trends of Harvard Business Review Knowledge Communication in and beyond Social Media Context: Exploiting Affordances, Neglecting Opportunities // Publications. 2022. № 10(1). Pp. 4–21.

<https://doi.org/10.3390/publications10010004>

Evans Sandra K., Pearce Katy E., Vitak Jessica, Treem Jeffrey W. Explicating Affordances: a Conceptual Framework for Understanding Affordances in Communication Research // Journal of Computer-Mediated Communication. 2017. Vol 22, Issue 1. Pp. 35–52.

Kress G. Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication. N.Y., 2010.

Kull K. Semiotic Fitting and the Nateness of Community // Biosemiotics. 2020. № 13. Pp. 9–19.

Serada A. Phantom affordances in video games // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2019. № 4. Pp. 86-107.

**«Заходишь на Киберленинку, скачиваешь в PDF...»:
современные технологии и практики взаимодействия читателя
с научным текстом в условиях медиа³²⁷**

Современные технологии не только меняют контекст существования человека, но и ставят на повестку дня новые исследовательские вопросы, обусловленные этими переменами. Получая в руки новые технологии, человек открывает для себя способы взаимодействия с окружающим миром, и одновременно сами технологии становятся существенной частью его среды. Возникает потребность осмыслить характер взаимодействия между человеком и технологиями, и такое осмысление происходит в нескольких направлениях. Прежде всего это общеполитическое направление, представители которого стремятся уяснить природу и сущность техники, задаются вопросами, «почему всё-таки именно в культуре нового времени техника приобретает такое значение и начинает определять характер самой цивилизации» и «почему техника, которая создаётся именно для пользы человека, постоянно оказывается стихией, в различных отношениях опасной и разрушительной для человека и природы»³²⁸. Мысль о разрушительном воздействии технологий не нова. Немецкий философ О. Шпенглер в своей работе «Человек и техника», написанной почти столетие назад, отмечал негативные последствия технологизации и указывал, что «механизация мира оказывается стадией опаснейшего перенапряжения <...> Все органическое подлежит тотальной организации, искусственный мир пронизывает и отравляет мир естественный»³²⁹.

Технологии не только оказывают влияние на окружающую среду, но и меняют концепцию человека, формируя новые требования к нему. Так, С. Минева отмечает формирование концепции компьютерной грамотности как обязательной для каждого человека компетенции: «Иметь такую грамотность сегодня – значит быть “цивилизованным” <...> Идея о грамотном и образованном человеке оказывается сведенной, в конце концов, до уровня представления, что это человек, который знает, где искать информацию и как ее сортировать, оценивать, использовать, обменивать и производить»³³⁰.

Изменение общеполитических оснований существования человека влечёт импликации для всех сфер его практической деятельности: «Технологии развиваются непрерывно, оказалась непрерывной и необходимость подчинять свое образование, время, труд, даже идеи и цели настоящего технического

³²⁷ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00109, проект «Рецепция и интерпретация научного текста в интернете: мультимедальный подход», <https://rscf.ru/project/23-28-00109/>.

³²⁸ Розин В. М. Философия техники. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6309>

³²⁹ Шпенглер О. Человек и техника. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3131>

³³⁰ Минева С. Грамотность, технологии и человек в цифровом обществе информации и глобализации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2020. Вып. 2. С. 82–83.

прогресса усвоению технических новаций»³³¹. Образование и академическая среда не составляют исключения из общего правила: технологии призваны усовершенствовать процесс образования и научного познания, но одновременно предъявляют целый ряд требований к адаптивности субъекта познания. В связи с этим исследователи отмечают потенциал технологий, включая новые форматы обучения (blended learning, online learning, outdoor learning), методы обучения разным дисциплинам с применением специального программного обеспечения и даже компьютерных игр³³². С другой стороны, обсуждаются риски, связанные с их применением³³³. Техностресс, который определяют как «неспособность справиться с новыми компьютерными технологиями, появляющимися в мире»³³⁴, состоит в сложности физической и умственной адаптации к технологиям, стрессе от цифровой многозадачности, синдроме FOMO / ФОМО (fear of missing out – боязнь упустить что-то важное) и других проявлениях.

Технологический контекст играет не менее важную роль в научных практиках. Мы сейчас не имеем в виду возможность проведения высокотехнологичных экспериментов и опытов. Речь идет о более распространенной и повсеместной практике – о чтении научных текстов. При том что взаимодействие с научным текстом всегда относилось к базовым научным практикам, его характер в настоящее время претерпевает значительные трансформации. Как мы писали ранее, «в XXI веке научные тексты реализуются в различных коммуникационных средах и форматах, среди которых особое значение в силу своей доступности и относительного удобства потребления приобретают тексты, размещённые в сети Интернет»³³⁵. Новая

³³¹ Минева С. Грамотность, технологии и человек в цифровом обществе информации и глобализации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2020. Вып. 2. С. 82.

³³² Anthony B., Kamaludin A., Romli A., Anis F.M.R., Danakom N., Aziman A. & Gan L. M. Blended Learning Adoption and Implementation in Higher Education: A Theoretical and Systematic Review // *Technology, Knowledge and Learning*. 2022. № 27. Pp. 531–578. <https://doi.org/10.1007/s10758-020-09477-z>; Bondareva L. V., Potemkina T. V. Video games in the development of cognitive skills relevant for language learning: a systematic review // *Multimodality, Digitalization and Cognition in Communication and Pedagogy*. Sukhova N. V., Dubrovskaya T., Lobina Y.A. (eds). *Numanities-Arts and Humanities in Progress*, vol 20. Cham, 2021. Pp. 73–86. https://doi.org/10.1007/978-3-030-84071-6_5; Cowin J. B., Saulembekova D. S. Language acquisition in virtual worlds versus traditional classroom environments: a comparative overview between the United States and Russia // *Multimodality, Digitalization and Cognition in Communication and Pedagogy*. Sukhova N. V., Dubrovskaya T., Lobina Y. A. (eds). *Numanities-Arts and Humanities in Progress*, vol 20. Cham, 2021. Pp. 87–105. https://doi.org/10.1007/978-3-030-84071-6_6; Koskharova N. Corpus technologies in teaching English to speakers of other languages // *Multimodality, Digitalization and Cognition in Communication and Pedagogy*. Sukhova N. V., Dubrovskaya T., Lobina Y. A. (eds). *Numanities-Arts and Humanities in Progress*, vol 20. Cham, 2021. Pp. 107–123. https://doi.org/10.1007/978-3-030-84071-6_7; Stagg B. C., Dillon J., Maddison J. Expanding the field: using digital to diversify learning in outdoor science // *Disciplinary and Interdisciplinary Science Education Research*. 2022. № 4:9. URL: <https://link.springer.com/article/10.1186/s43031-022-00047-0>; Mettis K., Våljataga T., Uus Ö. Mobile outdoor learning effect on students' conceptual change and transformative experience // *Technology, Knowledge and Learning*. 2023. № 28. Pp. 705–726.

³³³ Kulikowski K., Przytuła S., Sułkowski L., Rašticová M. Technostress of students during COVID-19 - a sign of the time? // *Human Technology*. 2022. Vol. 18(3). Pp. 234–249.

³³⁴ Там же. P. 235.

³³⁵ Кожемякин Е. А., Дубровская Т. В. Научный интернет-текст как семиотический объект: постановка проблемы для мультимодального анализа // *Динамика медиасистем*. Т. 3, вып. 1: материалы IV научно-практической конференции PMMS (Post-massmedia in the informational society) «Медиатекст в новой технологической среде: достижения и проблемы» (14–15 марта 2023 г., Челябинский государственный университет) [сетевое научное издание] / гл. ред. С. И. Симакова. Челябинск, 2023. С. 165.

среда бытования научных текстов предъявляет требования к компетенциям акторов научного мира: «Для научных изданий и исследователей сегодня практической необходимостью становится присутствие в глобальной сети в формате сайтов, страниц в социальных сетях, размещение результатов научных исследований в открытом доступе в интернете, ведение диалога с пользователями информационных ресурсов»³³⁶. О цифровизации в сфере науки, цифровой революции и «диктатуре индексаций» пишет В. В. Дементьев, отмечая, что развитие систем индексации привело к ужесточению требований к формальной стороне научных публикаций и стандартизации текстовых структур³³⁷. Соответственно, читатели научных текстов также нуждаются в навыках взаимодействия с технологической средой для грамотной и эффективной работы с научным текстом.

В нашем исследовании мы ставим **цель** получить комплексное знание о влиянии различных (не только вербальных) семиотических компонентов научного текста, размещённого в интернете, на рецепцию и интерпретацию его адресатами. **Задача** данного фрагмента работы состоит в том, чтобы выявить характерные установки современного читателя научного текста относительно среды существования такого типа текста и его характеристик, в том числе обусловленных технологически. Это позволит определить, как в целом потенциальная читательская аудитория концептуализирует научный текст и способы взаимодействия с ним на современном этапе развития информационных технологий.

В качестве **материала** мы используем транскрипты 13 интервью, которые проводились как часть более объемного эксперимента. **Алгоритм процедуры эксперимента и анализа** подробно представлен ранее³³⁸. Если кратко, то он включал интервью с участниками, в которых выяснялись установки относительно темы предлагаемой к прочтению статьи, а также относительно формата научного текста и используемых устройств. Далее проводилось экспериментальное видеоокулографическое исследование для определения типичных зон интереса и фокуса внимания пользователей в отношении структуры научных текстов в Интернете и их различных семиотических элементов. Эксперимент завершался еще одним интервью с целью выявления принципов интерпретации адресатами научных текстов.

Аудиозаписи интервью были сделаны участниками и руководителем научного проекта А. В. Белоедовой, Е. А. Кожемкиным и Я. И. Тяжловым. Респондентами выступали студенты и преподаватели Белгородского

³³⁶ Кожемякин Е. А., Дубровская Т. В. Научный интернет-текст как семиотический объект: постановка проблемы для мультимодального анализа. С. 165.

³³⁷ Дементьев В. В. Жанры и цифровизация словесности (РИНЦ и РЖ) // Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М., 2022. С. 729.

³³⁸ Кожемякин Е. А., Дубровская Т. В. Научный интернет-текст как семиотический объект: постановка проблемы для мультимодального анализа // Динамика медиасистем. Том 3, выпуск 1: материалы IV научно-практической конференции PMMIS (Post-massmedia in the informational society) «Медiateкст в новой технологической среде: достижения и проблемы» (14–15 марта 2023 г., Челябинский государственный университет) [сетевое научное издание] / гл. ред. С. И. Симакова. Челябинск, 2023. С. 163–171.

государственного национального исследовательского университета, имеющие как опыт работы в цифровой среде, так и опыт взаимодействия с научным текстом. Для удобства работы с речевым материалом на данном этапе исследования автор транскрибировала аудиозаписи, а ответы на вопросы были внесены в кодировочную таблицу. Фрагмент кодировочной таблицы представлен ниже (Табл. 1). К текстам ответов был применен дискурс-анализ: определены основные содержательные положения на основе выявления характерных языковых единиц, а также проведены некоторые количественные подсчеты. Такая процедура в целом позволяет сделать ряд предварительных выводов относительно восприятия респондентами способов взаимодействия с научным текстом.

Таким образом, в данной статье мы фокусируем внимание не на результатах оculoграфии, а на установках участников, и поэтому выбираем ответы только на ограниченный ряд вопросов, заданных в ходе интервью:

– В каком виде вы чаще всего читаете научные статьи – печатные или в Интернете?

– Если в Интернете, то с какого устройства вы чаще всего читаете научные статьи – ноутбук, персональный компьютер, планшет, мобильный телефон?

– Удобно ли было читать статью?

– Что бы вы добавили или убрали из статьи, чтобы ее было комфортнее и интереснее читать?

Таблица 1. Фрагмент кодировочной таблицы.

	R1	R2	R3	R4	R5
ВОПРОС					
1 Интересна ли тематика	Интересно в целом, на 4	Смотря в какой сфере социальная работа.	Не знаю, да.	Да.	Не сказала бы.
2 Что такое социальная работа	Работа с инвалидами, людьми БОМЖ, многодетными семьями	СР – волонтерство, помощь пожилым людям, и поскольку сейчас время СВО, это помощь Шебекино, помощь военным.	Работа с различными категориями граждан, с неблагополучными.	Группа специальностей. Род деятельности по защите категории граждан в неблагоприятных жизненных обстоятельствах.	Волонтерство трудовое.
3 Где и в каком виде читаете статьи	Интернет, через сайты, Киберленинка, eLibrary. Научно-популярное журнал Нож (?), на Дентазе (редко). Печать дорогая, проще в интернете. Но предпочтение печать, нравится, когда в руках текст лежит. В интернете не можешь никак пометки себе сделать, выделить, а если на руках – можно галочкой отметить,	В Интернете, мобильнее, удобнее. Печатные только книги. Эд – предпочтение.	Интернет. Доступнее для поиска, не надо куда ходить. Предпочтение – печать однозначно, удобнее. Можно лежать.	Если есть возможность распечатать, я распечатаю. Если текст не очень интересен или нужен, то в эд. виде. Печатный лучше воспринимаются. Если сложный, распечатываю. Пометки делаю.	В интернете. Потому что удобнее найти. Загуглил, открыл, прочитал, закрыл. Через Яндекс открываю сайты. Можно скачивать статьи. Печатаю форму предпочтению. Лучше усваивается информация, мне нравится переписывать. В интернет-ресурсах могу выделить отдельно в документ и что-то выделить. Но если можно

Далее в цитатах мы сохраняем оригинальные формулировки респондентов, не исправляя огрехи спонтанной устной речи.

Результаты Печатный текст или интернет?

Отвечая на вопрос о предпочтительном формате научной статьи, 12 из 13 респондентов ответили, что выбирают Интернет. В качестве аргументов такого выбора называются удобство поиска, доступность, возможность не покидать дом:

- *Потому что удобнее найти*
- *Доступнее для поиска, не надо куда-то ходить*
- **Удобство, простота**, *намного проще найти*
- *В интернете. Проще искать актуальные статьи, не выходя из дома*
- *В интернете, они все там, найти проще...зашел – нашел и читаешь*
- *В Интернете, так удобнее.*

Из выборочно приведенных ответов виден по меньшей мере следующий ключевой момент. Повторяющиеся лексемы *простота* и *просто*, а также *удобство* и *удобно* свидетельствуют о том, что для респондентов Интернет ассоциируется с более простым способом совершения действия. Использование Интернета ни в одном ответе не маркировано лингвистически как сложная задача, а умение пользоваться этой технологией респонденты воспринимают как данное. В этом отношении показательны также ответы с указаниями на различные операции, которые совершают респонденты при работе с научным текстом на компьютере. Умение пользоваться поисковыми системами, скачать статью, сделать пометки в электронной версии, распечатать текст, знание разных форматов текста – все эти знания, умения и навыки находят отражение в высказываниях:

- *Через Яндекс открываю сайты*
- *Загуглил, открыл, прочитал, закрыл*
- *Можно скачивать статьи*
- *В электронном виде скачиваю, выделяю в Ворде*
- *В компьютере можно отметить, выделить*
- *Если есть возможность распечатать, я распечатаю.*

Респонденты четко осознают технологические рамки операций, различают собственно текстовые форматы и формат страницы Интернета:

- *В интернете не можешь никакие пометки себе сделать.*

Важным качеством текста в интернете называют его мобильность. Чтение перестало ассоциироваться с неподвижностью и привязанностью к одному локусу. Интернет-технология позволяет перенести работу с научным текстом практически в любое пространство, отменяется необходимость идти в библиотеку:

- *Печатный – надо идти в библиотеку, а есть электронный*
- *В интернете мобильнее, удобнее*
- *Можно в поездке какой-то, можно ехать в автобусе на работу или на учебу открыть и прочитать статью.*

В то же время бумага, видимо, по-прежнему образует сильную ассоциацию с научным текстом в сознании респондентов. Признавая тот факт, что они активно пользуются интернетом для чтения научных текстов,

респонденты тем не менее отмечают ряд достоинств печатного текста, основное из которых – возможность делать вручную пометки, выделять важное. Такое восприятие бумажного формата научного текста отражено в рекуррентных языковых формах, используемых респондентами (*отметить, подчеркнуть, выделять, делать пометки*):

• *Но предпочтение печать, нравится, когда в руках текст лежит. В интернете не можешь никакие пометки себе сделать, выделить, а если на руках – можно галочкой отметить, подчеркнуть*

• *Печатный лучше воспринимается. Если сложный, распечатываю.*

Пометки делаю

• *Предпочтение печатный, можно пометки делать*

• *Выбор – печатный, так как можно делать пометки, выделять.*

Приведенные цитаты свидетельствуют о традиционном восприятии респондентами научного текста как интеллектуального продукта, требующего особого обращения и внимательной проработки, в том числе посредством обычных практик выделения и конспектирования:

• *Но если можно выделить в книжках, то это вообще тогда супер.*

В то же время один из респондентов, напротив, называет необходимость делать ручные записи недостатком работы с печатным текстом:

• *В компьютере можно отметить, выделить, а печатная книга – тебе вручную нужно будет записать в любом случае. Это не всегда удобно.*

Однако, чтобы утверждать о формировании новой нормы, в которой пользователи по умолчанию делают пометки в электронных текстах, а маркированным членом оппозиции становятся ручные записи, необходима более объемная выборка респондентов.

В числе достоинств печатного текста респонденты отмечают также возможность занять удобное положение при чтении (*Предпочтение – печатная. Однозначно удобнее. Можно лежать*), более щадящий режим чтения (*Выбор – печатный, так удобнее, меньше вред глазам*), более качественное усвоение информации (*Печатную форму предпочитаю. Лучше усваивается информация*). Отметим, что мы приводим субъективные мнения респондентов и не оцениваем их фактическую правильность.

Сохраняется и эмоциональная привязанность к книге, включая потребность тактильного взаимодействия с материальным предметом:

• *Мне нравится перелистывать*

• *Бумажный удобнее, пощупать, полистать, вернуться.*

Таким образом, дать однозначный ответ о выборе печатной или электронной формы научного текста не представляется возможным. При том, что электронный формат текста признается более удобным с точки зрения поиска информации и мобильности, сохраняются элементы привязанности к бумажной форме существования научного текста и практикам взаимодействия с ней.

Выбор устройства для чтения научных текстов

Ответы на вопрос о предпочтениях в выборе устройства для чтения в Интернете дают возможность для следующих обобщений. Респонденты отдают одинаковое предпочтение персональному компьютеру (ПК), ноутбуку и телефону – по 5 голосов каждому устройству. Один респондент предпочитает планшет. (Общее количество голосов превышает количество респондентов, так как в некоторых случаях респонденты выбирали два устройства одновременно) Интерес представляет аргументация в пользу того или иного устройства, а также корреляция между называемыми устройствами и функционально разными типами текстов.

Достоинствами телефона называют его небольшой размер и мобильность:

- *...Чаще телефон. Он всегда со мной, еду на работу, иду с работы, телефон всегда с собой*

- *Телефон, всегда под руками*

- *Телефон – это мобильное устройство, которое могу **взять с собой**. Читаю на работе или в кровати.*

В то же время небольшой размер телефона отмечен и как его недостаток. У респондентов есть потребность в качественном изображении текста и, соответственно, в достаточно большом размере экрана:

- *С телефона неудобно. Люблю **увеличивать**, на телефоне текст пропадает*

- ***На телефоне маленький экран, можно пробежаться, но читать – ноутбук.***

Большой экран – один из главных аргументов в пользу использования ПК и ноутбука:

- *Не читаю с планшета и телефона. Только с компьютера. Дома ПК <...>*

Большой экран

- *Ноутбук. **Больше экран, легче вернуться, перечитать.***

Как мы отметили выше, респонденты связывают определенные устройства с разными типами текстов. Более серьезная работа, по их мнению, требует ноутбука или ПК, а телефон может использоваться только для поиска информации или как устройство для срочного чтения:

- *Научные тексты на компьютере. Найти и просмотреть на телефоне, а потом на компьютере*

- *Ноутбук. Если делаю домашнее задание, то через ноутбук*

- *С телефона больше научно-популярное, а с компьютера статьи, которые касаются диплома, курсовых*

- *На телефоне только экстренно.*

Судя по ответам, это связано с необходимостью большей концентрации внимания при работе с научным текстом, которую телефон обеспечить не может:

- *На телефоне **не задерживается внимание***

- *С ноутбука **больше концентрируюсь**, а с телефоном сел, лег и на третьем абзаце ты уже не понимаешь, о чем ты читаешь. (смеётся)*

Ответы респондентов свидетельствуют о том, что научный текст воспринимается как тип текста, требующий особого вдумчивого и серьезного отношения, а техническое устройство должно обеспечивать условия для работы с ним. В целом такое отношение соответствует нашему наблюдению о взаимодействии респондентов с научным текстом как продуктом, подразумевающим внимательное «чтение с карандашом».

Что добавить, что убрать?

Научный текст в Интернете предоставляет читателю возможность взаимодействовать с ним такими способами, которые не применимы к печатному формату. К примеру, в одном из ответов выше упоминалась возможность увеличить изображение на экране. «Технологические особенности интернет-среды, такие как гипертекстуальность, интерактивность, поликодовость и мобильность, влияют также на семиотическую структуру “классических” научных текстов, делая возможным использование элементов, прежде не характерных для текстов таких жанров»³³⁹. Иными словами, научный текст в Интернете обладает аффордансами. Аффорданс нередко определяют как свойство или функцию объекта, которая подсказывает, что можно сделать с объектом и как можно взаимодействовать с ним.

Ответы на вопросы *Удобно ли было читать статью?* и *Что бы вы добавили или убрали из статьи, чтобы ее было комфортнее и интереснее читать?* касаются как традиционных элементов научных статей, так и аффордансов, характеризующих электронный формат научного текста. Замечания респондентов включают некоторые комментарии и рекомендации относительно обязательных структурных элементов научной статьи и стиля:

- *Введение сделала бы покороче*
- *Добавил бы тезисы*
- *В начале более явно сформулировал бы гипотезу*
- *Более подробно представил бы результаты социисследования*
- *Я бы убрала слова типа «корреляция» и другие сложные термины. Текст сделать проще*
 - *Похожа на типичную статью – актуальность, обоснование проблемы*
 - *Ничего не стала бы менять, факты изложены простым и понятным языком, терминов почти нет*
 - *Текст сжатый, понятный, ясный.*

Видим, что респонденты высказывают соображения по содержанию прочитанной статьи, оценивая научный текст по стандартным параметрам и применяя соответствующую терминологию академической сферы (*введение, тезисы, сформулировать гипотезу, представить результаты, сложные*

³³⁹ Кожемякин Е. А., Дубровская Т. В. Научный интернет-текст как семиотический объект: постановка проблемы для мультимодального анализа // *Динамика медиасистем. Том 3, выпуск 1: материалы IV научно-практической конференции PMMS (Post-massmedia in the informational society) «Медиатекст в новой технологической среде: достижения и проблемы»* (14–15 марта 2023 г., Челябинский государственный университет) [сетевое научное издание] / гл. ред. С. И. Симакова. Челябинск, 2023. С. 166.

термины, актуальность, обоснование проблемы). Из этого можно сделать вывод о том, что респонденты понимают и ожидают, что научная статья даже в Интернете, в относительно новой для науки среде, остается носителем типичных содержательных и структурных характеристик научного текста. Отдельно отметим выбивающуюся из общего русла рекомендацию убрать список литературы.

Еще одна группа комментариев касается оформительских параметров, которые не являются специфичными для текста в Интернете, однако Интернет предоставляет больше технологических ресурсов для адаптации текста под такие пожелания пользователей:

- *Я бы добавила картинки и сделала разделение*
- *Надо было увеличить шрифт*
- *Изменила бы верстку: поля, табы. Поменьше сделать интервал*
- *Расположение неудобное, поля большие, текст посередине, интервалы, табы, неудобно.*

С другой стороны, цифровая среда определяет ожидания респондентов относительно формата научного текста, бытующего в ней. С Интернетом тесно ассоциировано ожидание средств визуальной коммуникации. Поэтому, вероятно, 8 из 13 респондентов так или иначе оценили визуальную составляющую предложенного им текста:

- *Удобнее, если бы были выделены **визуально** каждая сфера*
- *Добавила бы **визуализации***
- ***Диаграммы.** Было бы понятнее и нагляднее*
- *Убрать проценты в письменном виде и добавить в **диаграммах**, чтобы наглядно посмотреть*
- *Не было **картинок**. Тяжело читать сплошной текст, и **инфографики** не было представлено.*

На фоне доминирующего запроса на средства визуализации и инфографику неожиданным выглядит критический комментарий об избыточном использовании цвета:

- *Из визуального можно фото, но в тексте не надо выделять черным, синим, жирным, глаз режет.*

Наконец, респонденты обратились и к таким параметрам прочитанного научного текста, которые характеризуют только его интернет-вариант:

- *Статья широкая, долго приходится вести взглядом по монитору, и можно потеряться. Лучшие уже*
- *Реклама помешала дочитать. Из-за рекламы не дочитала*
- *Неудобно – слишком яркий экран*
- *Текст не должен завершаться видео.*

Один из респондентов обратил внимание на неприятный звук мышки, что помешало ему просмотреть фото:

- *Галерея фото не очень удобна, лень щелкать брать мышку. **Звук издает неприятный.***

При том, что такие характеристики, как ширина веб-страницы, наличие рекламы, яркость экрана и звук мышки, не являются непосредственными характеристиками научного текста, они, как видим из ответов, определяют полноту транслируемой информации и эффективность её восприятия.

Справедливости ради следует отметить, что некоторым респондентам интернет-формат научной статьи представляется необычным, не соответствующим стандартным представлениям. Языковые маркеры оценки нового формата научного текста включают лексемы *непривычно*, *нетипично*:

- *В таком виде непривычно: что есть картинки, вкладки для аннотации, ключевых слов отдельно, и что ссылка на ВК-группу журнала*
- *Фото, видео – нетипично*
- *Статьи привычные – текст, а здесь отдельный сайт с выделениями, это упрощает восприятие.*

Одна из респонденток, не ожидая найти статью в формате html, перешла по ссылке и читала статью в формате pdf. В интервью она так пояснила свои действия:

- *Перешла на pdf формат, просто как-то привычнее, подумала, что только там.*

Выводы

Использование новых технологий в академической и научной среде стало обыденностью, а представители академического мира в целом приняли новую ситуацию и активно используют технические устройства, такие как ПК, планшет, ноутбук и телефон, для поиска научной информации и работы с ней. При этом сохраняется некоторая эмоциональная привязанность к бумажному формату научного текста, однако она не препятствует фактическому использованию новых электронных форматов. Тип используемого устройства соотносится с функциональными типами текстов. В силу того, что научный текст воспринимается как требующий усидчивого и внимательного отношения, большого экрана, а также конспектирования или пометок, предпочтительные устройства для работы с ним – ПК или ноутбук. На научный интернет-текст экстраполируются стандартные структурные и содержательные характеристики научного текста, и в то же время у его читателей формируются новые требования и ожидания, которые вытекают из свойств технологической среды (требования к расположению текста на веб-странице, яркости экрана, цветным выделениям, инфографике, звуку мышки и т. д.). В связи с этим можно говорить о том, что происходят жанровые трансформации – традиционный жанр научного текста «обрастает» цифровыми мета-характеристиками и проходит стадию становления нормы, которая, вероятно, может быть ускорена намеренной нормализаторской деятельностью при скоординированных усилиях стейкхолдеров.

ЛИТЕРАТУРА

Дементьев В. В. Жанры и цифровизация словесности (РИНЦ и РЖ) // Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М., 2022. С. 729–735.

Кожемякин Е. А., Дубровская Т. В. Научный интернет-текст как семиотический объект: постановка проблемы для мультимодального анализа // Динамика медиасистем. Том 3, выпуск 1: материалы IV научно-практической конференции РММИС (Post-massmedia in the informational society) «Медиа́текст в новой технологической среде: достижения и проблемы» (14–15 марта 2023 г., Челябинский государственный университет) [сетевое научное издание] / гл. ред. С. И. Симакова. Челябинск, 2023. С. 163–171.

Мунева С. Грамотность, технологии и человек в цифровом обществе информации и глобализации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2020. Вып. 2. С. 81–88.

Розин В. М. Философия техники. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6309>

Шпенглер О. Человек и техника. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3131>

Anthony B., Kamaludin A., Romli A., Anis F.M.R., Danakom N., Aziman A. & Gan L.M. Blended Learning Adoption and Implementation in Higher Education: A Theoretical and Systematic Review // Technology, Knowledge and Learning. 2022. № 27. Pp. 531–578. <https://doi.org/10.1007/s10758-020-09477-z>

Bondareva L. V., Potemkina T. V. Video games in the development of cognitive skills relevant for language learning: a systematic review // Multimodality, Digitalization and Cognitivity in Communication and Pedagogy. Sukhova N.V., Dubrovskaya T., Lobina Y.A. (eds). Numanities-Arts and Humanities in Progress, vol 20. Cham, 2021. Pp. 73–86. https://doi.org/10.1007/978-3-030-84071-6_5

Cowin J. B., Saulembekova D. S. Language acquisition in virtual worlds versus traditional classroom environments: a comparative overview between the United States and Russia // Multimodality, Digitalization and Cognitivity in Communication and Pedagogy. Sukhova N.V., Dubrovskaya T., Lobina Y. A. (eds). Numanities-Arts and Humanities in Progress, vol 20. Cham, 2021. Pp. 87–105. https://doi.org/10.1007/978-3-030-84071-6_6

Multimodality, Digitalization and Cognitivity in Communication and Pedagogy. Sukhova N. V., Dubrovskaya T., Lobina Y. A. (eds). Numanities-Arts and Humanities in Progress, vol 20. Cham, 2021. Pp. 107–123. https://doi.org/10.1007/978-3-030-84071-6_7

Kulikowski K., Przytula S., Sulkowski L. & Rašticová M. Technostress of students during COVID-19 - a sign of the time? // Human Technology. 2022. Vol. 18(3). Pp. 234–249.

Metis K., Väljataga T., Uus Õ. Mobile outdoor learning effect on students' conceptual change and transformative experience // Technology, Knowledge and Learning. 2023. № 28. Pp. 705–726.

Stagg B. C., Dillon J., Maddison J. Expanding the field: using digital to diversify learning in outdoor science // Disciplinary and Interdisciplinary Science Education Research. 2022. № 4:9. URL: <https://link.springer.com/article/10.1186/s43031-022-00047-0>

Оптические свойства научного текста в цифровом пространстве: дифференциация зрительных стратегий³⁴⁰

Влияние материальной формы текста на практики чтения

На первый взгляд чтение как привычная практика дискурса повседневности представляет собой набор простых, понятных и неизменных действий: человек сенсорно (через зрение) воспринимает некую информацию, размещенную на определенном носителе, и распознает ее смысл благодаря общей системе кодирования и декодирования (здесь ключевым параметром выступает общий для адресата и адресанта язык). Такое понимание чтения, хотя и отображает его суть в каком-то смысле, но фиксирует данный процесс как статичный и неизменный, что не соответствует действительности. Процесс чтения как набора действий для извлечения информации из материального носителя менялся и меняется вслед за развитием коммуникации. В связи с этим важным вопросом становится то, какой же способ восприятия письменного текста предлагает или даже предполагает цифровое пространство. По меткому замечанию социолога Дональда Ф. Маккензи, «новые читатели создают новые тексты, новые значения которых напрямую зависят от их новых форм»³⁴¹. И современное развитие носителей информации, а также возможности для их анализа сегодня могут помочь зафиксировать те изменения, которые происходят на данном этапе становления практик чтения.

Интересный исторический экскурс в эволюцию читателей прошлого предлагает французский историк Роже Шартье³⁴², чьи работы посвящены изучению книги, книгопечатания и чтения в контексте развития общества. Важными посылками изменения практик чтения он считал развитие материальных форм носителей информации. Например, чтение свитков в Древней Греции и Риме было непрерывным, оно требовало от человека определенной механики: чтобы читать свиток, его необходимо было держать обеими руками. Так, человек мог только одновременно читать и диктовать то, что написано. Появление кодекса, т. е. «тетради» из согнутых пополам и прошитых по сгибу листов, изменило сами практики чтения, теперь можно было листать книгу, находить и цитировать что-то, делать пометки с помощью определенных указателей и даже выходить за пределы одного материального носителя – читать две книги одновременно, сравнивая их фрагменты.

Изобретение печатного станка и наборного шрифта также привели к количественным и качественным изменениям практик чтения. Книгопечатание сделало книгу доступной для относительно большого количества человек, на смену «интенсивному чтению» пришло «экстенсивное чтение»³⁴³. «Интенсивное чтение» было характерно для периода существования

³⁴⁰ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00109, проект «Рецепция и интерпретация научного текста в интернете: мультимодальный подход».

³⁴¹ McKenzie D. F. Bibliography and the sociology of texts. Cambridge, 1999.

³⁴² Шартье Р. Письменная культура и общество / Пер. с фр. и послесл. И. К. Стаф. М., 2006.

³⁴³ Там же. С. 31–32.

ограниченного количества материальных носителей знания, которые человек читал и перечитывал на протяжении всей жизни, запоминал и пересказывал их содержание, например, различные сакральные тексты. «Экстенсивное чтение», напротив, появилось тогда, когда материальных носителей, т. е. печатных книг и других изданий, стало много и они стали доступны большому кругу читателей. Процесс чтения стал быстрым, а содержание подвергалось критике и сомнению.

Появление электронных текстов также произвело революцию в практиках чтения, так как экран гаджета – компьютера, планшета, телефона – это не страница печатной книги, а поверхность, в пространство которого встроены разнообразные, меняющиеся текстовые единицы, причем не только вербальные, но и аудиовизуальные. У таких текстов есть глубина – переходы на другие единицы как внутри одного текста, так и на другие, содержащиеся в бесконечном виртуальном пространстве. Процесс чтения интернет-текстов строится не по линейному принципу переворачивания страниц, но по фрагментарному, прерывистому, так как сами такие тексты требуют от читателя взаимодействия: их можно «развернуть», «прокрутить», «увеличить» или «уменьшить» и т. п. Таким образом сам материальный носитель – виртуальная среда – диктует новые практики восприятия текстов.

Интернет-текст не существует сам по себе, он – часть новой культуры, электронной, виртуальной, которая, по мнению исследователей, представляет собой «совокупность результатов творчества и коммуникации людей в условиях внедрения IT-инноваций, характеризующуюся созданием единого информационного пространства, виртуальной формой выражения, дистанционной технологией, либеральностью контента»³⁴⁴. В Сети объекты культуры, в том числе и тексты, находят свое выражение в двух типах: во-первых, это электронные формы традиционных, изначально неэлектронных культурных объектов (например, электронные музеи, оцифрованные библиотеки, pdf-версии печатных книг и пр.) и собственно электронные по форме и своей сути объекты культуры (например, компьютерные программы, технологии и т. п.).

Электронная репрезентация текстов полностью меняет как условия их существования, так и практики чтения. Н. Н. Сметанникова выделяет четыре ключевых отличия электронного текста от печатного³⁴⁵, которые диктуются сменой материальной формы текста на виртуальную:

– во-первых, процесс чтения электронного текста предполагает истинное взаимодействие с ним читателя (существует возможность управлять текстом и его внешним видом (прокручивать, увеличивать или уменьшать размер текста, проходить по ссылкам), комментировать текст, вносить в него правки и т. д.);

– во-вторых, процесс чтения электронного текста может закладываться автором путем закрытия отдельных его фрагментов от читателя, печатный текст предполагает свободное перемещение читателя по тексту;

³⁴⁴ Баева Л. В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2013. № 6.

³⁴⁵ Сметанникова Н. Н. Стратегический подход к обучению чтению. М., 2005. С. 19.

– в-третьих, электронные тексты содержат, помимо изображений, видео и аудио, компьютерную графику, там можно встретить и руководство по работе с таким текстом;

– в-четвертых, структура электронного текста может представлять собой гипертекст, где процесс чтения не предполагает линейности, в отличие от печатного текста.

Современные практики электронного чтения характеризуются скоростью (т. е. скорость доступа к электронным текстам, с одной стороны, и скорость самого электронного чтения, с другой), доступностью (т. к. интернет-тексты как бы «откреплены» в пространстве и времени, они переносимы и мобильны, они размещаются в бесконечном виртуальном пространстве, где их довольно легко найти читателю), удобством и простотой, т. е. к электронным текстам удобно обращаться из любого места и с любого устройства, по нему легко ориентироваться с помощью встроенных функций поиска или через компьютерную команду «Ctrl + F», размер шрифта можно увеличивать или уменьшать³⁴⁶.

Цифровой текст как новое медиа рассматривает Лев Манович³⁴⁷, вводя понятие культурного транскодинга сквозь призму толкования которого цифровой текст становится двухмерным, с одной стороны, есть измерение текста как части человеческой культуры, который человек создает и воспринимает как привычный ему, с другой, – как части цифровой культуры, в которой текст основан на логике компьютерной организации работы с информацией, его распознает и интерпретирует компьютер. Принцип дигитализации³⁴⁸ текстов наполняет их как «человеческими», так и «компьютерными» смыслами, позволяя ему обрести новые качества цифровой среды и взаимодействовать более тесно вербальной составляющей с изображениями, видео, интерфейсами и т. п. Новая материальность текстов влияет на принципы их восприятия, которые задаются цифровыми интерфейсами устройств (компьютеров, планшетов, смартфонов), формируются новые телесные и моторные привычки читателей. Все это меняет и правила создания и чтения вербальных текстов в цифровом пространстве.

Оптические свойства научного интернет-текста в аспекте его ориентации на визуальное восприятие

Оптические свойства материальных объектов – это свойства, воспринимаемые в зрительных ощущениях реципиентами, то есть, по сути, это все то, что позволяет зрителю распознать объект как принадлежащий к определенной категории и классу по атрибутам, а также увидеть то, что его

³⁴⁶ Чудова И. А. Электронное или бумажное? Специфика реализации практик чтения студентами и научными работниками // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 53–72; Стрельникова А. В., Николаева Е. В. How electronic gadgets are changing reading practices // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер – 2022) : Сб. мат-в Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием. Ч. 7. М., 2022. С. 216–219.

³⁴⁷ Манович Л. Язык новых медиа. М., 2018.

³⁴⁸ Северина Е. М. Цифровой текст в пространстве современной культуры // Человек и культура. 2019. № 5.

отличает от других объектов его категории и класса. Научный интернет-текст, хотя и обретает новые свойства и черты, полученные благодаря его реализации в виртуальном пространстве, но вместе с тем сохраняет и свои традиционные атрибуты, позволяющие аудитории определить текст в качестве текста именно научного. Научный интернет-текст – это, с одной стороны, текст в его лингвистическом понимании, ведущей функцией которого является описание результата научного исследования в соответствии с конвенциональными правилами научного сообщества, а с другой, – текст, созданный по правилам интернет-среды, когда чтение осуществляется при помощи браузера или приложения, обновление содержания которого зависит от соединения с Интернетом. По сравнению с печатным, интернет-текст имеет практически неограниченный потенциал визуализации – от статичных изображений и графиков до динамической GIF-анимации и другого аудиовизуального контента.

По мнению исследователей³⁴⁹, научный текст, размещенный в Интернете, выходит за рамки стандартной модели коммуникации, где он интерпретируется, исходя из общего для отправителя и получателя кода. Стоит рассматривать такие тексты сквозь призму мультимодального подхода, позволяющего учитывать «синтез значений, возникающий в процессе интерпретации семиотических ансамблей»³⁵⁰. В ряду методов анализа научных текстов в интернет-среде Е. А. Кожемякин и Т. В. Дубровская выделяют и метод экспериментального видеоокулографического исследования, отмечая, что с его помощью можно выявить типичные зоны интереса и фокусы внимания по отношению к структуре научных текстов и их семиотически значимых элементов.

Важные оптические свойства научных интернет-текстов, влияющие на их рецепцию, обусловлены, на наш взгляд, рядом факторов:

- во-первых, это лингвистические и жанрово-стилистические факторы, определяющие содержание, внешний вид и структурное членение такого текста;

- во-вторых, это экстралингвистические факторы, связанные с графическим оформлением текста и выбором площадки для его публикации;

- в-третьих, это технологические факторы, детерминированные требованиями цифрового пространства;

- в-четвертых, это аффордансы – «свойства предмета или окружающей среды, которые позволяют использовать его определенным образом, на междисциплинарном уровне и в определенный социально-исторический момент времени»³⁵¹.

Итак, первая группа факторов – *лингвистические и жанрово-стилистические* – оказывают большое влияние на зрительное восприятие

³⁴⁹ Кожемякин Е. А., Дубровская Т. В. Научный интернет-текст как семиотический объект: постановка проблемы для мультимодального анализа // Динамика медиасистем. 2023. Т. 3, № 1. С. 163–171.

³⁵⁰ Там же. С. 167.

³⁵¹ Белоедова А. В., Кожемякин Е. А. Мультимодальная коммуникация в фокусе исследовательской рефлексии: проблемно-ориентированный подход // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 61.

научных интернет-текстов, помогая реципиенту их квалифицировать как таковые.

Отличить научный текст в интернете от текстов других жанров не представляется сложным, так как его основная цель – посредством определенных и регламентированных коммуникативно-речевых действий субъекта донести новое знание о действительности и доказать истинность этого знания³⁵². В научных текстах используется большое количество абстрактной лексики, терминов, вводных слов и речевых штампов, построение предложений подчеркнуто логическое и последовательное, в составе преобладают союзные сложноподчиненные предложения и т. д.³⁵³ Таким образом, даже беглое зрительное знакомство с текстом позволяет его квалифицировать как научный.

Узнаваемой является и *структура текста*. Чаще всего стандартная научная публикация состоит из основного и периферийного текстов, а также метатрибутов (см. Рис. 1).

S. V. Litvak – Laboratory Assistant of the Educational and Scientific Center of Media Education, Faculty of Journalism, Orel State University

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares to conflict of interest.

НАУЧНЫЙ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТ КАК СЕМИОТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ДЛЯ МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Евгений Александрович Кожина¹,

Татьяна Викторовна Дубовикова²

Белгородский государственный университет
информационных технологий, Белгород,
Российская Федерация.

¹kozhinay@bgu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2991-1011>
²tyutnyar74@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0044-6056>

Аннотация. Статья посвящена постановке проблемы для мультимодального семантического анализа структуры научного текста, размещенного в интернет-среде. Цифровые платформы оказывают существенное влияние на семантическую организацию научного текста, что требует разработки новых подходов для его изучения. Через исследование выяснен статус, прежде не изученный в отечественной «научно-исследовательской» традиции, вопрос роли и трансформации и интерпретации научного текста ввиду неархивных компонентов, включая элементы верстки, оформления: типологии, графическую аннотацию, иерархия и цветовые параметры, элементы украшения оформления текста, гиперссылки и т. д. Авторы предлагают алгоритм мультимодального исследования научного интернет-текста, включающий в себя следующие этапы: 1) типологический анализ научного текста в интернете и его технологической среды; 2) структурно-семантический анализ

научного текста включая аффидансы и семантически ресурсы; 3) мультимодальные визуализации: исследование; 4) структурированные интервалы репрезентации; 5) семантический и лингвистический анализ данных для определения семантически-версионной репрезентации интервал с содержанием референтного текста; 6) UAS-анализ.

Ключевые слова: интернет-текст, научный текст, научный интернет-текст, семантический объект, семантика, мультимодальный анализ.

Ключевые слова: Исследование выполняется на счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00109, проект «Исследования в исторической науке: текст в интернете: мультимодальный подход».

ACADEMIC WEB TEXT AS A SEMIOTIC OBJECT: A PROBLEM FOR THE MULTIMODAL ANALYSIS

Evgeniy A. Kozhinskyi¹, Tatiana V. Dubovikova²

Belgorod National research University, Belgorod, Russian Federation.
¹kozhinay@bgu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2991-1011>
²tyutnyar74@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0044-6056>

Abstract. The article formulates the problem for the multimodal analysis of the academic web text's semantic characteristics. Digital platforms have a significant impact on the semantic organization of a scientific text, which requires the development of new approaches for its study. Researchers face the tasks that were not previously relevant in relation to scientific academic texts. It is important to determine the role that non-verbal components play in the meaning formation and interpretation of a scientific text, including layout elements, design elements, graphics annotation, font and color parameters, text-decoration controls, hyperlinks, etc. The authors propose an algorithm for the multimodal study of academic web texts, which includes the following steps: 1) a typological analysis of academic texts on the Internet and its technological environment; 2) structural and semantic analysis of a text, including affordances and semantic resources; 3) representational video

163

164

Рис. 1. Пример оформления структуры научной интернет-статьи. PDF-версия, опубликованная на портале eLibrary

В основном тексте предьявляются результаты исследования, обычно это привычный читателю линейный текст, который может сопровождаться различными статичными иллюстрациями (таблицы, графики, рисунки, диаграммы и т. п.). Основной текст может иметь свою внутреннюю структуру (например, частотные требования к научной статье включают в себя такие элементы как постановка проблемы, история вопроса, описание материалов и методов исследования, анализ материала, результаты исследования и выводы) или делиться на параграфы, которые имеют подзаголовки.

К периферийным текстам, или комплексу микротекстов, которые сопровождают основной текст публикации, относят информацию об авторах, заглавие, благодарности, аннотацию, ключевые слова, послесловие и т. п. Все

³⁵² Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста / изд. 4-е. М., 2007.

³⁵³ Кожина М. Н., Крысин Л. П. Научный стиль. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание; под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 329–330.

они характерны и для научных интернет-текстов и позволяют реципиентам зрительно идентифицировать текст как научный даже при беглом его просмотре.

Научные публикации в Интернете как сохраняют традиционные метаатрибуты «доинтернетовской» эпохи – это ISBN (International Standart Book Number) и ISSN (International Standart Serial Number), так и приобретают новые цифровые метаатрибуты публикаций – DOI, ORCID, ResearcherID, Author ID, SPIN-код. Такие метаатрибуты понятны только для членов научного сообщества и позволяют идентифицировать характер публикации, ее автора.

Вторая группа факторов – *экстралингвистические* – также оказывают значимое влияние на зрительное восприятие научных интернет-публикаций.

Во-первых, с помощью *шрифтового* (полужирное, курсив, подчеркивание) и *цветового выделения* может быть сфокусировано внимание реципиента на определенных структурных элементах публикации (автор статьи, заголовок, аннотация, выводы и т. п.) или на важных, с точки зрения автора, элементах текста (см. Рис. 2).

Рис. 2. Пример шрифтового выделения в научной интернет-публикации

Во-вторых, с помощью *уменьшения/увеличения кегля шрифта* или *регистра* можно так же фокусировать зрительное восприятие текстовых элементов для реципиентов. Обычно регистром Caps Lock (закрепляет строчное написание букв) выделяется название статьи (см. Рис. 3), увеличение регистра характерно для выделения значимой составляющей текста, его уменьшение обычно говорит о том, что этот фрагмент не столь важен (примеры из массмедийных публикаций, оформление аннотации и ключевых слов, название таблиц и рисунков и т. д.). Например, на Рис. 3 информация об авторах дана кеглем меньшего размера, чем основной текст.

Рис. 3. Пример повышения регистра для обозначения названия публикации

В-третьих, использование различных *иллюстраций, графических элементов, видео и иных аудиовизуальных средств* позволяют автору сделать более доступным для восприятия и понимания содержание вербального материала. Например, если в публикации приводятся результаты социологического исследования, то цифры, проценты и их пропорции легче воспринимаются через диаграммы. Когда автор говорит об определенном объекте, описывает его свойства, читателям легче понять его, если дано изображение этого объекта (см. Рис. 4).

Рис. 4. Пример использования иллюстрации в научной интернет-статье

В-четвертых, *оформление научной работы во многом зависит от возможностей площадки, где она опубликована*. Электронные журналы позволяют насыщать тексты большим количеством статических и динамических иллюстраций, размещать видео, интернет-площадки, где публикуются PDF-версии печатных материалов, такой возможности лишены.

Третья группа факторов – **технологические факторы** – детерминированы требованиями и возможностями цифровой среды. К ним относятся материально-ресурсные возможности поддержки пользовательского опыта, такие как удобный интерфейс, навигация по тексту и по площадке, где размещен материал.

Данная группа факторов обусловила такие оптические свойства научного интернет-текста как *пластичность* и *вариативность* структуры и оформления, так как в некоторых научных онлайн-журналах есть возможность чтения текста как в PDF-формате, так и в виде веб-страницы с адаптацией текста под различные гаджеты – экран компьютера, планшета, мобильного телефона. Например, статьи журнала «Медиалингвистика» (medialing.ru) представлены и в мобильном формате, удобном для чтения с экрана смартфона, а вот журнал

«Медиаобразование» (me.cherkasgu.press/en), хотя так же является электронным, позволяет читать статьи только в формате PDF, более удобного для большого экрана.

Интернет-среда разрешает читателю настроить отображение текста на экране гаджета так, чтобы было комфортно его просматривать. Например, можно изменить размер шрифта или увеличить изображение путем нажатия на его миниатюру. Современные технологии помогают сделать научный текст гипертекстуальным, добавив в него неограниченное количество ссылок на внешние источники, причем ссылки обычно имеют для пользователей визуально понятное оформление (они выделены цветом, отличным от цвета основного материала, имеют подчеркивание и т. п.). Также научный интернет-текст можно перевести на родной язык, благодаря встроенному в браузер переводчику.

И, наконец, **аффордансы**, которые являются важными отличительными элементами в том числе и текстов в интернет-пространстве, оказывают влияние и на зрительное восприятие реципиентами. Появление новых цифровых продуктов и усовершенствование интерфейсов привело к тому, что большое количество действий пользователь выполняет в интернет-пространстве, кликая мышкой или касаясь экрана устройства, эти действия направляются аффордансами, встроенными в виртуальное пространство³⁵⁴. Именно они помогают читателям научного интернет-текста выстроить логический путь к получению желаемого результата при взаимодействии с ним, причем на уровне зрительного восприятия.

Аффордансы в научных интернет-публикациях – это различные кнопки, размещенные на интернет-странице, которые позволяют, с одной стороны, комфортазировать взаимодействие читателя с публикацией, а с другой, – указывают на то, что читатель может сделать с публикацией на данном портале, например, в ResearchGate вы можете скачать PDF-версию статьи, нажав на кнопку Download (Рис. 5), а в CyberLeninka отметить, понравилась или нет публикация, нажав на значок поднятого или опущенного большого пальца, процитировать ее фрагмент, нажав на кавычки, скачать, нажав на символическое обозначение скачивания, закрыть ее, нажав на «крестик» (Рис. 6).

Рис. 5. ResearchGate

Рис. 6. CyberLeninka

Аффордансы становятся полноправными элементами структуры научной публикации, правда, их наличие, количество и условное обозначение больше зависят от площадки и общего дизайна материалов, размещаемых там.

Типы читателей научного интернет-текста: категоризация опытного и неопытного читателя

³⁵⁴ Дзялошинский И. М. Аффордансы информационно-коммуникационного универсума, или Кто стоит за спиной массмедиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26, № 1. С. 96–97.

Большое влияние на стратегии зрительного взаимодействия с научными интернет-текстами оказывает и то, кто именно этот текст читает. Под *читателем* понимается «развивающийся субъект жизнедеятельности, в рамках которой происходит взаимодействие со средой и её освоение, созидание субъектно-личностного мира через познание, деятельность, общение и рефлексию в процессе чтения; <...> он осваивает различные стратегии чтения, формирует те или иные читательские компетенции и пр., т. е. реализует деятельность как осознанную активность, направленную на удовлетворение своих читательских потребностей»³⁵⁵. Таким образом, читатель по сути – это потребитель и интерпретатор информации, полученной из различных источников на уровне различных модусов (визуального, аудиального, тактильного, вербального, графического, динамического и т. д.³⁵⁶).

Исследователи отмечают³⁵⁷, что читательские практики в цифровой среде меняются (упрощение навигации благодаря гипертекстовой структуре, настройка браузера под индивидуальные особенности и предпочтения, автоматические контекстные рекомендации, исходя из пользовательских интернет-запросов и т. п.) и сам читатель как активный субъект трансформируется в пользователя, «чья практика чтения связана с использованием книги для собственных целей (выборочное, фрагментарное чтение)»³⁵⁸. Таким образом, современного читателя, или пользователя, можно охарактеризовать так:

- привык к нелинейному чтению;
- демонстрирует склонность к скорочтению;
- предпочитает визуальные источники информации;
- в большей степени готов читать тексты небольших объемов;
- не имеет необходимости запоминать большие пласты разнородной информации, для ее поиска и сохранения прибегает к техническим средствам³⁵⁹.

И хотя такая интерпретация современных практик чтения видится вполне справедливой, однако стоит отметить, что читатели – это не однородная группа, их можно классифицировать по различным социально-демографическим признакам, и в каждой из этих групп будут свои особенности визуального восприятия текстов, тем более научных. Градация читателей с точки зрения особенностей понимания довольно часто встречается в академических работах, здесь в качестве важных факторов выделяют образование, социокультурные

³⁵⁵ Чтение. Энциклопедический словарь / Под ред. чл.-корр. РАО Ю. П. Мелentyевой. М., 2021. С. 308.

³⁵⁶ Белоедова А. В., Кожемякин Е. А. Мультимодальная коммуникация в фокусе исследовательской рефлексии: проблемно-ориентированный подход // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 60.

³⁵⁷ Маркова В. А. Модели читательских практик и их трансформация в электронной среде // Научные и технические библиотеки. 2015. № 1. С. 66–80.

³⁵⁸ Там же. С. 71.

³⁵⁹ Симоненко М. А., Кривых Л. Д. К вопросу о типологии читателей в эпоху постграмотности // Проблемы повышения эффективности научной работы в оборонно-промышленном комплексе России: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Сост. С. Н. Бориско. Астрахань, 2020. С. 341–342.

навыки, степень развития эмоционального интеллекта, владения читательскими стратегиями в целом³⁶⁰.

С точки зрения визуального восприятия научных интернет-текстов, мы делим всех читателей на две категории – опытные и неопытные. В словарях присутствует определение квалифицированного читателя с пометкой, что его синонимами в том числе являются и словосочетания «опытный читатель», «компетентный читатель», – «обладатель высокого уровня читательского сознания и качества чтения любых типов и видов текста, умеющий выбирать адекватную литературу целям и задачам читательской деятельности, имеющий статус предпочитаемого в межчитательском общении, способный выстраивать логику работы с текстами от мотивации к рефлексии в решении жизненных проблем; <...> обладает стойкой привычкой к чтению, у него сформирована душевная и духовная потребность в чтении как средстве познания мира»³⁶¹.

Итак, опытным читателем научного интернет-текста можно назвать, с одной стороны, того, кто занимается научной деятельностью профессионально и отводит чтению научных текстов довольно много времени (ученые, преподаватели, научные сотрудники и т. п.), а с другой стороны, того, кто свободно себя чувствует в интернет-среде на уровне пользователя, знает о том, как функционирует текст в цифровом пространстве, умеет с ним взаимодействовать. Неопытный же читатель научных интернет-текстов – это тот, кто не соответствует одному или сразу двум отмеченным факторам, так как тогда его взаимодействие с текстом, в том числе и на оптическом уровне, будет затруднено.

Дифференциация зрительных стратегий опытных и неопытных читателей при взаимодействии с научным интернет-текстом: результаты эксперимента

Зрительные стратегии взаимодействия с научными интернет-текстами зависят как от семитической организации самих текстов (наличие или отсутствие его традиционных структурных элементов (аннотация, ключевые слова), аффордансов, визуальных якорей внимания (иконические элементы, шрифтовые выделения, увеличенный кегль некоторых слов и т. п.)), так и от пользовательского и собственно научного опыта респондентов. Чтобы подтвердить или опровергнуть данное утверждение был проведен эксперимент, который состоял в следующем.

Двум группам испытуемых был предложен для чтения один и тот же научный текст. Однако группа 1 (экспериментальная, N=8) читала этот текст, снабженный аффордансами и другими структурными и визуальными элементами (<https://sites.google.com/view/article2222/главная-страница>), а группа 2 (контрольная, N=8) читала линейный текст без визуальной составляющей, шрифтовых выделений, аффордансов

³⁶⁰ Тихомирова И. И. О классификации читателей и дифференцированном руководстве чтением // Советское библиотечное дело. 1978. № 6. С. 43–56.

³⁶¹ Чтение. Энциклопедический словарь / Под ред. чл.-корр. РАО Ю. П. Мелентьевой. М., 2021. С. 310–311.

<https://sites.google.com/view/article1111/главная-страница>). В обеих группах присутствовали как опытные, так и неопытные читатели. Организация и фиксация процесса зрительного восприятия текстов группами осуществлялась в рамках окулографического эксперимента, который сопровождался прямым наблюдением за действиями испытуемых во время их взаимодействия с текстами.

Окулография выполнялась на основе айтрекинга – технологии отслеживания движений глаз человека, определения координат зора (пересечение оптической оси глазного яблока и плоскости исследуемого объекта), записи данных респондентов для дальнейшего исследования. С помощью айтрекера были получены данные о направлении взгляда испытуемого, локусе и длительности его зрительной фиксации. В нашем распоряжении был стационарный бесконтактный айтрекер Gaze Point GP 3. Данный айтрекер отличается высокой чувствительностью, так как работает на основе метода яркого зрачка (соответствует т. н. «эффекту красных глаз» в фотографии), который дает возможность вести точную запись результатов без учета световых условий помещения (от яркого света до полумрака в момент проведения эксперимента), и физиологических особенностей испытуемых (цвета радужной оболочки, наличия линз, очков, яркой косметики и т. д.).

Сбор, обработка и категоризация данных айтрекинга зрительного поведения каждого испытуемого проводились с помощью программного обеспечения «Нейроиконика» с учетом трех параметров:

1) «Движение взгляда» – карта паттернов фиксации движения глаз – позволяет проследить, в каком порядке человек просматривал стимул, как двигался его взгляд, как долго задерживался на определенных элементах изображения, выводимого на экран компьютера.

2) «Тепловая карта» помогает отследить число фиксаций взгляда на различных частях стимула, показывает области прямого и периферийного взгляда. При этом на тестируемое изображение накладываются цветовые пятна различного спектра (от «горячих» зон, подсвечиваемых красным цветом – до «холодных», выделяемых синим).

3) «Пчелиный рой» показывает области стимула, привлечшие наибольшее внимание. По сути, параметр представляет собой информацию о фокусе внимания респондента и позволяет проследить последовательность знакомства с элементами стимула и длительность зрительных фиксаций.

Совокупные данные по трем указанным параметрам дают представление и о «слепых» зонах объекта-стимула, то есть о тех частях информационного продукта, которые остаются вне зоны внимания испытуемых. Сбор окулографических и UX-данных проходил в ходе айтрекинга при взаимодействии двух групп респондентов с научными интернет-текстами. Задания и вопросы интервью для контрольной и экспериментальной групп респондентов были одинаковыми, как и условия проведения самого эксперимента.

Интерпретация полученных результатов строилась с опорой на две группы данных:

– данные, полученные в ходе окулографии (куда смотрят / не смотрят респонденты в ходе зрительного взаимодействия с текстами, как часто смотрят, какова траектория взгляда);

– UX-данные, полученные в ходе прямого наблюдения за значимыми действиями испытуемых, зафиксированными видеокамерой (клики, время просмотра фрагментов текста, количество возвратов по кликам или обратных прокруток в ходе чтения текстов).

Мотивом чтения текста для группы 1 и группы 2 стала просьба пересказать его основное содержание.

Результаты эксперимента показали, что зрительные стратегии взаимодействия с научными интернет-текстами действительно зависят от семитической организации самих текстов, даже если рассматривать их суммарно и без разделения на опытных и неопытных читателей внутри групп.

Итак, при первичном знакомстве с текстами экспериментальная группа (текст для неё содержал визуальные элементы и аффордансы) демонстрировала тенденцию к более фрагментарному и фокусированному зрительному восприятию его содержания, а испытуемые из контрольной группы читали текст, с одной стороны, последовательно, а с другой стороны, пропускали целые его фрагменты. В качестве примеров рассмотрим суммарные изображения визуального поведения экспериментальной и контрольной группы по параметру «Тепловая карта» при чтении одного и того же фрагмента текста с точки зрения содержания, но оформленных по-разному. Можно заметить, что взгляд респондентов из группы 1 (Рис. 7) двигался скачкообразно, перемещаясь от одного выделенного элемента к другому (зоны внимания в основном сосредоточены на выделенных полужирных фрагментах текста и цифрах, данных укрупненным кеглем). В то время как участники контрольной группы просматривали текст более последовательно, слева направо, без больших «слепых» пятен в начале абзаца, однако со значительным пробелом в следующей части текста (Рис. 8).

Рис. 7. Визуализация параметра «Тепловая карта»

для группы экспериментальной группы (группа 1). Первичное знакомство с текстом

Рис. 8. Визуализация параметра «Тепловая карта» для контрольной группы (группа 2). Первичное знакомство с текстом

При вторичном прочтении значимыми «якорями» внимания у экспериментальной группы оказались в первую очередь цифры, выделенные полужирным шрифтом и большим кеглем, к ним респонденты возвращались перед тем, как приступали к выполнению задания – устный пересказ основного содержания текста (Рис. 9).

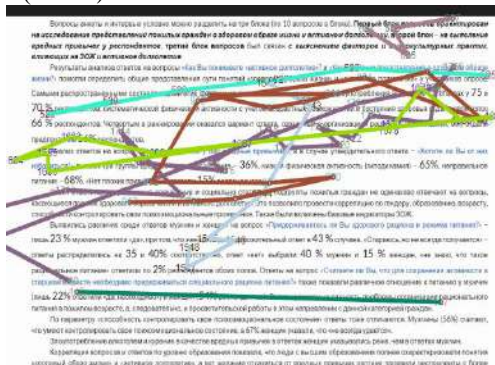

Рис. 9. Визуализация параметра «Движение взгляда» для респондентов экспериментальной группы. Вторичное знакомство с текстом

Испытуемые контрольной группы в основном после прочтения текста приступали к его пересказу. Вторично текст просматривали немногие и в основном обращались к вступительной части публикации, где был представлен обзор научной литературы по теме исследования (Рис. 10). При этом респонденты скользили взглядом либо горизонтально по строчкам (лиловая линия на Рис. 10), либо вертикально, стремясь зрительно охватить фрагмент, где дается определение ключевому понятию статьи (фиолетовая линия на Рис. 10).

Рис. 10. Визуализация параметра «Движение взгляда» для респондентов контрольной группы. Вторичное знакомство с текстом

Для анализа «горячих» и «слепых» зон внимания мы составили таблицы, указав в них основные структурные элементы статей и подсчитав, сколько человек прочитывали их во время знакомства с текстами (Табл. 1).

Структурный элемент статьи	Группа 1 (экспериментальная), чел.	Группа 2 (контрольная), чел.
автор	7	6
заголовков	8	8
аннотация	4	отсутствовала в публикации
ключевые слова	2	отсутствовали в публикации
введение	8	8
методология	8	8
основная часть	8	8
заключение	6	8
список литературы	2	1

Табл. 1. Распределение зрительных реакций респондентов на структурные элементы публикаций (R = 8)

Стоит отметить, что текст для контрольной группы был простой, линейный, вербальный, без иллюстраций, аффордансов, ссылок, шрифтового и цветового выделения, в нем отсутствовали такие важные структурные элементы научной публикации, как аннотация и ключевые слова. Текст для экспериментальной группы, напротив, был излишне снабжен графическими и визуальными элементами, важные части статьи (аннотация, ключевые слова, заключение и список литературы) были скрыты в выпадающих списках и требовали дополнительных усилий от респондентов – нажать на кнопку, раскрывающую полный текст (Рис. 11).

Рис. 11. Фрагмент статьи для респондентов экспериментальной группы

«Горячими» для восприятия структурными элементами публикации оказались наименование авторов, заголовок публикации, методология исследования, основная часть публикации, содержавшая результаты социологического исследования, а также заключение. На наш взгляд, это объясняется мотивом для прочтения статьи – пересказ ее основного содержания.

В «слепую» зону попали аннотация и ключевые слова, список литературы, карусель изображения (только на стартовое изображение обращали внимание), а также видео. Чаще всего испытуемые не дочитывали части текста целиком, а переходили к скроллингу после беглого знакомства с началом отдельных структурных элементов или абзацев (группа 2), после знакомства с графически выделенными элементами статьи (группа 1). В публикации, где было необходимо вызвать основное содержание структурного элемента дополнительным кликом, чаще всего респонденты его не делали, вероятно считая, что это не особенно важные части.

В текст статьи для группы 1 были включены ссылки на веб-сайт журнала, в котором был опубликован материал, и на его группу в социальной сети «ВКонтакте» (Рис. 12). Только один испытуемый перешел на сайт журнала, и никто не перешел на страницу группы. На поведение испытуемых могло повлиять оформление ссылок на сторонние ресурсы, возможно, они не были распознаны как ссылки (они не синего цвета, текст ссылки не имеет характерного подчеркивания, при наведении мышки текст не меняет свой цвет). Данное наблюдение требует дополнительных исследований.

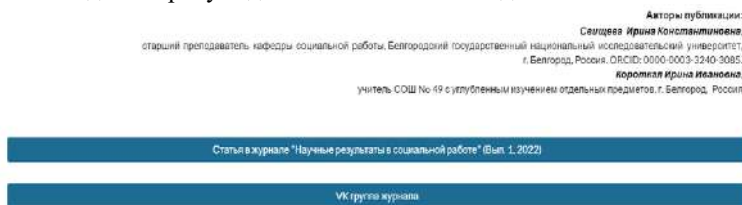

Рис. 12. Фрагмент статьи с аффордансами и иными визуальными элементами

Важным элементом оценки пользовательского опыта испытуемых является затраченное на знакомство со статьей время, а также время на выполнение заданий по тексту публикации (Табл. 2).

Респондент (R)	Группа 1			Группа 2		
	t чтения статьи (мин.)	t З. 1 (сек.)	t З. 2 (сек.)	t чтения статьи (мин.)	t З. 1 (сек.)	t З. 2 (сек.)
R 1 (Александра / Дарья)	10	6	4	15	47	3
R 2 (Светлана / Сергей К.)	7	27	11	7	16	12
R 3 (Лилия / Алина)	5	25	7	8	8	7
R 4 (Родион / Сергей Б.)	7	14	33	10	42	12
R 5 (Ирина Д. / Марина)	5	12	5	16	10	2
R 6 (Ирина Ч. / Татьяна)	5	6	6	8	4	17
R 7 (Алена / Александра)	7	30	38	8	29	10
R 8 (Кира / Лера)	5	10	2	11	39	8

Табл. 2. Время, затраченное респондентами группы 1 и 2 на знакомство со статьей и поиску запрашиваемой информации по ее тексту

Перед началом эксперимента формулировался общий для контрольной и экспериментальной групп мотив – прочитать текст и пересказать его основные мысли. В среднем группа 1, читавшая текст со сложной семиотической организацией, потратила 6,4 минуты на его выполнение, а группа 2, знакомившаяся с линейным и простым текстом, – 10,4 минуты. Это говорит о том, что дополнительные визуальные элементы и аффордансы влияют на скорость восприятия информации, помогают быстрее находить необходимые данные, внимание читателя не рассеивается, а наоборот, фокусируется на важных частях текста.

Вместе с тем выполнение заданий по поиску информации в тексте только частично подтвердило отмеченную нами корреляцию между его оформлением и особенностями зрительного восприятия. Так, испытуемые должны были выполнить два задания (с замером времени их выполнения):

Задание 1. Найти в результатах социологического исследования, представленных в статье, что опрашиваемые понимали под термином *активное долголетие*.

Задание 2. Найти в тексте, сколько мужчин и женщин в процентном соотношении придерживаются здорового режима питания.

С первым заданием испытуемые из экспериментальной группы в среднем справлялись за 16,3 секунды, а из контрольной – за 24,3 секунды, что подтверждает нашу гипотезу о том, что визуально заметные элементы научного текста помогают не только лучше его понимать, но и повышают навигацию по нему пользователей. Однако результаты второго испытания, где группа 1 показала результат 13,3 секунды, а группа 2 – 8,9 секунды, оспаривают наш вывод. Судя по данным окулографии, обилие выделений в тексте и

пытаясь соотнести их. Неопытные фиксировали взгляд на цифрах, вопросах и ответах в социологическом исследовании. Стоит отметить, что и опытные читатели из экспериментальной группы задерживали взгляд на выделенных текстовых фрагментах, например, когда прокручивали текст публикации, в первую очередь айтрекер фиксировал внимание на выделенном элементе, а затем снова возвращались к линейному чтению.

Интересным, на наш взгляд, является то, что опытные читатели практически не смотрели на изображения и видео, представленные в тексте, поясняя это тем, что в самом тексте нет отсылок к ним, а неопытные просматривали их. В дальнейших исследованиях мотив такого сенсорного паттерна стоит исследовать специально. Возможно, это как раз и связано с устройством интернет-среды, в котором все полотно экрана воспринимается как единый текст, если человек недостаточно глубоко погружен в дискурс, из которого этот текст пришел.

Различные зрительные стратегии демонстрируются и во время выполнения поисковых заданий по тексту. Опытные читатели довольно легко ориентируются в структуре текста, догадываются, где нужно искать ту или иную информацию, у неопытных, по-видимому, нет такого четкого представления о структуре научной публикации, поэтому вторичное чтение они начинают не с нужной части, а с диагонального чтения всей публикации с самого начала.

Стоит отметить дифференциацию зрительного поведения и во время пересказа основного содержания публикации. Опытные читатели практически не обращают свой взгляд на экран (исключение: несколько человек просмотрели цель публикации), неопытные же пересказывали с опорой на текст. Те, кто читали текст, насыщенный дополнительными семиотическими элементами, ориентировались на них; те, кто читал текст без них, ориентировались на названия частей публикации, которые были отделены отступами от основного текста.

Выводы

Практики чтения меняются вслед за развитием материальной среды и средств коммуникации. Текст в разных своих семиотических воплощениях все так же остается основным средством передачи информации, однако дигитализация наполняет его дополнительными смыслами, не только «человеческими», но и «компьютерными». Именно они позволяют текстам приобрести новые цифровые качества, все более тесно связывая их вербальную составляющую с изображениями, видео, интерфейсами и т. п. Такая новая материальность текстов оказывает серьезное влияние и на их восприятие, оно во многом задается возможностями цифровых интерфейсов привычных уже нам устройств (компьютеры, ноутбуки, планшеты, смартфоны). Все это формирует новые телесные и моторные привычки читателей, меняет правила создания и прочтения вербальных текстов в цифровом пространстве.

И научный текст не стал исключением. Сохраняя строгие требования к содержанию и структуре, характерные для академического дискурса, научные публикации в пространстве интернета обретают новые и значимые оптические свойства, влияющие на их рецепцию. Эти свойства обуславливаются рядом факторов, которые влияют на их внешний вид и структуру. Это лингвистические и жанрово-стилистические, экстралингвистические и технологические факторы, а также аффордансы. Научный текст в Интернете выходит за рамки стандартной модели коммуникации, его новая материальность буквально заставляет исследователей искать новые подходы к пониманию особенностей его рецепции. Таким подходом могут стать мультимодальные исследования, позволяющие учитывать синтез значений, возникающий в процессе рецепции и интерпретации семиотически сложных объектов, в качестве которого и выступает научный интернет-текст.

Зрительные стратегии взаимодействия с научными интернет-текстами зависят как от семиотической организации самих текстов (наличие или отсутствие его традиционных структурных элементов (аннотация, ключевые слова), аффордансов, визуальных якорей внимания (иконические элементы, шрифтовые выделения, увеличенный кегль некоторых слов и т. п.)), так и от опыта респондентов – пользовательского и собственно научного. Результаты окулографического эксперимента подтвердили данную корреляцию.

ЛИТЕРАТУРА

- Баева Л. В.* Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 1618–1623. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.11.15928
- Белоедова А. В., Кожмякин Е. А.* Мультимодальная коммуникация в фокусе исследовательской рефлексии: проблемно-ориентированный подход // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 54–70.
- Дзялошинский И. М.* Аффордансы информационно-коммуникационного универсума, или Кто стоит за спиной массмедиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26, № 1. С. 92–98.
- Дрешер Ю. Н.* Краткий терминологический словарь по библиотерапии // Библиотерапия. Полный курс: учеб. пособие. М., 2007.
- Кожмякин Е. А., Дубровская Т. В.* Научный интернет-текст как семиотический объект: постановка проблемы для мультимодального анализа // Динамика медиасистем. 2023. Т. 3, № 1. С. 163–171.
- Кожина М. Н., Крысин Л. П.* Научный стиль. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание; под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 329–331.
- Манович Л.* Язык новых медиа. М., 2018.
- Маркова В. А.* Модели читательских практик и их трансформация в электронной среде // Научные и технические библиотеки. 2015. № 1. С. 66–80.
- Мелетьева Ю. П.* Электронное чтение как современный этап эволюции чтения // Книжная культура в контексте инновационного развития общества / отв. ред. В. И. Васильев. Минск, 2017. С. 171–178.
- Северина Е. М.* Цифровой текст в пространстве современной культуры // Человек и культура. 2019. № 5. С. 65–72. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.5.30967
- Симоненко М. А., Кривых Л. Д.* К вопросу о типологии читателей в эпоху постграмотности // Проблемы повышения эффективности научной работы в оборонно-

промышленном комплексе России: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Сост. С. Н. Бориско. Астрахань, 2020. С. 338–342.

Сметанникова Н. Н. Стратегический подход к обучению чтению. М., 2005.

Стрельникова А. В., Николаева Е. В. How electronic gadgets are changing reading practices // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер – 2022): Сб. мат. Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием. Ч. 7. М., 2022. С. 216–219.

Тихомирова И. И. О классификации читателей и дифференцированном руководстве чтением // Советское библиотековедение. 1978. № 6. С. 43–56.

Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. изд. 4-е. М.: КомКнига, 2007. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21594613_14424416.htm

Чтение. Энциклопедический словарь / Под ред. чл.-корр. РАО Ю. П. Мелентьевой. М., 2021.

Чудова И. А. Электронное или бумажное? Специфика реализации практик чтения студентами и научными работниками // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 53–72. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.5>

Шартье Р. Письменная культура и общество / Пер. с фр. и послесл. И. К. Стаф. М., 2006.

McKenzie D. F. Bibliography and the sociology of texts. Cambridge, 1999.

Иллюстрирование научного текста в интернет-коммуникации³⁶²

В 2016 году в статье для журнала «Медиалингвистика» мы описали функционирование невербальных реляционных элементов в критических медиатекстах. При этом многословное описание этих графических элементов не было дополнено иллюстрациями. К статье иногда обращаются и сегодня, однако для нас навсегда останется загадкой, насколько адекватно аудитория представляет себе те самые «невербальные реляционные элементы».

Отчасти этот опыт подтолкнул нас к осмыслению проблемы оформления и иллюстрирования медиатекстов. Спустя четыре года (в 2020 году) мы предприняли попытку опубликовать в известном научном журнале статью, обращенную к этой проблематике. Мы были убеждены, что научная статья об иллюстрировании не может не сопровождаться иллюстрациями. Однако мы получили следующее замечание от редколлегии: *Число и содержание фотографий нуждается в сокращении и коррекции. У нас научный журнал, поэтому фото мы помещаем в исключительных случаях, когда они несут важную научную нагрузку. Если содержание фото можно описать словами, то нужно так и сделать, при желании вставив ссылку на web-источник данного фото.* Из-за этого замечания нам пришлось избавиться не только от иллюстраций, но и от связанных с ними кейсов. Вербальное описание изображения (особенно фотографического) значительно увеличивает объем текста, но при этом не дает необходимого представления об изображении или даже искажает его. Анализ предмета без его репрезентации в тексте видится нам малоэффективным. Это все равно что свидание вслепую. Не способно решить проблему и включение в текст гиперссылок. Уже в конце XX века стала очевидной проблема вымирания ссылок, с тех пор ей посвящено большое количество исследований³⁶³. В 2013 году Jason Hennessey и Steven Xijin Ge на основе тестирования ссылок в публикациях из базы данных Thomson Reuters Web of Science пришли к выводу, что средняя продолжительность жизни гиперссылок в научной публикации составляет 9,3 года³⁶⁴. Эти данные сегодня представляются чересчур оптимистичными. После публикации нашей статьи на английском языке мы решили опубликовать ее расширенную (исходную) версию на русском. Расширенную версию мы снабдили одиннадцатью иллюстрациями. Все иллюстрации сопровождаются подписями, а часть из них гиперссылками на источники. Расширенная версия вышла в 2021 году. Прошло 2 года. Из 6 гиперссылок на источники иллюстраций не работают 3 – половина.

³⁶² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00109, проект «Рецепция и интерпретация научного текста в интернете: мультимодальный подход».

³⁶³ McMillan S. Survival of the Fittest Online: A Longitudinal Study of Health-Related Web Sites. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2001. 3; Zittrain J., Bowers J., Stanton C. The Paper of Record Meets an Ephemeral Web: An Examination of Linkrot and Content Drift within The New York Times. *Library Innovation Lab., HARVARD L.SCH.* 2021.

³⁶⁴ Hennessey J., Ge S. A cross disciplinary study of link decay and the effectiveness of mitigation techniques. *BMC Bioinformatics* volume. 2013.

В последней нашей статье, опубликованной на момент написания этого текста, 16 иллюстраций. Публикация посвящена риторике анонимности в языке фотографии, и мы убеждены, что все иллюстрации необходимы для изложения результатов исследования. Иллюстрации не просто способствуют комфортному изучению и пониманию материала, а являются важной составляющей мультимодального риторического комплекса статьи, способствуют верификации ее вербального содержания.

Сегодня очевидно, что мультимедийное представление информации облегчает понимание, способствует запоминанию и последующему воспроизведению информации. *Мультимедийный принцип*³⁶⁵, основанный на *теории двойного кодирования*³⁶⁶, особенно широко проявляется при создании учебников и в СМИ. Наличие в тексте большого количества изображений наиболее полезно для людей с ограниченным количеством знаний в обсуждаемой предметной области³⁶⁷. Именно поэтому в детских книгах иллюстраций больше, чем в книгах для взрослых. Наличие большого количества фотографий в публикациях СМИ, использование инфографики помогает завладеть вниманием широкой аудитории, сделать текст понятнее, облегчить его восприятие неподготовленным читателем.

При этом злоупотребление иллюстративным материалом может негативно сказаться на восприятии информации специалистами. Семантическое дублирование информации в разных модальностях способно привести к росту когнитивной нагрузки и возникновению *эффекта избыточности*³⁶⁸, а неудачно интегрированные в текст иллюстрации могут вызвать *эффект разделенного внимания*³⁶⁹.

Научные тексты реализуются в различных коммуникативных средах, основной из которых сегодня является Интернет. Е. А. Кожемякин и Т. В. Дубровская убеждены, что цифровая инфраструктура науки «предполагает подготовку и размещение таких научных текстов, которые могли бы конкурировать с текстами, изначально подготовленными для достижения развлекательных и рекламных целей»³⁷⁰. Исследователи утверждают, что коммуникативная эффективность современных научных текстов выражается не только в их информативности, объективности, доказательности, но и

³⁶⁵ Mayer R. E. Multimedia learning. New York, 2009; Fletcher J. D., Tobias S. (n.d.). The Multimedia Principle. The Cambridge Handbook of Multimedia Learning. 2005. Pp. 117–134.

³⁶⁶ Paivio A. Mental representations: A dual coding approach. New York, 1986; Paivio A. Images in mind: The evolution of a theory. Hempstead, Herfordshire, UK, 1991.

³⁶⁷ Tobias S. Achievement treatment interactions. Review of Educational Research. 1976. № 46, Pp. 61–74; Tobias S. When do instructional methods make a difference? Educational Researcher. 1982. № 11(4), Pp. 4–9; Tobias S. Another look at research on the adaptation of instruction to student characteristics. Educational Psychologist. 1989. № 24, Pp. 213–227.

³⁶⁸ Yeung A. S. Cognitive Load and Learner Expertise: Split-Attention and Redundancy Effects in Reading Comprehension Tasks With Vocabulary Definitions. The Journal of Experimental Education. 1999. № 67(3), Pp. 197–217.

³⁶⁹ Chandler P., Sweller J. The split-attention effect as a factor in the design of instruction. British Journal of Educational Psychology. 1992. № 62(2), Pp. 233–246.

³⁷⁰ Кожемякин Е. А., Дубровская Т. В. Научный интернет-текст как семиотический объект: постановка проблемы для мультимодального анализа // Динамика медиасистем. 2023. Т. 3, № 1. С. 163–171.

коррелирует с закономерностями восприятия информации в интерактивном, мультимедийном цифровом пространстве интернета.

По сравнению с печатным текстом, интернет-текст имеет практически неограниченный потенциал визуализации. Печать изображений требует затраты значительного количества ресурсов, поэтому иллюстрированные книги стоят гораздо дороже неиллюстрированных. В XIX веке для печати изображения, например, фотографии в книге или газете требовалось изготовить типографское клише. Это был трудоемкий и дорогостоящий химический процесс, в котором использовались литографские камни или металлические пластины. Цифровые технологии значительно упростили процесс, но печатать изображения по-прежнему дорого. В 2015 году теоретик визуальной культуры Николас Мирзоев утверждал, что «каждые две минуты один только американцы делают больше фотографий, чем было снято за весь XIX век»³⁷¹. Подсчитать, сколько фотографий создается сегодня, вряд ли представляется возможным. Онлайн-площадки позволяют размещать большое количество визуального материала (изображение, анимация, видео, технологии дополненной реальности и т. д.), и эта возможность стала коммуникативной нормой в интернет-среде.

В 1853 году Луи Руссо и Ашило Девериа опубликовали в Париже книгу «Зоологическая фотография, или Представление редких животных из коллекции Музея естествознания». Она стала первой научной книгой, проиллюстрированной методом фотомеханической гравюры. Фотографии были напечатаны дорогостоящим методом гелиографуры³⁷². С тех пор цифровые технологии в корне изменили методы верстки и печати, а научный интернет-текст получил практически неограниченный потенциал визуализации. Однако даже электронные научные тексты сегодня по-прежнему преимущественно ориентированы на вербальный компонент, не используют мультимедийный потенциал цифровой среды, что представляется атавизмом печатной эпохи, в значительной степени диктовавшей нормы репрезентации научного знания, – печать изображений требовала значительного количества творческих и материальных ресурсов и увеличивала стоимость подписки на научный журнал.

Уместное использование мультимедийных возможностей цифровой среды способно повысить коммуникативную эффективность научных текстов, их объяснительные возможности, облегчить их восприятие не только специалистами, но и студентами, привлечь исследователей из других областей знания, журналистов, аудиторию, заинтересованную, но имеющую ограниченное количество знаний в предметной области.

Мы проанализировали иллюстративный материал в свежих выпусках наиболее цитируемых научных журналов в области массовых коммуникаций. Нас интересовало, как часто современные авторы используют иллюстрации, какого типа иллюстрации встречаются чаще в научных статьях, какого типа иллюстрации доминируют количественно. Мы предположили, что мультимедийная цифровая среда, в которой развивается современная наука,

³⁷¹ Мирзоев Н. Как смотреть на мир. М., 2019. С. 12.

³⁷² Фризо М. Новая история фотографии. Пер. А. Г. Наследникова, А. В. Шестакова. СПб., 2008. С. 233–242.

способна подталкивать исследователей к использованию большего количества иллюстраций, чем ранее. Для подтверждения этой гипотезы мы сравнили количественные характеристики иллюстративного материала в журналах 2023 года и в первых номерах 2016 года этих же журналов (часть журналов, попавших в первоначальную выборку, издается с 2016 года).

Чтобы оценить степень внимания редакций к иллюстративному материалу, определить уровень редакционных стандартов в этой области, мы проанализировали руководства для авторов, размещенные на сайтах соответствующих журналов.

Методы

Для формирования выборки мы воспользовались базой данных eLibrary.Ru. Мы отсортировали журналы по тематике «Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации». Нам показалось, что результаты исследования по этой тематике будут наиболее востребованы аудиторией настоящей монографии, однако исследование имеет потенциал масштабирования, например, в сравнительном аспекте. Нас интересовали только актуальные российские научные журналы с полными текстами в открытом доступе. Таким образом, мы получили список, включающий 31 наименование.

На первом этапе количественного исследования мы отсортировали список по числу цитирований, и проанализировали последние (1 этап количественного исследования – июль 2023 года) проиндексированные в eLibrary.Ru номера двадцати наиболее цитируемых журналов – 20 номеров, 259 публикаций.

Мы фиксировали: количество публикаций в номере; количество публикаций с иллюстрациями в номере; количество публикаций с определенным типом иллюстраций в номере – таблицы, диаграммы, изображения. Обычно именно такие типы иллюстраций выделяются редакциями в руководствах для авторов. Необходимо отметить, что к изображениям мы относили: фотографии, скриншоты, графические рисунки, карты, комиксы, мемы и другие типы иллюстраций, имеющие в основе визуальный образ.

На втором этапе количественного исследования мы проанализировали первые номера этих же журналов, вышедшие в 2016 году – 20 номеров, 316 публикаций. Среднее количество публикаций в номерах 2016 года заметно выше, но при этом публикации часто меньше по объему, чем в современных выпусках тех же журналов. Можно предположить, что уменьшение количества публикаций, обусловлено ростом их объема, а возможно, и качества, что в свою очередь связано со стремлением редакций соответствовать высоким стандартам статусных баз данных, однако содержание публикаций мы подробно не изучали.

Четверть анализируемых журналов (6 из 20) в настоящий момент распространяются исключительно в электронном виде. Остальные, если доверять информации в базе данных eLibrary.Ru, имеют печатную версию.

Результаты

Прежде всего, мы изучили руководства по оформлению рукописей, размещенные на сайтах журналов.

Чаще всего иллюстративный материал в стайлгайдах разделяется на таблицы и рисунки. В качестве отдельного кластера рисунков выделяются диаграммы. В руководстве журнала «Коммуникативные исследования» встречается понятие *речевая иллюстрация*. Правилам оформления таблиц и рисунков обычно отводится отдельный пункт.

Четверть стайлгайдов не содержит правил оформления иллюстративного материала (6 из 20), 14 стайлгайдов содержат правила оформления таблиц, в 13 присутствуют правила оформления рисунков.

Одно из основных требований к оформлению иллюстративного материала – наличие нумерации, названий и упоминаний в тексте. Менее регулярно (6 журналов) редакции формулируют требования к качеству иллюстраций. Иногда эти требования выражаются или сопровождаются прилагательными: *хорошее, пригодное, высокое, надлежащее*. Четыре журнала претендуют на качество изображений не ниже 300 dpi. Наиболее требовательна редакция «Коммуникологии» – им не стоит отправлять изображения, разрешение которых ниже 400 dpi. Наиболее творчески к объяснению *хорошего* качества изображений подошла редакция журнала «Научный редактор и издатель»: *Чтобы проверить качество изображения, можно увеличить его. Хорошее изображение не размывается при увеличении*. Эта рекомендация сопровождается наглядным примером.

Ограничения по количеству иллюстративного материала зафиксированы в стайлгайдах двух журналов. В «Вестнике российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» написано: *Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования)*. Редакция «Медиалингвистики» уточняет: *Таблицы и схемы желательно не использовать. В случае необходимости любые иллюстрации прилагаются отдельным файлом каждая в графическом формате*.

Иллюстрации (таблицы, диаграммы, изображения) сопровождают 29 % (76) публикаций 2023 года, если не учитывать таблицы – 17 % (45). Всего мы обнаружили 452 иллюстрации (Рис. 1). В 2016 году иллюстрации сопровождали 15 % (47) публикаций, если не учитывать таблицы – 10 % (32). Всего мы обнаружили 198 иллюстраций. Эти данные говорят о том, что авторы стали в два раза чаще использовать иллюстрации, а журналы более охотно принимать иллюстрированные рукописи. Более убедительные выводы можно сделать,

изучив динамику изменения количества иллюстрированных публикаций на протяжении всего периода. В пользу достоверности предварительных выводов говорит сохранение общего пропорционального рисунка различных типов иллюстраций в 2016 и 2023 годах (Рис. 1, Рис. 2).

Рис. 1. Процентное соотношение публикаций 2016 года и 2023 года с различными типами иллюстраций.

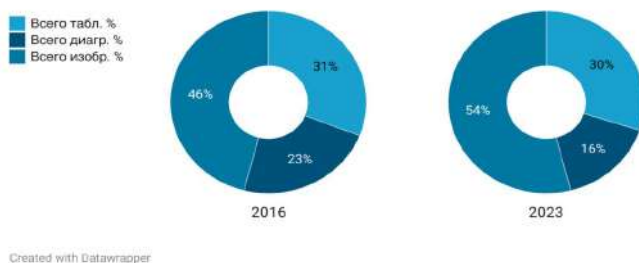

Рис. 2. Доли таблиц, диаграмм и изображений в общем массиве иллюстративного материала.

В 2023 году авторы публикаций наиболее часто используют таблицы: 21 % (55) публикаций от общего количества снабжены таблицами. В два раза реже в научных статьях встречаются диаграммы (10 % – 25) и изображения (11 % – 29) (См. Рис. 1). При этом доля изображений в общем количестве иллюстраций (452) заметно больше (54 % – 244), чем доли таблиц (30 % – 135) и диаграмм (16 % – 73) (См. Рис. 2).

В 2016 году 7 % (21) публикаций от общего количества были снабжены таблицами; 7 % (22) – изображениями. В два раза реже в научных статьях встречаются диаграммы (4 % – 12). Доля изображений в общем количестве иллюстраций (198) заметно больше (46 % – 91), чем доли таблиц (31 % – 62) и диаграмм (23 % – 45).

Можно отметить, что в 2016 году таблицы и изображения размещались в публикациях одинаково редко – только 7 % публикаций снабжены таблицами и столько же изображениями. В публикациях 2023 года таблицы встречаются в два раза чаще, чем изображения или диаграммы. На наш взгляд, это может объясняться повышением лояльности авторов и редакторов к иллюстрациям в научных публикациях. Но на фоне этой тенденции таблицы остаются наиболее репрезентативным способом иллюстрирования результатов исследований, ориентированных на лингвистический анализ, а демонстрация количественных

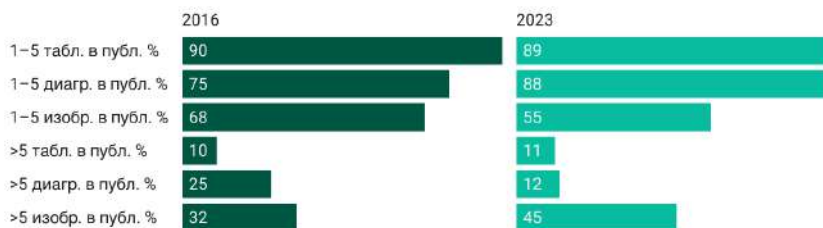
данных при помощи таблиц требует меньше компетенций, чем создание диаграмм.

Помимо этого, в процессе анализа данных мы обнаружили любопытную закономерность. Так, в подавляющем большинстве современных публикаций, иллюстрированных таблицами (89 %), мы обнаружили от 1 до 5 таблиц. В публикациях редко размещается более пяти таблиц. Максимальное количество таблиц в публикации – 10 (Рис. 3).

В подавляющем большинстве современных публикаций, иллюстрированных диаграммами (88 %), мы обнаружили от 1 до 5 диаграмм. Максимальное количество диаграмм в публикации – 10. Эти данные идентичны тем, которые мы получили в отношении таблиц: публикации довольно редко содержат более пяти диаграмм.

Однако только в 55 % современных публикаций, иллюстрированных изображениями, встречается от 1 до 5 изображений. 45 % публикаций, в которых встречаются изображения, снабжены более чем пятью изображениями. Трижды нам встретились публикации с более чем 20 изображениями.

Аналогичное количественное соотношение иллюстраций разных типов наблюдается и в публикациях 2016 года.

Created with Datawrapper

Рис. 3. Количество иллюстраций различных типов в научных публикациях 2016 года и 2023 года.

Современные авторы довольно редко используют изображения, но если используют, то часто в большом количестве. Обычно к внедрению в текст изображений авторов подталкивает проблематика исследования, например, *визуальный облик города, визуальная журналистика, журнальная иллюстрация*. При этом нам встретились публикации, в которых, на наш взгляд, явно не хватает наглядных примеров. Особенно эта тенденция заметна в публикациях 2016 года. Так, иллюстрации были бы уместны в статье «Генезис оформления периодического печатного издания на примере первой полосы газеты “Власть труда” (г. Иркутск)». Многословные описания расположения элементов на полосе вряд ли способны дать точное представление об анализируемых объектах и их эволюции. Нет изображений и в статье «Журналистика данных как объективное требование времени и ее влияние на формирование визуальной журналистики». Мы убеждены, что сегодня наличие визуальных

примеров в подобных научных текстах действительно является объективным требованием времени.

Выводы

Предварительные данные, полученные в ходе количественного исследования, позволяют говорить о повышении лояльности авторов и редакторов к иллюстрациям в научных публикациях избранной проблематики. Процент публикаций, снабженных иллюстрациями, с 2016 года вырос в два раза. Более объективные выводы можно сделать, изучив динамику иллюстрирования на протяжении всего периода и сравнив ее с динамикой иллюстрирования в журналах иной предметной области. Исследование в сравнительном аспекте представляется необходимым, так как мы установили, что доминирующий в публикации тип иллюстраций и их количество может зависеть от проблематики исследования.

Несмотря на увеличение количества публикаций с иллюстрациями, в четверти руководств для авторов мы не обнаружили каких-либо требований к оформлению иллюстративного материала. Это может говорить о том, что иллюстративный материал все еще не воспринимается авторами и редакторами как полноправная часть научного текста.

В ходе этого исследования мы не ставили задачу качественного анализа иллюстраций. Однако наблюдения, сделанные в ходе количественного исследования, позволяют говорить о пренебрежительном отношении некоторых авторов и коллегий к иллюстрациям в научной периодике. Несмотря на редкие требования *хорошего, пригодного, высокого, надлежащего* качества изображений, выраженного в том числе в количестве точек на дюйм (dpi), нам то и дело встречались иллюстрации, распадающиеся на пиксели, изображения с явно искаженными пропорциями, фотографии изображений, недостаточно крупные изображения с плохо различимыми значимыми объектами и т. п. При этом многие журналы по-прежнему не столько верстаются, сколько формируются без надлежащего внимания к базовым принципам дизайна периодического издания. Но эти наблюдения нуждаются в более последовательном и системном изучении.

ЛИТЕРАТУРА

Кожмякин Е. А., Дубровская Т. В. Научный интернет-текст как семиотический объект: постановка проблемы для мультимодального анализа // *Динамика медиасистем.* 2023. Т. 3, № 1. С. 163–171.

Мирзоев Н. Как смотреть на мир. М., 2019.

Фризо М. Новая история фотографии. Пер. А. Г. Наследникова, А. В. Шестакова. СПб., 2008. С. 233–242.

Chandler P., Sweller J. The split-attention effect as a factor in the design of instruction. *British Journal of Educational Psychology.* 1992. № 62(2), Pp. 233–246.

Fletcher J. D., Tobias S. (n.d.). The Multimedia Principle. *The Cambridge Handbook of Multimedia Learning.* 2005. Pp. 117–134.

Hennessey J., Ge S. A cross disciplinary study of link decay and the effectiveness of mitigation techniques. BMC Bioinformatics volume. 2013. URL: <https://bmcbioinformatics.biomedcentral.com/articles/10.1186/1471-2105-14-S14-S5>

Mayer R. E. Multimedia learning. New York, 2009.

McMillan S. Survival of the Fittest Online: A Longitudinal Study of Health-Related Web Sites. Journal of Computer-Mediated Communication. 2001. № 3. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/j.1083-6101.2001.tb00123.x>

Paivio A. Mental representations: A dual coding approach. New York, 1986.

Paivio A. Images in mind: The evolution of a theory. Hempstead, Herfordshire, UK, 1991.

Tobias S. Achievement treatment interactions. Review of Educational Research. 1976. № 46, Pp. 61–74.

Tobias S. When do instructional methods make a difference? Educational Researcher. 1982. № 11 (4), Pp. 4–9.

Tobias S. Another look at research on the adaptation of instruction to student characteristics. Educational Psychologist. 1989. № 24, Pp. 213–227.

Yeung A. S. Cognitive Load and Learner Expertise: Split-Attention and Redundancy Effects in Reading Comprehension Tasks With Vocabulary Definitions. The Journal of Experimental Education. 1999. № 67(3), Pp. 197–217.

Zittrain J., Bowers J., Stanton C. The Paper of Record Meets an Ephemeral Web: An Examination of Linkrot and Content Drift within The New York Times. Library Innovation Lab., HARVARD L.SCH. 2021. URL: <https://perma.cc/L8JT-YK5F>

Информация об авторах

Белоедова Анна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Выровцева Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры медиалингвистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета.

Дубровская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Английский язык» Пензенского государственного университета, профессор кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Дускаева Лилия Рашидовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой медиалингвистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета.

Жаркова Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры медиалингвистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета.

Иванова Любовь Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета.

Кожемякин Евгений Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета, директор центра развития научных компетенций Школы коммуникаций факультета креативных индустрий Высшей школы экономики.

Коньков Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры медиалингвистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета.

Коняева Юлия Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета.

Кругликова Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета.

Полонский Андрей Васильевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Прокофьева Наталья Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета.

Самсонова Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета.

Соломкина Татьяна Алексеевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры телерадиожурналистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета.

Суркова Анна Руслановна, магистр журналистики (программа «Историческая журналистика» Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета).

Тяжлов Ян Игоревич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Цветова Наталья Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры медиалингвистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета.

Щеглова Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры медиалингвистики Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» Санкт-Петербургского государственного университета.

Научное издание

**ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ
В ДИАЛОГЕ МЕДИА:
КОНТЕКСТЫ, ТЕХНОЛОГИИ И ЯЗЫКОВЫЕ ТЕХНИКИ**

Научный редактор Л. Р. Дускаева
Ответственный редактор Е. В. Выровцева

Подписано в печать 08.12.2023. Формат 60×84/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 12,96. Тираж 50. Заказ 216.

Выпущено ООО «Медиапапир»
с готового оригинал-макета, предоставленного заказчиком
194021, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 28, литера А,
помещ. 3-н, ком. 184, 185, 188, 192, 193, 194. Тел.: (812) 987-75-26
mediapapir@gmail.com www.mediapapir.com www.mediapapir.ru